

Апрел Мес

Глиссандо

— ...Странно, да? К чему мы в итоге пришли... — Тебе известно, что такое "глиссандо"? — Плавный переход от одного звука к другому. Да, Макс, мне это известно. К чему этот вопрос? — К тому, что ты олицетворяешь этот термин. Поэтому нет. Я не думаю, что это странно то, к чему мы в итоге пришли. Треск огня, единственно рушащий тишину, сигаретный дым, как явный запах отчаяния, гора грузных сожалений и двое. Каждый из них преследует свою цель, но в этой игре важно учесть и третий фактор: иногда у машины времени нет ни тормозов, ни руля. Осторожней, как бы Гордиев узел прошлого вдруг не стал петлей на шее, а мягкое, кожаное кресло помостом виселицы, который в любой момент может обвалиться...

Глиссандо
Ария Тес

1. One way or another

*One way or another I'm gonna find ya
I'm gonna get ya
One way or another I'm gonna win ya
I'm gonna get ya get ya
One way or another I'm gonna see ya
I'm gonna meet ya
One day, maybe next week
I'm gonna meet ya, I'm gonna meet ya
I will drive past your house
And if the lights are all down
I'll see who's around
Until the Ribbon Breaks — One Way or Another [\[1\]](#)*

26; Макс

Я долго смотрю на нее. Огонь к камине бликует, бросает тени, что играют на стенах в какие-то дьявольские игры, треск нарушает тишину, и только он! Дым от моей сигареты ползет лениво вверх. Странно, что Лили выглядит так, как она выглядит. Красивое, шелковое платье на тонких лямках, укладка, макияж — и ни следа трагедии, которая на мне отпечаталась тяжелой серой тенью. Я видел ее в зеркале сегодня, вчера, и, полагаю, буду видеть до конца своих дней.

— Ты не предложишь мне выпить? — спрашивает, наконец руша тяжелое молчание, и я указываю на бар подбородком.

— Угощайся.

Слегка улыбается. Черт возьми, как она это делает? Я бы хотел знать в теории, но не стану спрашивать, потому что мне неинтересно по сути своей. Вместо этого я молча наблюдаю за ее тонкой фигурой, что курсирует по кабинету в сторону бара. Она красивая. И она умеет это подчеркнуть настолько выгодно, насколько это вообще возможно, начиная с верного выбора ткани, заканчивая фасоном и местом, где именно будет находиться. Я это точно знаю. Помню, как она выбирала одежду для интервью с моим папашей и заставила меня дать фотографии его кабинета. Я сначала не понял, не понял и после того, как встретил ее у подъезда и увидел на ней черный костюм с юбкой-карандашом чуть ниже колена и ярко-желтым ремнем на талии. Казалось бы, да? Официальный стиль одежды такого не приемлет (как бы), прибавить к этому ярко-красную помаду и темно-коричневые тени на глазах — совсем уж что-то не то. Я было открыл тогда рот, но она меня сразу же обрубил, мол, знает лучше, и я позволил ей «знать лучше». Признаюсь честно, что хотел посмотреть на то, как ее обломят за фактическую фривольность, а в итоге сам остался с носом. Кабинет отца был строгим, в лучших традициях старого Лондона, и только одно здесь выбивалось — картина с ярко-желтыми подсолнухами, перевязанными красной лентой. Как только она села в кресло, все сразу встало на свои места: она ненавязчиво отразила в себе главные оттенки, ведь рассчитала абсолютно верно и кое что еще. Подсолнухи — это любимые цветы

отца, и, наверно, единственное, что заставляет его улыбаться не мерзко, не наиграно, а по-настоящему.

Сейчас происходило тоже самое. Лили прекрасно знала, что шелк — материал, к которому я люблю прикасаться больше всего, и который, по счастливой случайности, так прекрасно обводит ее контуры и изгибы. К тому же она убрала волосы вверх, чтобы показать мне ключицы и тонкие линии плеч, к которым я питаю отдельную, жирно выделенную слабость. И, конечно же, ее грудь, отсутствие белья и высокие каблуки — все это то, что меня привлекает.

«Что ты задумала?» — задаюсь вопросом, пока она как бы невзначай проводит по шее, слегка ее разминая, и бросает на меня взгляд.

— Виски?

— Пожалуй.

Звон стекла разгоняет кровь. Он заставляет меня отмереть и встать. Я подхожу, чтобы забрать свой стакан из ее тонких пальцев и ловлю взгляд таких голубых глаз, каких, клянусь, не видел никогда и ни у кого, хотя женщин у меня и было много. Слишком много.

— Лили, чего ты хочешь? — спрашиваю прямо.

Мне не нравится игра, где правила пишу не я, и она это знает. Черт. Я делаю точно то, что она хочет, но понимаю это слишком поздно. Лили слегка прикусывает губу и отходит к креслу, в которое садится и закидывает ногу на ногу, а потом заявляет.

— Знаешь, когда я впервые тебя увидела, точно знала, что мы будем вместе.

Выгибаю бровь. Это странное заявление, особенно если учесть тот факт, что мне это известно. Конечно, я такую реакцию вызываю у всех женщин, которых встречаю. Даже если внешне я не их типаж, в конце концов я — наследник величайшей империи России, не побоюсь этого слова, кто от такого откажется? Особенно, если этот кто-то так сильно хочет красивой жизни, как этого всегда хотела моя бывшая?

— Я не о том, о чем ты сейчас думаешь, — вдруг говорит, и я понимаю, что весь мой сарказм отпечатался на лице.

Не специально, конечно, хотя с чего вдруг мне скрывать? Мы оба знаем, что в нашей истории было, и чем все кончилось. Для таких заявлений другой реакции ожидать и не следует. Все очевидно.

— И о чем же ты? — усмехаюсь, делая небольшой глоток, что обжигает горло.

Она переводит взгляд в огонь.

— Я тебе никогда этого не рассказывала. Это для всех вокруг я увидела тебя в клубе, но на самом деле...мы встретились в первые совершенно иначе...

18; Лили

Приземление выходит относительно спокойным. Толчок при соприкосновении шасси с землей — вот и все, что я чувствую, но благодарна за его наличие, потому что только так понимаю, что все вокруг реально. Он будто невидимые ножницы, которые разрезали нить, соединяющую меня с домом, и я не без грусти смотрю в окно, по которому барабанит легкий дождик. Конечно, все встали на сторону Розы, и провожать меня пришли всего два человека: Ирис и Амелия. Остальным было не до этого. Остальные в обиде. Ну и черт с ним! Я подбираюсь и отстегиваю ремень безопасности, ведь в конце концов, когда закрывается одна дверь, открывается другая, а если нет, то есть еще и окно...Короче выход есть всегда, и

я им воспользуюсь. Нет, я все понимаю и осознаю, что возможно перегнула палку, но я не сделала ничего предосудительного в широком смысле этого слова, тем более чего-то, что заслужило бы такого масштабного игнора...

Ладно, признаюсь, это больно, но быть во всем плохой я привыкла и знаю, что рано или поздно все рассосется, а сейчас важно совершенно иное. Москва. Я видела ее на подлете и, черт возьми, как же она прекрасна! Горит сотнями тысяч огней, переливается в темноте, как самый красивый алмаз, а каким он будет, когда я окажусь в самом центре? Даже от одной только мысли меня дрожь берет! Я мчусь забирать свои вещи, потом к такси, что везет до снятой заранее квартиры на первое время. Там в темпе скидываю вещи, переодеваюсь и бегом несусь на Арбат. Там, где искрится и нежится моя самая яркая мечта — Москва. И она прекрасна...

С открытым ртом я хожу по улицам, разглядываю буквально каждую вывеску, каждую витрину, каждое украшение, убеждаясь снова и снова, что Москва — лучший город из всех возможных. Мне не хотелось жить в Нью Йорке, как это было модно, не хотелось Европы, почему-то моим самым ярким эндшпилем была именно столица. Возможно пока. Возможно дальше все изменится, но пока что так, и я наслаждаюсь. Забываю обо всем, что тяготило и печалило, но все равно так жалею, что рядом нет моей сестренки. Как мы мечтали. Тянусь позвонить ей, хочу выйти на видеосвязь, показать, чего она лишилась, может быть и был бы шанс уговорить ее? Может быть она бы приехала? Ребенок — это, конечно, круто, но Роза достойна большего, чем быть «просто» матерью. Это не ее предел! Когда она поймет, может быть уже будет слишком поздно, а я не могу допустить, чтобы она лишилась всего из-за какой-то глупой, детской любви!

Со мной такого никогда не было. Я никогда не влюблялась. Бог миловал. Мама всегда говорила, что любовь сродни смерти для женщины. Мужчины любить не умеют, они увлекаются, но это никогда не длится долго.

«Все всегда заканчивается, моя милая...» — звучит ее голос у меня в голове, — «И заканчивается плохо не для них, а для нас. Никогда не влюбляйся, а если надумаешь выйти замуж, выходи за того, кто будет любить тебя больше. Это лучшая защита для твоего сердца...»

И мне удавалось следовать этому правилу, а Роза его усвоила плохо, хотя на лицо подтверждение маминым словам! Вместо того, чтобы следовать за своей мечтой, идти к цели, стать кем-то, чтобы не зависеть и не просить, она осталась в Новосибирске и отказалась от своего будущего, ради сосунка, который по факту ни на что не способен!

«Он ее просто уничтожит, и пока будет становиться кем-то, она будет вытирать носы и задницы, а когда постареет, он ее бросит и найдет себе новую, классную подружку. А Роза... черт, что же ты творишь, Роза?!..»

Я пару раз моргаю, держа мобильный в руке, где уже открыла список контактов и нашла имя своей более глупой и наивной половины. На секунду я замираю, потому что не знаю, как начать разговор, понимаю, что она злится, но в конце концов я просто должна попробовать снова! И я уже собираюсь нажать на кнопку, как вдруг меня резко и сильно толкают, выхватывая телефон, а мне остается только смотреть в спину козлу в зеленой толстовке, который уносится вперед, только пятки сверкают.

— Нет!

Срываюсь с места. Я бегу за ним следом, даже не зная зачем. Это всего лишь телефон, но отступать я не привыкла, а посоветовать тем более. Набираю скорость. Он резко сворачивает

направо, я за ним, не отстаю ни на секунду. Когда он поворачивает еще раз направо, а потом сразу налево, тоже.

— ОТДАЙ!

Снова налево. Я за ним, оказываясь в грязной подворотне. Здесь стоят мусорные баки и гремит музыка, приглушенно, конечно, но гремит. Меня на миг охватывает ужас, потому что я понятия не имею, как буду отсюда выбираться и где вообще нахожусь, но я замечаю зеленую толстовку, и мне уже плевать. Он пытается перелезть через забор, когда я подбегаю и дергаю его за джинсы так, что ублюдок валится прямо в лужу. Правда тут то я и оплошала...не ожидала столкнуться с ответной агрессией, к тому же такой сильной...

Мужчина настолько стремительно вскочил на ноги и дернулся на меня, что я не успела сообразить, как от сильного толчка сама оказалась на асфальте. Меня парализует ужас. Его лицо худое-худое, а глаза огромные и словно лишенные любого разума. Стеклянные. Ухмыляется мерзко, гадко, наклоняется ниже, и я сжимаюсь непроизвольно, но всем телом, потому что взгляд его пугает до мурашек...

— Ну и чо, а? Красотка? Добегалась? И чо ты будешь делать теперь?

Не нравится мне все это. И больше всего не нравится, что я абсолютно ничего не могу сделать или вспомнить, как действовать в случае такой ситуации. Меня ведь учили, но все стерлось перед лицом этого козла с желтыми зубами и, спорю на что угодно, обколотыми венами. Наркоман, конечно же...Ирис часто говорила, что нам нельзя ездить в один район именно из-за них.

«Такой убьет и не заметит. Они на все пойдут ради денег на дозу, даже мать родную продадут, если будет спрос. Не смей туда соваться, Лилиана, ты поняла?! Не смей!»

Она тогда ругала меня за то, что я сбежала в один местный клуб на отшибе города из-за одного парня, с которым мы вроде как почти встречались. Он мне нравился, конечно, рекордно долгое время — целых две недели! В пятнадцать мне много кто нравился, я никогда не чувствовала себя обделенной мужским вниманием, даже напротив. Искала его. Мне оно нравилось. Розе нет, она слишком стеснялась, и была, как это говорится? Хорошим близнецом? Совершенно точно. Примерная девочка, отличница, а я сорви-голова, себе на уме и вообще бесстрашная. Даже девственности лишилась в школьном спортзале. Тогда мне казалось, что это что-то особенное... сейчас кажется глупым, хотя до сих пор вспоминаю этот вечер с улыбкой.

Только вот сейчас мне не до улыбок. Наркоша нависает надо мной, дышит своим зловонием, смотрит на меня, даже не так! Сверлит взглядом, а потом вдруг хватает за руку и тянет на себя со словами.

— Посмотрим, что у тебя еще есть под твоей джинсовочкой, а, крошка?

Я пишу. Натурально пишу, плачу, но не могу закричать. Не смотря на все свои безумства, я действительно никогда не сталкивалась с прямой агрессией, скрываясь за высокими фигурами своей семьи. Теперь их не было, и это было плохо. Привычка то осталась...привычка ждать защитника.

Еще один толчок, хотя скорее это что-то другое. Мне не больно совсем, пусть я и лежу на спине, разве что запястье пульсирует от резкого «срыва» хватки. Смотрю на ночное небо, где не видно звезд, и пару секунд не могу собраться. Словно попала в какой-то вакуум своего собственного сознания, и лишь звуки ударов приводят меня в чувства. Я резко поднимаюсь на локтях и сразу же нахожу то, что рождает эти самые звуки — здоровый парень бьет моего обидчика. И я снова замираю...У него широкие, очень широкие плечи. Сам он высокий,

наверно под два метра, и точно выше меня, что очень важно! В слабом свете фонаря я вижу, что у него темные волосы, а когда он на меня резко оборачивается, вижу, что они еще и длинные. Падают ему на глаза, и он с легкой улыбкой убирает самую непослушную прядь за ухо и тихо цыкает.

— Надеюсь, что это не твой парень?

«Мой парень» лежит в луже побольше моей и стонет. На фоне моего спасителя он выглядит еще более жалким, и я кривлюсь, а потом сажусь и хмурюсь.

— Телефон. Он украл у меня телефон.

— О, так ты еще и вор? — спаситель опускает глаза на этот кусок недостойного дерьма, слегка пинает его, а потом протягивает руку и спокойно говорит, — Отдавай. По-хорошему.

Героинщик сплевывает кровь, смотрит волком, но лезет в карман, откуда достает мой телефон и вкладывает в ладонь явно нехотя, но не имея иного выхода.

— Хороший мальчик. А теперь шуруй. Увижу еще раз, пожалеешь.

Дважды повторять ему не нужно. Наркоман поднимается и сбегает, а я остаюсь один на один с незнакомцем, который крутит мой сотовый в руках и опять улыбается. Подходит. Я слежу за ним не таясь, во все глаза, и чувствую, как бегут мурашки, когда звучит его голос. Близко. И так проникновенно. У него очень красивый, глубокий, насыщенный голос. Я в них хорошо разбираюсь, и обычно это первое, на что я обращаю внимание в мужчинах. На это и на руки, одну из которых он как раз мне протягивает. Шикарная ладонь с выпирающими венами, аккуратно постриженными ногтями, длинными пальцами и, насколько я могу судить по крайней мере, смуглой кожей.

— Вставай, бедолага.

Я вкладываю свою ладонь в его бесстрашно, потому что на подсознательном уровне точно знаю — он меня не обидит. Это чувствуется по его какой-то своей, особой мягкости и доброте. Не знаю откуда я это беру, но знаю, а оказавшись на ногах и столкнувшись с ним взглядом, я только укрепляюсь в своих ощущениях. У него теплая улыбка и такие же теплые глаза. Пусть он и пьяный слегка, но так и есть, это не спрячешь, как и то, что он невероятно красивый...

— Мама не учила тебя, что ходить за незнакомыми дядями в подворотни — дело небезопасное?

— Он украл мой телефон, — бормочу, он издает смешок, вместе с которым возвращает мне потерю и кивает.

— О да, он, конечно, стоит твоей жизни. Глупая.

— Предпочитаю «отважная».

— Не окажись меня здесь сейчас, предпочла бы «мертвая».

Тихо цыкаю, а он дергает бровями и кивает, после поворачивается и идет в сторону улицы, напоследок кидая.

— Не советую тут оставаться.

— А где я вообще?!

Звучит смех. Очень красивый, теплый, как любимый плед, проникновенный, как самая лучшая баллада. Парень смотрит на меня с сарказмом, снова выгибая брови.

— Ты серьезно?

— Я только сегодня прилетела в Москву. Была на Арбате.

— Потрясающе. То-то я и думаю, не похожа ты на местную, раз побежала за наркоманом в подворотню.

— Может проводишь? — слегка улыбаюсь и делаю шаг к нему, на что он снова тихонько посмеивается и мотает головой.

— Извини, но я не гид. Подсказать — это всегда пожалуйста. Выйдешь из этой самой подворотни, налево, а потом прямо до театра на Старом Арбате. От него не заблудишься. Удачи.

Я, если честно, в шоке! Он даже усом не повел, когда отказывал мне в помощи, а такого со мной, если честно, никогда не случалось. Обычно мужчины из кожи вон лезут, чтобы мне помочь, но не он. Не он! Аж ножкой хочется топнуть!

«Хотя может дело просто в том, что он меня не разглядел?...» — думаю, а мой спаситель отдаляется.

И у меня остается последний шанс его найти — узнать имя.

— Как тебя зовут хотя бы? Кого мне благодарить? — кричу ему в спину, на что он опять же усмехается, но, слава богу, отвечает.

— Макс. Макс Александровский, красотка, удачи.

26; Макс

Саркастично усмехаюсь вновь, стараясь изо всех сил не показать, как тщательно я роюсь в своей памяти, потому что этот момент из нее стерся. Либо я был «не слегка» пьян, либо этого не было вообще. Хотя судя по ней было. Просто я забыл напрочь.

— Ты спас меня... — с улыбкой говорит Лили, снова обращая мне свое внимание, — И совершенно не обратил на меня внимание. Тогда я решила, что чего бы то ни стало его добьюсь. И добилась.

«Так вот что это такое...» — внезапно доходит до меня, и я слегка прикрываю глаза, улыбаясь тоже, — «Она хочет поиграть...»

Два кресла. Огонь. Мы. Это особая, сложная партия, цель которой я пока не вижу, но хочу увидеть.

«Что ж, поздравляю, Лили, ты меня заинтересовала...» — думаю, пока медленно подхожу к своей «клеточке», на которой располагаюсь с комфортом.

Одной рукой подбираю голову, другой держу стакан с виски, смотрю ей в глаза. В них я вижу огонь и не только из камина, но и ее собственный. Она чего-то хочет, это очевидно, но чего же ты хочешь? Это пока покрыто мраком...

— В этом и состоит наша «серьезная» проблема? В твоих амбициях?

— Не совсем так.

Лили подбирается, становится серьезной, делает глоток из бокала с вином, но скорее ради паузы, которую она берет, чтобы подумать. Так сказать взвесить все, что хочет сказать и просчитать как лучше это сделать. Я тоже жду. Позволяю ей сделать ход, чтобы увидеть чуть больше, ведь по факту сейчас я, как на минном поле, совершенно не знаю, куда мне сходить, чтобы не взорваться.

— О ком *она* тебе рассказывала?

— О ком... рассказывала? В смысле, Лили? Тебе...

— О ком из своих братьев, Макс? — тихо, но серьезно перебивает, а потом смотрит мне в глаза, пока я ловлю шок.

В смысле братьев?! Во множественном числе?!

2. Lost on you

*Wishin' I could see the machinations
Understand the toil of expectations in your mind
Hold me like you never lost your patience
Tell me that you love me more than hate me all the time
And you're still mine
So smoke 'em if you got 'em cause it's going down
All I ever wanted was you*
LP — Lost on you [\[2\]](#)

26; Макс

Лили плавно достает сигареты из открытого портсигара, а потом привстает, приближается к горящей свече, от которой ее зажигает. Я наблюдаю за ней молча, не отвожу глаз, даже когда она резко открывает свои и смотрит на меня в упор и без утайки. Как смотрела когда-то давно, и как уже давно не смотрела. Амелия была права, когда говорила, что отец разрушил Лили. Изменил ее. Потушил. Подмял. Я помню ее смелой, вызывающей и любящей отвечать на вызов, но уже давно ее такой не видел. Сейчас вижу. Передо мной сидит именно она — любительница поиграть, смелая женщина, идущая вперед напролом. Я точно знаю, что так и есть, и также знаю, что неспроста она спустила себя с поводка. Теперь я уверен на сто процентов, что Лили преследует какие-то цели, поэтому расслабляюсь и откидываюсь на спинку кресла, жду и дожидаясь. Она плавно выпускает дым, делает два небольших колечка, потом вздыхает и также откидывается на спинку.

— Моя мама всегда говорила мне, что влюбляться смерти подобно. Потом то, что произошло с Розой... знаешь, я ведь почувствовала, что ее убили. Это не объяснить словами, но если попытаться, то похоже на толчок, после которого в тебе самой что-то умирает.

— Мне жаль. Знаю, что случилось, и мне действительно очень жаль.

— Спасибо, — тихо шепчет и слегка улыбается, но по-другому, болезненно и до ужаса печально, глядя в потолок, как будто цепляясь за спасательный круг, — Я ее очень любила.

— Зачем же ты тогда сделала то, что ты сделала?

— Ты про Костю?

— Да.

— Я пыталась ее спасти. От него. От бессмысленной, пустой жизни. Роза была волшебной, но слишком мягкой и податливой, ведомой. Наивной. Она верила в любовь, а я нет. Считала ее глупостью...

Наконец она смотрит на меня, ждет реакции, знаю, которую я не даю, а спрашиваю о другом.

— Почему ты врала, что Ирис — твоя мать?

— А что мне оставалось? Сказать, что моя мать меня бросила? Это унижительно... — усмехается, делает еще одну затяжку, после которой указывает в меня пальцем, — Ты помнишь наше второе свидание? На выставке?

Помню. Я хорошо его помню, твою мать, и Лили это знает. Вновь она откидывает

голову на спинку кресла и мечтательно улыбается, протягивая.

— Было просто чудесно...

18; Лили

Мой план дает свои плоды, а деньги, которые я отдала за особую помощь, не сгорели. Отнюдь! Помощь действительно работает. Мы с Максом становимся ближе. Например, как сейчас.

Медленно вышагивая рядом с ним, я чувствую себя королевой. Здесь достаточно много народа, потому что искусство — это модно. За полгода жизни в Москве я поняла, что многое в топе, если "в моде", даже если это по сути своей гроша ломаного не стоит. Конечно эта выставка исключение. Вообще, я очень люблю изобразительное искусство, так как мой отец его любил. Я его хорошо помню, не смотря на то, что он умер, когда мне было всего семь лет. Неудачный эксперимент, в следствии которого его постигла участь Марии Кюри^[3]. Конечно, его не убило свое собственное открытие, но своя формула — это да. При жизни он обожал искусство. Всегда говорил, что будь он талантливый, и умей он рисовать что-то большее, чем человечка с головой-кружочком и ручками да ножками-палочками, плюнул бы на все исследования и укатил в Париж, где рисовал бы влюблённых на фоне Эйфелевой башни. Хорошая мечта, но, к сожалению, лишь мечта. Отец действительно не умел рисовать, к тому же был дальтоником в последней стадии, если такое бывает. Все что ему оставалось — это коллекционирование предметов искусства. С душой. К пяти годам я с легкостью могла отличить Шишкина^[4] от Левитана^[5] и знала столько разных стилей живописи, сколько не знала букв. Мама всегда считала это пустой тратой времени, ее вообще злило, что мы с Розой так тянемся к папе. Она считала, что «девочки-должны-уметь-многое-но-не-разделять-мазню-по-мастям». Глупо, как по мне, конечно, но я уже давно поняла, что это такое странное проявление ревности, никак иначе. Сейчас, например, мне эти ее заскоки кажутся вдвойне дурными, жизнь ведь вон как повернулась забавно... Именно эти знания помогли мне приблизиться к Максиму, и именно благодаря им сейчас он идет вдоль длинного зала именно со мной. Со мной! И я улыбаюсь...

— Почему ты улыбаешься? — тихо спрашивает он, бросает на меня почти стеснительный, неловкий взгляд.

Боже, я никогда не думала, что Максимилиан Александровский на самом деле окажется таким, каким показался тогда в подворотне. О нем многое говорили, включая его жестокость и хладнокровность, тем страннее все то, что сейчас происходит. На самом деле он не то чтобы «не такой», он «не только такой» — скорее так, и ничего человеческого ему не чуждо.

— Ты отличаешься от слухов, вот и все, — озвучиваю свои мысли, он слегка поджимает губы и кивает пару раз, а я вдруг останавливаюсь и выдаю, — Говорят, что ты лишаешь девчонок девственности на спор, это правда?

Макс начинается смеяться. На нас все вокруг оборачиваются, и я краснею. Не принято так, мне хочется его одернуть, но я не сдаюсь — ему лучше знать, да и мне, признаюсь, нравится это внимание. Мне нравится быть в его центре здесь и сейчас, а мы именно в нем. Из-за него. Но и не только... На меня тоже смотрят, наверно, думают, кто она такая?! И пусть. Пусть ломают голову, они ведь только пока не знают, но скоро и это изменится...

— Нет, это неправда, — наконец отвечает, остановившись напротив меня, — Я знаю, кто это делает, это мои... пусть будут «друзья», но я в этом не принимаю участие.

— Почему?

— Тебя это расстраивает?

Он хитро улыбается, я же как бы безразлично жму плечами.

— Просто любопытно. Ответишь?

— Мама говорила всегда, что карма все возвращает. Я много чего делаю, а такие грехи, боюсь, мне не по плечу. К тому же, мне не настолько скучно, чтобы принимать в этом участие. Устроит? Или разочарует?

Ты устраиваешь меня полностью. Это все, что я хочу сказать, а еще больше хочу его. Я хочу его. Черт, со мной такого не было никогда. Нет, конечно, он не мой первый мужчина, у меня достаточно большой опыт, не смотря на мой возраст, но он... с ним происходит что-то особенное, что-то совершенно из ряда вон выходящее. Такое ощущение, что каждую молекулу моего тела тянет к его сути, и я мечтаю прильнуть к нему ближе, но бью себя по рукам, вместо этого загадочно улыбаюсь.

— Первый вариант.

— Отлично.

Макс смотрит на меня также долго и проникновенно, как я на него, пока вокруг снуют глупые люди. Из-за них мы не наедине. Из-за них мой мир и моя картинка рябит, но желание от того меньше не становится. Хочется. Действительно хочется плюнуть на все и затащить его куда-нибудь, но снова вместо этого я иду за ним следом. Мы ведь играем. Мы оба знаем, чем кончится наше общение, я уверена, но оба продолжаем прятаться. Он хочет, чтобы я, как все его девушки, пала ниц, но, черт меня дерит, я — чемпион по пряткам. Вот так вот!

— Расскажешь про свою маму? — аккуратно прошупываю почву под ногами личным вопросом, на который получаю очередной его долгий взгляд.

Волнуюсь. Вот сейчас станет ясно насколько хорошо за последние полгода мне удалось его притянуть. Расскажет — я выиграла, пошлет — я в пролете. Сердце отчаянно колотится, Макс явно замечает мое волнение и слегка улыбается, потом переводит взгляд на картину, у которой мы стоим. Михаил Врубель. Демон (сидящий), 1890. Мощная работа, отец мне о ней рассказывал. Шедевр русского символизма, олицетворяющий вечную борьбу мятежного духа.

— Это одна из ее самых любимых картин.

— Она любила живопись?

— Она многое любила. В искусстве мама видела спасение... — тихо говорит, пока я ликую, но внимаю всеми частями тела, не только ушами.

Это очень важно. Чтобы завоевать его окончательно, надо знать, какой была его мама, ведь как и с девочками, мальчики точно также больше расположены к типуажу своих матерей. В этом нет никаких подсмыслов, просто мать — это дверь в мир любви, первый и самый верный проводник.

— Она была очень гордой, остроумной и умной, — с улыбкой продолжает, я же делаю заметки в голове, — Многие называли ее холодной, но это не так... Она просто не подпускала к себе каждого, но тех, кого подпускала... они знали наверняка, что она их никогда не бросит. Смелая, ласковая и теплая...

— Ты по ней скучаешь?

Макс грустно улыбается и смотрит мне в глаза, а потом пару раз кивает.

— Безумно.

Меня это трогает. Я тоже скучаю по своему отцу, эта боль резонирует между нами, поэтому, чтобы не скатиться в грусть и печаль, которая точно испортит этот чудный вечер, я перевожу тему. Мы говорим еще и еще, словно какие-то стены между нами рухнули, не полностью, но света теперь гораздо больше, чем тайн и недомолвок. Меня это греет. Я порхаю по зале, наслаждаюсь каждым мгновением и каждым взглядом, его в особенности, ведь он смотрит лишь на меня. И я точно знаю, что сегодня он меня так просто не отпустит...

— Пока? — говорю тихо, сидя в его шикарном БМВ со светлым салоном, который так сильно пахнет им, что у меня бегут мурашки.

Макс молчит. Он словно борется с собой, ведь игра не закончена, и сделай он сейчас шаг, все рухнет. Я это знаю. Но я также знаю, что победа будет за мной. Слегка улыбаюсь, берусь за ручку на двери и уже нажимаю на нее, когда слышу тихий мат, а потом ощущаю хватку на своем запястье.

Да. Так просто он меня не отпустит... Вместо этого Макс разворачивает меня на себя и целует. Страстно и жадно, глубоко. А я улыбаюсь снова и снова...

26; Макс

— Это был наш первый поцелуй...

Я помню. Я хорошо помню этот вечер, он ведь для меня стал началом конца в каком-то смысле, но для нее — это победа. Да, я это знаю и вижу, да и всегда знал и видел, даже тогда. Мы играли в игру, кто сдастся первым, и я сдался, потому что подумал, что у меня будет гораздо больше, чем победа, если я отступлю. Наверно все-таки так и получилось, да и был ли у меня выбор? Наверно нет. Я хотел ее так сильно, что тело скручивало, и ни о чем не мог думать, разве что о ней.

— Ты могла рассказать мне о своей матери, — вместо реакции говорю, а сам покручиваю стакан на подлокотнике и хмурюсь.

Знаю, что не могла. Но могла же. В какой-то момент, когда она поняла, что может мне доверять, а она могла на все сто процентов, Лили могла бы раскрыть карты, но вместо этого она продолжала врать...

— Не могла. Я итак потеряла ради тебя столько...

Резко смотрю на нее, задыхаясь от такой наглости.

— Это ты потеряла?!

— Поверь мне, Макс... да.

— Забавно.

От злости все внутри начинает переворачиваться, и чтобы не взорваться, я делаю большой глоток виски. Даю себе время, но Лили не дает его мне в ответ.

— Я так сильно в тебя влюбилась... Забыла напрочь обо всем, что говорила мне мама...

— Мне это не особо интересно слушать, если честно. Вернемся к насущному. Ты спросила о ком *она* мне рассказывала? Элай. Я его даже видел.

— И как тебе ее близнец?

Я почти давлюсь алкоголем, в который раз резко поворачивая на нее голову. Лили слегка улыбается и покачивает ногой, поглаживая ножку бокала. Ей явно нравится произведенный эффект «разорвавшейся бомбы». В подтверждение она жмет плечами и делает свой глоток, как бы невзначай кидая.

— Мы все-таки сестры...

Она знает. Я убежден в этом на все двести процентов, шурюсь, Лили же делает вид, что этого не видит, наблюдая вместо того за сигаретой, которой слегка касается стеклянной пепельницы.

— Ты знаешь, что она соврала.

— Конечно.

— Откуда?

— Оттуда же, откуда сама взяла похожую ложь когда-то давно. Ты знал, что наши мамы — аристократки?

— Она говорила.

— А ты знал, что на самом деле — это Ирис «плохой» близнец?

Я выгибаю бровь, как бы не понимая о чем речь, но я прекрасно знаю, о чем она идет. Всегда в паре близнецов кто-то плохой, а кто-то хороший, так уж работает этот мир. На самом деле, конечно, нет. Просто кто-то послушный, а кто-то сорви-голова. В нашей паре, например, расстановка сил неочевидна. Миша — мягкий и спокойный, а Марина — сука каких поискать. Здесь, признаюсь, заявление Лили тоже совсем неочевидно, и она это считывает.

— Думал, что моя мать — дрянь, да?

— А разве не так?

— Если честно, то не совсем. Моя мама была хорошей девочкой, послушной, а Ирис, как я, оторвой. У моих деда и бабки были финансовые проблемы, когда первый начал играть в карты.

— Проиграл состояние?

— Фактически да, но его толкнули обстоятельства. Мама рассказывала, что у них был еще один сын, младший, и когда ему было десять, он упал с лошади и умер. Это убило их родителей, а потом убило и всю семью. Дед начал пить и играть, бабка впала в меланхолию, пока деньги окончательно не кончились. Нашим мамам тогда было шестнадцать. Решено было выдать их замуж, ведь, как известно, лучшая инвестиция — это...

— Дети, — зло цежу сквозь зубы, и Лили указывает в меня пальцем, кивая.

— Точно. Дети. Это решило бы все проблемы, но Ирис не собиралась следовать указаниям. Она сбежала из дома в Россию, где осела, а потом приняла участие в конкурсе красоты и поступила в университет на медицинский.

— Я думал, что она юрист?

— О нет, она по образованию медик, юрист она скорее по...кхм...желанию своего мужчины. Точнее благодаря ему. Он отлично разбирался в праве, на сколько я поняла, а ты же понимаешь, что женщина — это отражение мужчины. Особенно такая молоденькая.

Коробит. Я не реагирую, смотрю на нее, как бы говоря, продолжай, и она слегка улыбается, снова кивает.

— Ей было стыдно.

— Кому?!

— *Ей.* У них с Элаем странные отношения, которые далеко не каждый может понять. Они вообще странные. С детства, как кошка с собакой. Могли подраться по-серьезному, не в шутку. Наговорить кучу говна. Мы с Розой даже в худшие наши моменты никогда не опускались до подобного. Миша и Марина тем более. Он ее никогда не жалел и не защищал, иногда даже сам выступал главным злодеем. Ты знал, что он ее выгнал из дома?

— Вскользь.

Лили переводит на меня взгляд с легкой ухмылкой, пожимает плечами.

— Детально: на свои шестнадцать, она прилетала домой, куда съехались все ее братья, и там случился жесткий скандал. Она не хотела возвращаться, потому что ей не нравилось все то, чем они занимались. Она хотела быть здесь, вдалеке, жить своей жизнью и строить свою карьеру, Элай этого не оценил. Он наговорил ей кучу всего, после выгнал. Сказал, что раз она так против, то пусть валит и никогда не переступает порог дома. Примерно тоже самое он сказал и мне.

— Откуда ты знаешь?

Теперь она улыбается не со злостью, а снова тепло и как-то...грустно что ли. Смотрит в огонь. Слегка ежится, но тут же бьет себя по рукам и расправляет плечи, словно не хочет давать слабину передо мной, но я уже все считал и отметил про себя. Сейчас будет что-то, что ее сильно волнует...

— У Ирис четверо сыновей, а ее первый сын — мой лучший друг. Мы до сих пор общаемся, и я его очень люблю. После моего «грехопадения», от меня отвернулись все, но только не он. И он там был, пытался потушить пожар, чего, конечно же, не вышло. Элай, к сожалению, слишком взрывоопасный и вообще не контролирует себя. Я его не виню, он ребенок совсем, но его слова ранят и это факт. Я встречала ее в аэропорту, потому что знала, что его слова ранили ее очень сильно...

Стараюсь не концентрироваться на отдельных словах, лишь на важном. На информации. Слегка поддаюсь вперед и уточняю.

— Четверо сыновей?

— Забавная штука судьба, да? — усмехается Лили, продолжая покручивать бокал на подлокотнике, — Вас пятеро, их пятеро...Но, поверь мне, вы проигрываете.

— В смысле? — тихо уточняю, она лишь слегка пожимает плечами.

— Ты еще не понял? Это кровная вражда, Макс. Я не знаю в чем ее суть, но связываться с Александровскими в нашей семье, все равно что пойти на трассу, если не хуже. Когда я рассказала Ирис о тебе впервые, она запретила мне и близко подходить. Строго настрого. Я, естественно, пропустила мимо ушей, но после ее «похорон», — зло выделяет кавычки, — Я сказала, что встречаюсь с тобой, и что началось...ох, ты бы слышал.

— И как же ты ее смогла забрать тогда?

— С большим трудом. Арн помог. Он из них из всех самый разумный и спокойный. О том, чтобы остаться ей в Новосибирске, не было и речи. Это было опасно. Смертельно опасно, я об этом говорила и много кричала. В конце концов он услышал, и мы рассудили, что ей будет безопасней в Москве, рядом со мной и подальше от всего этого кошмара. Единственное условие — не подпускать ее к вам. Особенно к твоему отцу. Они его ненавидят.

— Я уже понял.

— Ради тебя я лишилась всего... — вдруг говорит Лили, глядя мне в глаза серьезно, без усмешек и огня, — Уважения своей семьи, их лояльности, их в принципе. И даже сейчас...я выбираю тебя. Я рассказываю тебе все это, потому что боюсь...

— Чего?

— Боюсь, что теперь...после того, что случилось...Макс, они вас всех убьют, потому что, поверь мне, вы не выигрываете. Они не местная шелупонь, ваши марионетки или прислуга из местных депутатов и бизнесменов. Они гораздо сильнее вас.

— Кто они? На самом деле.

— Убийцы. Они — профессиональные убийцы, Макс.

3. Жестокость

*Я был ребенком
Я был птицей
Я был всем тем, что ты сказал
Бессилие растит убийцу
Я сам себя же убивал
Помни имя своё — Жестокость*

Не знаю, как реагировать на такое заявление, пока ядовитый дым оседает в моих легких, на пол и на стены. Все в нем. В яде. Это в принципе наша с Лилианой суть — мы обе слишком токсичны, а когда вместе и рядом, так близко, как сейчас, ситуация переходит в совсем плачевное русло.

Но я помню себя другим. С ней я был другим. Говоря о том, что она делает меня похожим на отца, я, если честно, лукавил. Она делала меня лучше...

Август

— Твою мать, ничего не выходит! — ударом руки сношу со стола стопку книг, вскакиваю и отхожу от стола к окну.

Упираю предплечье в гладкую поверхность и закрываю глаза. Сердце бухает, разнося кровь, приправленную страхами и моими личными загонами.

«Как я буду управлять такой огромной посудиною вроде «Астроля», если даже не могу нормально рассчитать, как выгодно расположить входы и выходы одного единственного, жилого дома?!»

Перед глазами встает мой чертеж, который я кручу так и сяк, поворачиваю его, продумываю, а все равно выходит одна сплошная лажа. То есть ничего. Абсолютно. Я хотел создать идеальный жилой комплекс не с точки зрения обогащения, то есть тляп-ляп на коленке, лишь бы побыстрее продать, а идеальный с точки зрения потребителя. Жильца. Человека, наконец. Знаю, что мне это не грозит. Мне придется похоронить свои мечты под толстыми томами корпоративной этики и своих обязанностей, но сейчас то я пока свободен, а значит могу заняться тем, что мне действительно нравится. Не выкупать компании поменьше, дробить их, распродавать ненужное, а нужное прибирать к рукам. Не светить лицом на бесконечных тендерах, благотворительных вечерах или других светских раутах. Не орать на подчиненных и не принимать жестких решений. То есть не разрушать, а создавать. Я всегда хотел создавать.

Помню, как в детстве мы с мамой, Мариной и Мишей летали на ее родину в Сицилию, где во время одной из прогулок, наткнулись на неприметный, но тем не менее один из лучших детских магазинов в своей жизни. Естественно зашли. Как можно, имея трех детей, рассчитывать его проскочить? Никак. Там я ходил между полок с открытым ртом, ведь никогда таких игрушек не видел. Они все, как на подбор, были в старом стиле, винтажные, так их называли, и очень-очень красивыми. Диковинами. В России, само собой, такого и не встретишь... Миша убежал в сторону книг, где во всю копался в энциклопедиях, Марина

смотрела куклы, а я остановился возле набора с кубиками. Такие деревянные, где-то с рисунками окошек, где-то дверей, обклеенные, как сейчас помню, бежевой бумагой. Там и арки имелись, естественно, и треугольники — короче все, чтобы построить дом. Я так загорелся...аккуратно снял коробку (с большим-большим трудом), что мне вообще не свойственно было. Марина часто рассказывала, что я никогда не отличался аккуратностью и сломал дюжину ее кукол, пока она не сообразила прятать их на верхнюю полку. В общем, мама сразу все поняла. Она присела на корточки рядом, улыбнулась, помогая мне удержать мое сокровище, потом посмотрела на меня и прошептала.

— Ты мой будущий архитектор...

Возможно это сыграло свою роль, я не отрицаю. Все дети хотят радовать родителей, особенно так особенно любимых, но в итоге, даже в сознательном возрасте, когда казалось бы ничего не должно уже влиять на меня, я остался верен той профессии, которую в конце концов выбрал сам в забытом, детском магазине где-то между старыми улочками Флоридии.

— Что случилось?

Слышу ее тихий голос, но не открываю глаз. Амелия готовила. Вообще, она не очень умеет готовить, скорее пачкает все вокруг, хотя у нее классно выходит утка. Но она любит готовить, а я люблю за этим наблюдать, потому что это очень мило. Она милая. Сосредоточенная вся, брови хмурит, шепчет что-то под нос, шевеля губами, и я всегда улыбаюсь. Этот дом — катастрофа. Сейчас здесь нет ничего: мебели, нормальных удобств, даже иногда света, но с ней все становится лучше. Как-то она превращает стройку в уютное гнездышко, без понятия как и не хочу вникать. Мне все равно, главное, что это есть, хотя сейчас я и этому не рад. Начинаю злиться. Она ловит меня именно тогда, когда я совершенно не готов к этому, что меня бесит. Я не хочу и не привык показывать свои слабости и промахи, особенно если это касается чего-то настолько личного. Да и не поймет, как я ей объясню, что меня так сильно пугает? Как я объясню, что боюсь провала, что от меня зависит наследие моей семьи? Как я скажу, что не уверен, что готов?...

— Алекс?

Калит и это. Меня бесит слышит из ее уст не мое имя. Сам виноват, я понимаю, но я так устал притворяться...все чаще ловлю себя на мысли, что я хочу рассказать ей всю правду, но трушу. Меня бесит и это. Трусость мне не по карману, мне за нее нечем платить, она для меня под запретом, но она есть. Она здесь. Она выставляет чертов счет.

— Эй, ну ты чего?

Чувствую нежно, легкое прикосновение к своей руке и резко отступаю. Черт, спорю на что угодно, выглядит это со стороны дико, будто я отскочил от девчонки, меньше меня раза в три, если не больше. Дико-дико-дико...и ее это обижает. Я вижу, как она пытается держать себя в руках, не показать, но у нее никогда не получалось скрывать свои эмоции. Амелия слишком молода, чтобы это уметь, да и где ей было учиться? Она из Академии не вылезала. Клубы не любит, вечеринки тоже, а если мы куда и ходили, а такое тоже было, она в основном сидит на диване и молчит. Потому что ей некомфортно. Потому что она чувствует, что что-то не так. Я это знаю, и это работает вроде призмы моих личных загонов и страхов — множит и множит.

— Зачем ты пришла?! — повышаю голос и указываю в сторону кухни, — Иди и делай, что ты там делала! Я тебя не звал.

Твою. Мать. Как же я себя ненавижу в эти моменты. Бывает, что я срываюсь на нее, когда груз всего, что есть на самом деле слишком давит на шею, перекрывая дыхание. Я

обижаю ее, знаю это, но ничего не могу с собой поделать. Сам себя загнал в ловушку, из которой не могу выйти без потерь, и теперь она за них расплачивается вместо меня. А она же расплачивается...вижу, как потухает ее взгляд, как она его тупит в пол, краснеет, мнет пальцы. Амелия нервничает, ей неприятно и больно, но она не уходит. Почему ты не уходишь от меня, твою мать?! Очнись! Я дерьмо, малыш! Я самое настоящее дерьмо и не заслуживаю тебя, посмотри ты вокруг! Ты же знаешь это! Ты догадываешься, но упорно не хочешь замечать очевидного!

Так и есть. Она догадывается, что что-то не так, что во мне что-то не то, что есть подвох, какая-то ложь, но игнорирует. Списывает со счетов свою интуицию, держится рядом. Не хочет меня оставлять...потому что она любит меня. Мне и это известно. Она не ангел, закатывает мне истерики, каких свет не видел, но когда я выхожу из себя — терпит, не оставляет, потому что любит. Это и есть любовь, наверно, терпеть в самые худшие моменты, даже если руки опускаются, даже если обидно и больно — терпеть. Ради твоего человека. Сейчас этот механизм как раз разгоняется...

Амелия поднимает взгляд, которым цепляется сначала за книги, потом за включенную лампу, потом за белый лист на столе. Она знает, что это означает — я делаю чертеж. И раз я вышел из себя, у меня что-то не получается, а это для меня важно. Переводит свои прекрасные, необычно прекрасные глаза обратно на меня, дарит мне их решительный взгляд, а потом щурится.

— У тебя что-то не получается?

Молчу. Иногда я поражаюсь ее пронизательности и прямоте. У Лили она тоже была, но она все равно была другой. Лили задает вопросы, лишь когда в безопасности, когда знает, что ей ничего не грозит, когда скорее уверена, что выиграет. Амелия делает так всегда. Ей важна правда, а еще важно понимать, чтобы знать, как помочь.

Она хочет мне помочь. Черт бы меня побрал, я такая мразь...горький вкус этой самой правды оседает на кончике языка, и я не могу от него избавиться, как и от действительности не могу. Мы на сцене среди сплошной бутафории, а единственное, что здесь настоящее — она. И она делает ко мне шаг.

— Я не знаю, что произошло... — тихо говорит, слегка сжимая мои костяшки, — Но я видела твои чертежи и знаю, что у тебя все получится, просто не сдавайся. Не психуй. Это делу не поможет. Закрой глаза, досчитай до десяти и снова принимайся за работу. Представь себя внутри. Представь все до последней запятой, и ты найдешь ответ. Если надо, конечно, пошвырай вещи, но не бросай свое дело, Алекс. Просто выдохни, возьми себя в руки, твою мать, и делай, а не жуй сопли у окна, как девчонка!

Издаю смешок. Утешать она умеет, конечно, но это ведь действительно помогает. Она не накидывает пуху, не льет воду, она делает все правильно. Сейчас, когда улыбается мне, тоже. Амелия подходит еще ближе, слегка касается щеки и смотрит мне в глаза. От нее пахнет макаронами и мукой, а вместе с тем чем-то сладким вроде кокоса или карамели.

Я должен тебе все рассказать. Вот сейчас я это сделаю. Вот сейчас...Утыкаясь ей в висок, дышу ей, замираю на секунду, ведь собираюсь разрушить все в один момент. Знаю, что все декорации рухнут, стоит мне открыть рот и называть свое настоящее имя, но пока они еще на месте. Стены, окно, сквозь которое пробиваются предзакатные лучи солнца, ее запах так близко. Мне нравится ее запах, мне нравится им дышать, и я хочу сохранить себе хотя бы маленькую его часть...

— Ты очень талантливый, — тихо шепчет она, поглаживая меня по спине, — Я это

знаю и верю в тебя.

Ее вера делает меня сильнее. Правда. Никогда не думал, что это возможно, но это, оказывается, возможно. Слегка отступаю назад, под влиянием этой самой веры и своего всемогущества, будто меня укололи каким-то наркотиком, вновь заглядываю ей в глаза.

Вот сейчас я скажу. Я справлюсь. Знаю, что справлюсь с последствиями. Мы поговорим. Мы постараемся. Вот сейчас...

Но я не могу. Вместо этого приближаюсь и целую ее сначала нежно, потом все более глубоко и долго, страстно, еще и еще. Прижимаю к окну. Я расскажу ей. Обязательно расскажу, но не сегодня...Сегодня слишком солнечный день, чтобы рушить его хмурым небом...

26; Макс

— ...Макс? — Лили вырывает из одного из многих моментов моей личной коллекции трусости, смотрит пристально.

Я пару раз моргаю. Мне почти понятно, что конкретно она задумала, и это почти забавно. Почти. Здесь главное «почти». Я наклоняю голову на бок, издаю смешок и приподнимаю брови.

— Убийцы?

— Это не предмет для шуток.

— Ты права. Это бред какой-то. Я изучил вашу семью, когда вскрылось...

— Ты не мог вытащить это на свет. Тебе ли не знать, что в семьях вроде наших, большинство тайн лежат в подполье? Чтобы до них добраться, надо снять много досок...

— Очень поэтично. И? Вот к чему все это? Ты хочешь...

— Я хочу тебя защитить.

Она выглядит серьезной, но ее слова — курам на смех, куда я, собственно, их и отправляю, засмеявшись. Нет, это действительно забавно. Женщина, которая подвела меня под монастырь, теперь хочет меня защитить. Анекдот да и только...

— Ты мне не веришь.

— А с чего вдруг?

— С того, что я тебя люблю.

Резко смотрю на нее и снова злюсь. Как же меня это бесит. Снова и снова мне приходится терпеть эту непонятную возню, которая тянется слишком долго. Как жвачка, что давно потеряла вкус, а все равно, как по кругу: чавк-чавк-чавк.

— Чего ты хочешь на самом деле, Лили? Давай без игр, я устал от них.

— Я сейчас не играю, но я понимаю, почему ты мне не веришь.

— Правда? — саркастично выгибаю брови, она переводит взгляд на огонь и, слегка касаясь небольшого бриллиантика на шее, кивает.

— Твой сарказм, как особый вид искусства. Я по нему очень скучала...

— Прекрати. Это просто глупо.

— Ты помнишь нашу первую ночь? — тихо спрашивает, а почти готов закатить глаза.

Вот зачем?! Зачем она это делает? Что за бредовый трип по воспоминаниям давно минувших дней? Что это даст?!

— При чем здесь наша первая ночь?

— Просто ответь. Ты помнишь?

— У меня нет проблем с памятью, я помню все наши ночи.

— Но первая особенная.

Решаю промолчать, потому что мне тут нечем крыть. Первая особенная всегда и со всеми, с кем тебя связывают любые отношения. Так уж повелось, ничего не попишешь, и когда я ловлю ее взгляд, свой все таки отвожу почти сразу, устало вздохнув.

— Не понимаю, при чем здесь все это. К чему вообще нужно ворошить наше прошлое? Что это даст в конце концов?

— Мы давно с тобой не разговаривали вот так... — не отвечая на мои вопросы, с улыбкой протягивает она, а потом добавляет, — Но тогда все было иначе...мы много говорили.

— И трахались.

— Занимались любовью.

Смотрю на нее, реагируя на серьезный, острый голос, которым Лили меня поправляет, а потом еще и кивает в довесок.

— Мы с тобой не трахались, а занимались любовью...

Черт бы ее побрал.

18; Лили

Темнота и частое дыхание. Мы у Макса в квартире. Наконец-то. Игры кончились. Я стою перед ним, он передо мной, а перед нами вся Москва, как на ладони. Огромные окна, высокий этаж — это подарок, не иначе как. Символизм. Эндшпиль. Мой Эверест.

Слегка улыбаюсь, когда касаюсь его рук на своих бедрах, волнуясь. Стыдно признаться, но я действительно волнуясь, чего не было даже в мой первый раз. Тогда же все иначе было. У меня вообще со всеми все иначе. Обычно я правлю балом, потому что обычно кроме какой-то физической тяги, не чувствую ничего особо глубокого, здесь же все изначально было не так. Он привлекает меня не только физически, но и духовно — мне он нравится и подходит. Я люблю на него смотреть, слушать, говорить, играть — все. И сейчас я волнуясь, потому что собираюсь сделать то, о чем действительно мечтала с первого дня в Москве — покорить и покориться.

Макс смотрит на меня своими невероятно зелеными глазами, которые сейчас, правда, потемнели до состояния темного, дремучего леса. Он меня хочет — это главное доказательство, если не считать бугра на его джинсах, где отнюдь не стопка монет. Ха-ха, заезженная до дыр, голливудская шутка, знаю, но раз уж заговорили о Голливуде...

Я помню, как когда-то давно смотрела фильм. Суть его особо не отложилась в памяти, но вот фраза из него очень. «На любимую мужчина смотрит по-особенному. Он словно ребенок в день рождения. Женщина для него как долгожданный подарок. Он спешит посмотреть, что за сокровище там, внутри...». На меня так уже смотрели, так что я безошибочно могу разгадать этот взгляд влюбленного мужчины, мне ведь есть с чем сравнить. Но если раньше это было лишь для какой-то галочки и повышения собственной самооценки, сейчас такой взгляд от него вызывает трепет. Я боюсь его спугнуть, не шевелюсь, позволяю ему стянуть с себя лямки легкого топики, под которым нет белья. Потому что ему так нравится. Я знаю. Я многое знаю о его предпочтениях, начиная с цвета волос, заканчивая стилем в одежде. Я раньше так и не одевалась вообще — как леди, — сейчас только так. Каблуки, платья, блузки — мне в них нечем дышать, но Макс и его

внимание, его любовь того стоят.

Грудью чувствую дуновения ветра, от которого моя кожа набирает температуру. Горю. Дышу часто, но продолжаю стоять и не шевелиться, чтобы дать ему самую возможность окунуть нас в этот омут. Нет, я не против, я хочу этого, ведь от каждого нашего поцелуя, я понемногу схожу с ума, и мне нравится это тропинка безумия. Чувствовать его руки, губы, слышать его голос. Он подходит ко мне ближе, потом берет меня за руку и сплетает наши пальцы. Молчит. Да и о чем здесь говорить? Мне все сказали его глаза.

Я делаю свой шаг, прижимаясь к нему всем телом, потом слегка привстаю на полупальчиках, ведь даже с моим ростом, разница у нас есть. Я бы хотела сказать, что мой поцелуй выходит робким, так это звучало бы красиво, но это была бы неправда. Я не умею быть робкой, сколько бы не пыталась научиться у Розы, я другая, но ему это, кажется, нравится. Макс подхватывает меня под бедра и несет в сторону кровати, куда укладывает и ложится сверху. Вес его тела меня возбуждает. Обычно нет. Я вообще люблю быть сверху, чтобы не задыхаться, а с ним и это иначе. Мы, как одно целое, что сейчас и станет «не как будто», а реальностью.

У меня дрожат пальцы от предвкушения. О Максе говорят многое, действительно, это так, но о его возможностях в постели прямо трубят. Он как будто родился от Афродиты, и сам бог секса и любви, хотя чему удивляться? Так и есть, наверно, раз судьба дала ему день рождения в день любви. Это и есть судьба — он ее воплощение. Каждое движение, неспешное или с набором ритма, каждое и плевать! оно просто умопомрачительно. И мне хорошо так долго, как никогда и ни с кем не было.

26; Макс

Лили смотрит мне в глаза, а на их дне я вижу картины «нас» на моих простынях. В разных позах и с разной амплитудой, но это мы. Когда-то давно. Долгие мы, два с половиной года нас. Я честно не знаю, чем бы это кончилось, не кончилось тем, что есть сейчас. Когда-то давно я готов был ради этой женщины на все: бросить девушку, которая была не просто моей, которая была моим другом, отменить нашу свадьбу, отказаться от семьи и своего наследства. Я правда был на это готов или это были лишь эмоции? Юношеский максимализм? Не знаю, как легла бы карта, правда, но Лили меня разрушала. Не из-за денег или перспективы их лишиться, правда, я могу заработать и сам, как показала практика. Квартиры на Мосфильмовской — результат «меня», в них нет ни грамма отца. И в моей платиновой карте его нет. Мне грело душу, что Амелия пусть и спускает деньги, как фантики от конфет выкидывает, но она делала это с моими деньгами. Принципиальная разница. В чем этот самый принцип? Да в том, что я не позволил бы ему коснуться ее даже так.

Но почему тогда ради Лили я был готов отменить свадьбу, а ради Амелии нет?...

Хмурюсь и перевожу взгляд в огонь. Ответ расплывчат, и его искать сейчас у меня нет сил. Я слишком устал, поэтому делаю глоток виски и тихо спрашиваю у Лили.

— Так что там с ее братьями? Поделишься поподробней?

4. Bang Bang (My Baby Shot Me Down)

*Music played and people sang
Just for me the church bells rang
Now she's gone, I don't know why
And till this day, sometimes I cry
She didn't even say "goodbye"
She didn't take the time to lie
Bang bang, she shot me down
Bang bang, I hit the ground
Bang bang, that awful sound
Bang bang, my baby shot me down*

Frank Sinatra — Bang Bang (My Baby Shot Me Down) [\[6\]](#)

— ...Их четверо, да?

Лили слегка кивает, туша сигарету безжалостно и бескомпромиссно.

— Да. Я уже говорила, что Ирис сбежала из дома, когда ей было шестнадцать. Первый год в России она потратила на то, чтобы осесть. За это время она действительно участвовала в конкурсе красоты, потому что иначе оплатить учебу было нереально. Там как раз давали грант, и она часто шутила, что это была ее судьба. Она ведь работала в какой-то забегаловке официанткой, снимала комнатушку, и однажды, после долгой и муторной смены шла домой почти в отчаянии.

— Готова была все бросить и вернуться?

— Именно. Ирис смелая, но она всегда была принцессой. Их так воспитали. Пусть у них и были финансовые проблемы, но аристократы, даже если бедны, как церковные мыши, все равно аристократы.

— И что же ее остановило?

— Судьба, — усмехается, а потом зажигает новую сигарету.

Я за этим слежу неусыпно. Зачем-то. Лили никогда так много не курила, а теперь да. То ли от нервов, то ли от привычки — мне это было неизвестно, но я все таки надеялся, что первый вариант. Тем временем, пока я лелеял свои надежды, Лили сделала затяжку и вместе с ней выдохнула продолжение, которое, если честно, было достаточно увлекательно. Я, даже не смотря на все свои связи и умения добывать информацию, мало что смог узнать о ее семье. Она и сама редко о них говорила. Наверно я до сих пор здесь сижу исключительно потому что единственный источник информации цедит второй бокал вина и курит третью подряд сигарету...

— ...У нее порвался браслет, — задумчиво протягивает моя бывшая, хмуря брови, — Семейная реликвия ну или типа того. В общем у нее отскочил камень, за которым естественно побежала и наткнулась глазами на рекламную вывеску конкурса, который давал ей все, что она хотела: возможность учиться, общагу и стипендию. В последствии, конечно, этот конкурс дал ей еще больше...

— О чем ты?

— Именно на этом конкурсе она познакомилась со своим мужем.

Драматичная пауза и не менее драматичный взгляд, но какой реакции она ожидала? То, что конкурсы красоты всегда были и будут одним из любимых развлечений богатых мужиков — аксиома. Это же очень удобно, ну правда: приходишь, как в магазин, а на витрине уже выставлены лучшие образцы. На любой вкус. У меня есть друг, с которым мы учились в школе, так он только на конкурсах красоты себе любовниц и подбирает, как бы это не звучало. Говорит, что у него слишком мало времени искать кого-то, а так и искать не надо, все зависит лишь от твоих возможностей и предпочтений, точнее в нашем случае от настроения. У таких, как мы, в действительности нет определенного типажа, вокруг нас слишком много людей, женщин в частности. Даже не так: у нас слишком много возможностей, чтобы ограничиваться одним типажом. Да, вот это уже ближе к истине.

Не получив реакции, Лили слегка закатывает глаза и коротко смеется, но делает глоток вина и продолжает.

— В общем там они познакомились. Ей было семнадцать, когда они начали встречаться, ему около двадцать пяти. Знакомая ситуация, да?

Она колет меня намеренно. Снова — зачем то. Я не знаю зачем, поэтому решаю пока попридержать все свои реакции. Вообще все. Сажу, как статуя, лишь моргаю и смотрю на огонь, покручивая стакан о подлокотник. Но Лили все никак не угомонится! Она опирается на свой подлокотник и двигается ближе ко мне, щурится, а потом тихо-тихо выбивает и без того шаткую табуретку под моими ногами.

— Наверно правду говорят, что дети идут по стопам своих родителей.

— Зачем ты это делаешь?! — рычу, она же гневно, зло усмехается.

— Не понимаю о чем речь!

Понимает. И я вдруг понимаю: Лили ревнует. Она подпила, плохо себя контролирует, и правда начинает сочиться из каждой ее поры. Лили ревнует меня к своей сестре, вон как пляшут дьяволы на дне ее таких же пьяных глаз. Это снова не огонь, это именно ревность, которая лично меня вводит в ступор. Как она может делать это в данной ситуации?! Мне действительно хочется об этом спросить, но я не успеваю. Наверно хорошо, что она сейчас берет себя в руки, потому что боюсь, разговор наш зайдет не туда. Я сам под впечатлением, и если обычно смог бы сыграть с ней в любые, дурные игры, сейчас мне сложно собраться и сконцентрироваться. Меня преследует запах чего-то сладкого... карамели или кокоса.

Тру глаза, она же отгибается на спинку кресла, давя в себе любые зачатки сорвавшегося с рельс поезда, выдыхает и снова кивает, будто самой себе.

— Ирис родила своего первого ребенка, когда ей исполнилось восемнадцать. Его зовут Арнольд.

— Арн.

— Да, — мягко отвечает, улыбается вторя и смотрит, как я секунду назад, лишь на языки пламени, словно меня и нет тут вовсе, — Знаешь, мы же не жили в России. Папа работал в Норвегии. В Осло у него была своя лаборатория, красивый, шикарный дом. Я любила этот дом. Он был действительно царским, примерно, как дом Насти, только вместо дерьмового сада — огромное поле с лошадьми. Каждое утро, когда я просыпалась, выглядывала в окно и здоровалась с ними...

Стыдно признаться, но я этого никогда не слышал. Ни ее такого голоса, ни ее взгляда, которым она сейчас пожирает то, что пожирает все остальное, если теряет контроль, ни ее такой в принципе. В этот момент я понимаю, что сейчас передо мной не та женщина, которую я знал. Точнее думал, что знаю. Нет, я ее совсем не знаю на самом то деле. Лили

для меня, бывшая когда-то настолько родной и близкой, оказалась по факту далеким островом в холодном океане... На самом деле в ней столько сожалений. Тонна и еще одна, сверху прижатая бесконечностью.

— Мама их очень любила. Они с Ирис занимались конным спортом, как бы забавно это не звучало. Налет клише и все дела...

— Ты с ней не общаешься? — тихо спрашиваю, Лили наконец пару раз моргает, потом опускает взгляд на свою сигарету и слегка мотает головой с натянутой улыбкой.

— Нет.

— Почему?

— Не могу ее простить.

— За то что бросила?

— За то что убила меня.

Я хмурюсь, а она поднимает глаза и врезается ими в меня. Вижу, как зачатки слез собираются в их уголках, но молчу. Стараюсь не показать жалости к этой глупой, так сильно заплутавшейся девчонке, но мне ее жаль. По-человечески и очень сильно, я ведь прекрасно понимаю, что она хочет и скажет дальше.

— Если бы она нас не бросила, возможно, Роза была бы жива.

— А если бы вчера где-то не раздавили цветок, сегодня мы бы здесь, возможно, не сидели.

— Это не одно и то же, что эффект бабочки, Макс.

— Ты этого не можешь знать, Лили, — тихо говорю, делая свой глоток, а потом еще тише добавляю, глядя в янтарную жидкость, что сжигает меня изнутри, — «Тут сожаление так же уместно, как перо в зад у свиньи.»

Первую секунду Лили просто молчит, но потом разгорается таким заразительным и звонким смехом, который я невольно поддерживаю. Так давно это было, что я даже не вспомню, когда конкретно, но мы смеемся вместе. Не друг над другом или неуместной, чьей-то шуткой, а вместе.

«Никогда не думал, что это снова будет возможным...»

— Обожаю, когда ты что-то цитируешь, — протягивает, откинувшись на спинку кресла с улыбкой, — Кто это сказал?

— Виктор Гюго в Соборе Парижской Богоматери.

— Ты очень умный.

— А ты не потеряла чувство юмора. Продолжим?

— Конечно... — она соглашается мягко и тихо, смотрит на меня еще долгих пару секунд, только после которых и еще одной затяжки, кивает, — Арн хороший. Когда мы приехали, а нам было очень сложно, уж поверь, он нам очень помогал. Мы сблизились. Арн старше нас, даже постарше Миши будет, но он никогда не задирает нос. Он, знаешь, напоминал мне всегда австралийскую овчарку, которая носится вокруг, сбивая малышню в кучу, следит за ней ястребом, оберегает... Арн очень любит Ирис. Логично, конечно, она неплохая мать *для своих детей*, но он ее просто боготворит, поэтому всегда вызывается ей помогать. И как я не догадалась тогда...

Хмурюсь, Лили в ответ бросает на меня короткий взгляд и пожимает плечами.

— Если бы Ирис действительно умерла, он бы впал в жуткую депрессию, а на похоронах был вполне ничего. Я списала все на привычное желание оберегать младших, а вон оно как вышло, да?

— Ты злишься на нее?

— А ты бы не злился?

Молчу. Наверно, злился бы, но справедливости ради, разве Лили не виновата сама? Она выбрала не ту сторону, выбрала осознанно, так чего тогда она ожидала? Но я не стану произносить это в слух, боюсь, что при таком раскладе она просто закроется, а это не то, что мне нужно.

— Второй их сын...

— Второй — это адский кошмар на ножках. Его зовут Богдан. Ирис говорила, что когда была беременна, случились какие-то осложнения, и они чуть не потеряли ребенка... Поэтому назвали его так.

— Богом данный.

— Именно. И это, скажу я тебе, не подарок в красивой упаковке... — она усмехается и слегка закатывает глаза, делая поток вина, — Нет, красивая упаковка бесспорно есть, но черт... Он просто задница! Хитрющий, наглый, прирожденный химик...

— Химик?

— А-га. Он с детства любил все смешивать, Ирис это поощряла. В последствии он закончил химический факультет Гарварда...

— Гарварда?!

Лили усмехается.

— Я говорила, Макс. Они не так просты, как ты думаешь. Да, он учился в Гарварде.

— Только он?

— Да, он единственный. У него предрасположенность к науке, так что здесь уж не попишешь... Наверно из-за него *она* тоже хотела где-то учиться, достигать своей мечты... Ты слышал, как *она* играет?

Я слышал...

Август

— ...Я чувствую себя неловко.

Амелия тихо смеется, а ее пальцы лежат на клавишах, за которые мне с таким трудом удалось ее загнать. Отказывалась наотрез, и сейчас она меньше смущаться не стала. Вся красная. Я улыбаюсь, сидя на табурете прямо за ее спиной, только так она и согласилась — лишь бы я на нее откровенно не паялился. Глупая. Быть ближе к ней — это все, что мне нужно было.

Слегка касаюсь нежной, тонкой шеи, кожи цвета молока, провожу губами, вызывая дрожь, снова улыбаюсь. Она такая отзывчивая, что стоит мне ее коснуться, как дыхание учащается, пульс тоже, а мурашки выдают свою хозяйку с потрохами. Как бы она не старалась скрыть, я вижу, что вызываю в ней бурю эмоций. Таких вкусных эмоций, но, черт, девочка, ты вызываешь мне не меньше чувств. Поэтому мне так нравится ее касаться, а не касаться, все равно что лишиться дозы. Наверно я наркоман. Нет, точно наркоман. Я не произношу этого в слух, ведь даже в голове у меня звучит такое слишком как-то глупо и ванильно, а если озвучить, вообще хоть об угол убейся. Говорю другое...

— Давай, малыш, не трусь...

Но касаюсь вновь. Кладу руки на ее, слегка нажимаю на указательный палец... *бам!* Она вздрагивает от неожиданности, а я еле слышно смеюсь. Мой сладкий, маленький котенок...

— Сделай это для меня.

Волшебное словосочетание. Им я открыл много ее замков, и знаю, что сейчас оно тоже сработает. Амелия бросает на меня взгляд таких смущенных глаз, кусает губу, а я внутри себя рычу от безнадёги. Твою мать! Ты издеваешься?! Прекрати. Что ты со мной делаешь?! Я сам хочу кусать твои губы, ласкать их, тебя, пробовать тебя снова и снова, прекрати же меня провоцировать, глупая девчонка! Чертова девчонка...Она понятия не имеет насколько соблазнительно делает...да все! Так. Стоп. Нет. Тормози...

— Просто сыграй для меня, — хрипло продолжаю свою мысль в слух, отчетливо понимая, что упираюсь ей в спину своим членом.

Наверно она думает, что я озабоченный. Но она улыбается хитро, как лиса. Опускает на миг взгляд вниз, потом снова на меня, и я вижу, что не я один тут озабоченный. Она тоже меня хочет, и это дает мне сил держаться. Я улыбаюсь снова, а потом приближаюсь и второй раз нажимаю на клавишу ее рукой, как бы подталкивая. Нет, малыш, сначала дело. Да, сначала дело, а потом уж все остальное...

И она соглашается со мной. Поддается. Я знаю, что поддастся. Она мягкая, как пластилин, и одновременно такая твердая, что если захочет, я руки об нее сломаю, но не прогну. Поэтому отчетливо понимаю, что это она позволяет мне что-то, а не я ей, как давно привык. Она решает, а я поддаюсь. Она ведет, а я иду, и мне плевать, кто и что скажет. Плевать, что это до абсурдного смешно поддаваться и вестись, как тупой пес с высунутым языком. Плевать на все...она играет, и я понимаю, что мне действительно насрать. Сейчас я держу в своих руках кого-то настолько необычного, настолько глубокого, потрясающе талантливого, особенного...неординарного. Каждое ее движение — это что-то совершенное, но одновременно с тем рваное, наполненное чувствами и душой. Амелия сама по себе сплошная душа и чувства, не думаю, что в действительности у нее есть вообще предел. Я все пытаюсь ее разгадать, но чувствую, что не приблизился к этому ни на дюйм, потому что она — сплошная аномалия, и она моя, потому что она так решила.

Обнимаю свое сокровище крепко, но бережно, укладываю голову ей между лопатками, и, черт возьми, закрываю режущие глаза. Я знаю, что дело не в сексе. Нас с ней держит не он, он лишь высшая, абсолютная возможность сказать все то, что невозможно выразить словами. До нее я никогда не знал, что значит «заниматься любовью», но с ней только это и делаю. С недавних пор я в этом убедился точно. Однажды ночью, когда Амелия уже спала, свернувшись калачиком у меня под боком, а я накручивал на палец ее длинные волосы, я это понял. Тогда на секунду я даже пожалел, если честно, что решился окунуться в нее. Мне казалось, что выйдет держать дистанцию, даже будучи в дебильных «отношениях», а на деле вышло, что это невозможно. Казалось маленькая девчонка, а нашла ко мне ключик, затащила внутрь чемоданы со своими вещами и хозяйничает в моей душе, как дома, и уже достаточно давно. Задолго до того разговора во дворе. Задолго до пересмотра нашего договора. Задолго...

Поэтому и сейчас мне по-настоящему страшно. Боюсь, что раз сейчас расплавляется она, в итоге счет придет на мое имя, и он будет просто огромен. За все мои ошибки и вранье. За все принятые мной неправильные решения. За все...и закончить бы «нас», сжечь, отложить и забыть, но я не могу.

Я обнимаю ее крепче и молюсь, чтобы она никогда не узнала о том, что я сделал...

— Да... — наконец подтверждаю, доставая сигарету уже для себя, — Я слышал.

— Наверно, она была талантливее меня...

Зажигаю и предпочитаю не комментировать, потому что да, была. Хотя и нет на самом деле градации таланта, есть лишь градация решимости и целеустремленности. Лили это не понять, к сожалению. Она слишком боится провала...

— Ты помнишь Мексику? — вдруг выдает, и я еле сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

Вот при чем здесь Мексика, твою мать?! Лили улыбается. Для нее, видимо, при чем.

— Помнишь, не ври мне, что забыл наши каникулы...

— Я уже отвечал на этот вопрос. Не один раз. Я все помню.

— Тебе неприятно вспоминать?

— Третий брат?

— Почему ты не хочешь говорить об этом?

— Третий брат?

— Макс...

— Лилиана, — твердо перебиваю ее, строго смотря в глаза, — Третий брат или я уйду.

Лили не нравится, что не отвечаю. Она поджимает губы, но идет на поводу, как собачка за косточкой на веревке, кивает.

— Его зовут Маркус. Он достаточно спокойный, любит технику. Ловушки.

— В смысле...

— В том самом смысле. Его хлебом не корми, дай поковыряться в чем-то, что-то смастерить. Обычно это адские механизмы...

— И четвертый — Элай.

— Элайджа, да. Он любит драться. И ножи. Пистолеты не признает, зато руками махать — хлебом не корми.

— То есть у каждого что-то свое?

— Ну так всегда и бывает. Арн — владеет пистолетами, как своими собственными руками. Богдан — химик. Маркус — техник. Элай — холодное оружие и рукопашка. Они в этом идеальны, Макс, а вы... без обид, но у вас нет никакой подготовки.

— Это...

— ...Так. Это так, Макс. И еще кое что, что ты должен понимать... Их воспитывали иначе, чем обычных людей. Если для обычных убить кого-то — это что-то ужасное, для них больше обиденное. Они спокойно спустят курок или перережут горло. Вы — нет. Сомневаешься? Вспомни тот момент с Ревцовым, и скажи мне только правду, ты смог бы его убить?

Да. В моей голове слово загорается, как самая яркая лампочка всех времен и народов, потому что да. Смог бы. Не спусти он курок сам, я бы это сделал. Потому что он тронул мое. Потому что напугал мое. Потому что если бы я оставил его жить, она всегда бы боялась. Оглядывалась. Просыпалась от кошмаров. Я этого не мог допустить, и был готов убить, клянусь, и не пожалел бы ни на грамм, просто не успел.

Как показала практика, я вообще много чего не успел...

— Кем была она?

Вдруг спрашиваю, и Лили резко замолкает. Она долго на меня смотрит, но я не отвечаю. предпочитаю как и много раз до этого, изучать жадные языки пламени. Они меня

напоминают, если честно, я ведь с такой же жадностью собираю по крупичкам все, что связано с ней. Я хочу знать. Хочу разобраться. Хочу...

— Она — прирожденный стратег, — тихо удовлетворяет мое любопытство Лили, а потом явно закатывает глаза и даже фыркает, — Она не умела особо драться, ножи и пистолеты — тоже не совсем. Остальное вообще не ее история, но стратегия... Она с самого детства такой была. Сидела молча, наблюдала, а потом все происходило так, как она хочет. Амелия чувствовала людей, понимаешь? Она знает что и кто, как скажет, что сделает, куда посмотрит. Это меня всегда пугало, если честно, а остальных вводило в какой-то нездоровый восторг. Так и вижу, как после ее очередного фокуса, Хан сидит и в ладоши хлопает, как придурок, приговаривая: вся в отца, ой! Ну вся в него!

— Я это тоже слышал. Это так?

— Похоже на то. Говорят, что ее отец таким был. Даже Ирис это часто говорила, мол, она похожа на него больше всех ее детей. Не знаю насколько внешне, но по характеру точно. Он был таким же. Молчаливый, себе на уме, умел подмечать детали. Умный...

— А кто ее отец?

Лили молчит. Тогда я наконец поворачиваю к ней голову и приподнимаю брови.

— Ну? Кто ее отец?

— Я не знаю.

Это приводит меня в некий ступор, и я выгибаю бровь. В смысле?! Ты серьезно?! Лили будто читает мой взгляд, усмехается, зло так, с душой, полной черной, липкой, словно мазута, ненависти. Кивает.

— Знаю о чем ты думаешь, но это правда. Я этого не знаю. Ирис бережно охраняла секрет своего мужа, вплоть до его внешности. Нигде не было даже фотографии.

— Ты злишься?

— Нет, с чего бы? — врет, дергая плечами, — Она мне не доверяла. В конце концов, кто я, чтобы заслужить это самое доверие, да? Всего лишь подкидыви под ее резные, королевские двери...

— Ты злишься.

— А ты бы не злился, только честно? — тихо спрашивает, поднимая глаза, — Все, что я тебе сейчас говорю — это лишь плоды моего наблюдения. Я на самом то деле ничего почти и не знаю, если не считать того, что они действительно опасны. А они — моя семья. Точнее, я так думала. Долго. Упорно. А сейчас выясняется, что это не так...

— Потому что ты не посвящена в какие-то детали? Брось. Это не показатель.

— Знаешь, что смешно? — неожиданно улыбается она, подкладывая руку под голову, — Вы мне гораздо ближе, чем они.

Я вскидываю брови, она в ответ пару раз кивает.

— Да-да, не смотри так. И это просто фантастическая дурость, разве нет? Меня же ненавидят в этом доме. Каждый. А вы мне больше семья, чем моя семья...

Брови не опускаются. Я все также удивлен подобным заявлением, а она вдруг накидывает еще сверху, только шепотом.

— Когда она наставила на тебя пистолет, я думала, что она тебя убьет... И это было хуже всего. Никогда больше тебя не увидеть...

М-да. Ты серьезно, родная?

5. Rolling in the deep

*There's a fire starting in my heart,
Reaching a fever pitch and it's bringing me out the dark
Finally, I can see you crystal clear.
Go 'head and sell me out and I'll lay your shit bare.
See how I leave with every piece of you
Don't underestimate the things that I will do.
The scars of your love remind me of us.
They keep me thinking that we almost had it all
The scars of your love, they leave me breathless
I can't help feeling...
We could have had it all...*

***Rolling in the Deep* — Adele [\[7\]](#)**

Лили тянется к моей руке, чтобы закрепить удачно достигнутый, как ей кажется, эффект, но я не даю себя коснуться. Отодвигаюсь, оставляя единственное после — пустоту. Ее это не удивляет. Она тихо смеется, опираясь предплечьем о подлокотник, продолжая «касаться» «моего ничего», но потом все же отгибается на спинку кресла и глубоко вдыхает.

— Так ты помнишь Мексику?

Теперь вздыхаю я.

— Воспоминания не способны вернуть то, что давно умерло. Прекрати.

— Мы так много тогда танцевали... — будто не слышит, продолжает, задумчиво водя ногтем по коричневой коже, — Много смеялись. Помню, как там классно пахло. Теплотой. Летом. Пляж...горячий песок, который за день так сильно нагрелся, что не успел остыть к тому моменту, как мы пришли после вечеринки. Он обжигал. Помню океан...пушистую пену, которая касалась моих ног...Помню, как мы занимались любовью...

— Лили...

— ...Мы занимались любовью, — с нажимом и каким-то отчаянием перебивает меня, уставившись в пол на свои туфли, кивает, — Это было просто прекрасно. Волшебное. Мне было очень хорошо...

На самом деле ей не нравилось. Я точно помню, как она кривилась, и что он а притворялась. Ей не нравился секс на песке, и, если честно, он вообще мало кому заходит, если отбросить "нежелание обидеть партнера". Он только выглядит красиво, если включить порно или какую-нибудь эротическую мелодраму — на большом экране даже поцелуй под дождем выглядит круто, как ни крути, — а по факту что? Это было неудобно. Песок попадал в нее, как не ловчись, даже мне было дискомфортно. Прибавить к этому прекрасному этюду тот факт, что когда мы выходили из бара и перли на этот самый пляж, угодили в кактусы — вообще красота. Соленная вода по свежим ранам просто лучшее, что могло со мной произойти. Ага. Да.

Я смотрю на нее, на то, как отчаянно она пытается улыбаться, выдать желаемое за действительное, и решаю не пытаться ее затормозить — в этом нет нужды. Она сама, наверно, все понимает. Мы оба наконец готовы признать, что отношения наши были, как

этот самый странный секс на пляже — только картинка красивая. Было много ярких, красивых сцен, чтобы как в фильме, чтобы побольше впечатлений, чтобы вокруг себя завидно было, но чего в наших отношениях было на самом деле мало, так это настоящего. Забавно, вообще, как так получилось. Мы оба знали друг о друге то, чего мы с Амелией не знали, но по итогу именно с Амелией у меня получилось создать настоящие воспоминания. Информативно — нет, но чувственно — да. До меня только сейчас дошла эта разница, как бы странно не звучало. С ней на пляже мы бы не трахались (непонятно зачем, ведь с Лили нам тогда даже не особо и хотелось), а смотрели на звезды. Разговаривали. Смеялись. Мне бы удалось ее обнять под шум прибоя. Так бредово все это звучит, и я с таким скептицизмом раньше смотрел на эти странные парочки, гуляющие за ручку, потому что не понимал этого. Теперь понимаю. Я с легкостью могу представить нас на пляже вот так же: медленно идущими вдоль линии прибоя. Потому что мы бы нашли о чем поговорить...с Лили не получалось. Я в Мексику то ее повез, потому что было бесконечно скучно в Москве. Одни и те же лица, одни и те же места, одни и те же разговоры. Хотелось чего-то нового.

Черт, как же я жалею, что не свозил *ее* никуда... Не потому что скучно, а потому что ей бы понравилось. Я бы хотел показать ей весь мир, свою родину, Сицилию. Свезить ее на "каблук Италии", и наблюдать, как бы она восторженно на все смотрела. Как только она и умела...

— Как это с нами могло произойти? — спрашивает Лили, вырывая меня из моих собственных грез, и я пару раз моргаю, перевожу на нее взгляд, — Странно, да? К чему мы в итоге пришли...

— Тебе известно, что такое "глиссандо"?

— Плавный переход от одного звука к другому. Да, Макс, мне это известно. К чему этот вопрос?

— К тому, что ты олицетворяешь этот термин. Поэтому нет. Я не думаю, что это странно то, к чему мы в итоге пришли.

Я делаю последний глоток виски, добывая свой стакан, и отставляю его в сторону. Разговор окончен, больше нет смысла что-то мусолить.

— Макс, стой! — она все таки хватает меня за руку, когда я собираюсь встать, и я снова смотрю ей в глаза.

— Лили, прекрати. Хватит уже.

— Да стой ты! Мы не закончили еще!

— Мы закончили уже давно. Если честно, я даже не уверен, что мы когда-то начинали...

— Не говори так!

Я тихо цыкаю, разжимаю ее пальцы и все таки встаю со своего места, чтобы уйти. Потому что я больше не хочу это слушать. Не из-за того, что мне больно, что очень важно, это все пустое, на что у меня просто нет сил. Свое важное я проебал. Вот так вот. В конце концов счет действительно пришел на мое имя, так и знал, что за трусость мне платить просто нечем, но, клянусь, никогда не думал, что долговая яма получится в концовке настолько глубокой. Я и неба то не вижу с ее дна...

— Я никогда не говорила, почему сделала это! — вдруг повышает голос, кидая мне в спину последнюю, жалкую попытку, на которую я усмехаюсь.

— Говорила много раз, но мне, если честно, всегда было и будет плевать почему ты это сделала. Ты это сделала, — оборачиваюсь и слегка улыбаюсь, даже не зло, что весьма и

весьма удивительно.

Черт возьми, меня самого это удивляет, но я больше не злюсь на нее. Вдруг все настолько понятно, как на ладони, что мне и самому смешно становится. Я столько времени потерял в бессмысленных раздумьях, попытках забаррикадироваться внутри своей башки, что это тянет на вполне себе неплохой анекдот. Любил ли я когда-нибудь Лили? Наверно, да. Она была первой женщиной, которая смогла меня увлечь и заинтересовать, первая, в ком я увидел личность, но по факту личность эта оказалась лишь химерой. Я не злюсь и на это. Поверить в призраков меня заставила не она, а я сам. Мне просто нужен был кто-то, как любому человеку, и, наверно, что-то внутри меня, не смотря на весь мой сарказм и эти самые баррикады, тянулось к чему-то другому. Только сейчас, здесь и сейчас мне становится ясно это, и, по правде говоря, я даже рад, что потратил свое время на такой разговор — он мне помог. Иногда очень полезно пройти шоковую терапию, чтобы наконец разложить все в своей голове по полочкам. А возможно и не в этом дело? Лили старалась изо всех сил притянуть меня обратно, вытаскивая на свет моменты «наших отношений», но все, чего добилась — это дала мне возможность сравнить. С Амелией. С нами.

Одинаковое слово, но применимое к разным людям, играет такими отличными друг от друга красками. Мы с Лили — пара брошенных, несчастных детей, когда-то сбившихся в кучку. Нам было весело вместе, хорошо, прекрасно даже временами, но в глубоком смысле — мы друг от друга держались на расстоянии. Просто неплохой секс, смех и танцы. Мы на самом деле много с ней танцевали. Ходили по вечеринкам. Веселились. Мне нравилось, как смотрят на нее, а еще больше нравилось, что ее хотели все, а она была моей. Мне было всего двадцать лет, что тут удивительного? В этом возрасте всегда хочешь иметь игрушку лучше, чем у соседа. Даже моя «ревность», о которой ходили слухи — это лишь правильно подобранные специи, еще один вид развлечения. Чтобы скучно не было. Чтобы так сильно не давил тот факт, что на самом деле, нам не о чем было говорить, а постель быстро себя исчерпала. Лили со мной было скучно — вот она правда. Я только сейчас это понимаю, как понимаю и то, что мне в ответ скучно было не меньше. Мы с ней слишком разные.

С Амелией все было не так. Мне нравилось быть с ней наедине, дома, подальше от людей, чтобы не мешали, не лезли в наш мир. Мне категорически не нравилось, что на нее смотрят. Если честно, то я ревностью особой, если уж судить так широко и глобально, никогда и не отличался, наверно потому что знал — от таких, как я не уходят. С ней было иначе. Проблема заключалась в том, что Амелия была слишком умной, интересной и самодостаточной, и что решала она как раз, а не я. Наверно мне было страшно признать, что я боюсь ее потерять, а я боялся действительно. Как огня. Она была только моей, и эта мысль отражалась где-то на подкорке выжженным именем. Ее именем. Мне нравилось ее слушать, говорить с ней часами, потому что пусть она и была младше меня, поддержать могла абсолютно любой разговор, начиная с поэтов серебряного века, заканчивая глупыми идеями о мирах на других планетах. Мы обо всем с ней говорили. И именно с ней я занимался любовью. Ни с кем до нее, ни с кем, скорее всего, после не буду. Я любил ее. Люблю ее. Ее. Не Лили, а ее.

— Макс! Ты меня слушаешь?!

Нет. Потому что я уже это слышал и не раз. Пока я думал о том, как же слеп был на самом деле, Лили сама встала, начала снова разгонять телегу, которую разгоняла уже много раз. О том, как отец пришел к ней, о том, как говорил с ней, о том, как предложил ей контракт на место своей любовницы, и как она согласилась, ради Амелии. Но это вранье.

Устало вздыхая, вдруг решаю порвать порочный круг, подхожу к Лили и беру ее лицо в ладони. Хмурюсь. Смотрю долго в ее глаза, до краев полных того самого отчаяния и какого-то раненного, страха. Я вижу, как внутри себя она мечется, точно дикий зверь, и слегка улыбаюсь. Глупая девчонка. Ты же обманываешь. Меня то плевать, себя главное...

— Лили, послушай меня сейчас очень внимательно, хорошо? — она кусает губу.

Раньше во мне это вызывало возбуждение, но теперь его нет. Жалость — да, она ведь почти плачет, но иного я не чувствую. Мне просто ее жаль...

— Скажи мне правду, — наконец тихо продолжаю, ловя ее взгляд своим, — Хотя бы один раз. Просто скажи правду. Все, как было на самом деле. Один единственный раз.

20; Лили

Петр Геннадьевич стоит напротив меня. Он красивый мужчина, привлекательный, умный и статный. Я работаю с ним уже несколько месяцев, и мне нравится за ним наблюдать, если честно. Рядом я чувствую себя, как за каменной стеной. Под защитой. И он умный, сильный, тянет меня этим. Подкупает. Сейчас он стоит напротив, а передо мной лежит лист А4, где черным по белому написана моя судьба.

«КОНТРАКТ». Ярко, броско, остро. Восемь букв, и так много смысла...

— Я знаю, что ты чувствуешь сейчас, — тихо прерывает тишину, а я хмурюсь, — Тебе неприятно и неловко. Стыдно. Ты понятия не имеешь, как признаться во всем Макс, я понимаю. Но вот, что ты должна учесть, делая выбор, малышка. Ты ему надоешь. Он непостоянный элемент, Лилиана, рано или поздно, он тебя бросит, потому что он еще зеленой и что такое любовь не знает. Он ее не понимает, и ты не понимаешь. Вы чем-то похожи. Оба тянетесь и тыркаетесь, как слепые котята...

— Он любит меня.

Я очень этого хочу. Чтобы меня любили. Так стыдно в этом признаться, но тихо и про себя можно, потому что я чувствую себя...ничтожной. Никому не нужной. Одинокой. У меня нет семьи. Я разрушила свои отношения с сестрой, которой больше нет в живых. Наша последняя ссора поставила крест на моем возвращении домой — это теперь просто невозможно! Они никогда меня не примут, после того, что я сделала, никогда не простят. Я и сама себя простить не могу. Особенно того, что я ей так и не позволила...не попросила прощения. Думала, что впереди еще так много времени, а его оказалось так мало...Украдкой вытираю слезы, от чего Петр Геннадьевич улыбается. Он подает мне платок, а потом тихо продолжает...

— Он вернется к Ксении, Лилиана.

— Нет!

— Да. Макс молод и импульсивен, Лилиана, но это ненадолго. Эмоции пройдут, осядут, он рано или поздно повзрослеет. Иногда надо — значит надо. Иногда это не вопрос выбора. Иногда есть обязательства, которые выше всего остального. Они с Ксенией не просто встречались, Лилиана, они друзья. Очень хорошие, с самого детства, и сама посуди. Они должны были пожениться, разве он всерьез посмеет так ее унижить?

Я поднимаю глаза и слегка жму плечами, на что получаю теплую и мягкую улыбку Петра Геннадьевича.

— Нет. Он дал ей слово и сдержит его. Сейчас он бастует, но, малышка, я не хочу тебя огорчать, это не из-за тебя. Макс бунтует против меня, а чтобы ты о нем не думала, в итоге

он слишком похож на свою мать. У него доброе сердце. Он не посмеет так обидеть девушку, которая была рядом с ним столько лет. Все проходит, затмение тоже заканчивается, и тогда все становится на свои места. Честь и долг не дадут ему выбора, Лилиана, и что останется тебе? Квартиры нет. Работы нет. Ничего нет. Я дам тебе все, и ты ни в чем не будешь нуждаться, а взамен просто будешь рядом со мной. Это все, что мне нужно.

Сказать по правде, я знаю, что он прав. Макс еще ребенок. Когда розовые очки исчезли, я стала это замечать. У него дурацкие мечты, которым никогда не суждено сбыться. Ему бы изучать бизнес, а вместо того он тратит время на свои чертежи, хотя прекрасно знает, что в конце концов будет управлять «АСтроем». Еще мне с ним дико скучно. Ему не нравятся особо клубы и светские рауты, понятное дело, что он за всю жизнь просто устал от них, но я то нет. Мне хочется быть в центре внимания, я люблю общаться с людьми, даже игры их мне заходят, потому что я выигрываю. У него нет цели этим заниматься, ведь он давно и все доказал, но как же я? Я нет. А секс...я уже от него устала, если честно. Не помню, когда в последний раз кончала, и не уверена, что он сам доволен. Макс бросит меня, я это знаю, и что тогда? Снова оказаться у разбитого корыта? Одной? Какой смысл? Не проще ли сказать да?

26; Макс

Я вижу на дне ее глаз правду. Она мелькает быстро, но также быстро исчезает, правда от внезапно прозревшего не спрячешь этот огонек. Он позволяет мне окончательно убедиться в том, что я прав, даже не смотря на то, что Лили по-прежнему боится. Она кладет руки на мои и слегка их сжимает, а потом кивает как-то даже слегка маниакально.

— Я говорю правду. Это все случилось из-за нее.

— Ты так запуталась... — тихо обрубаю дальнейшие попытки нагородить еще больше, отпускаю и отступаю.

Я не злюсь на нее, если честно, ведь вижу перед собой девчонку, кто действительно так сильно запутался, и самое паршивое, что сама этого не понимает. Вот как я выглядел, наверно, все это время: маниакально держался за ложь, чтобы защитить свое сердце. Лили сейчас делает именно это. Ей страшно. Лили больше всего на свете боится остаться одна... еще одна правда, которую я точно также наконец вижу.

Слезы скатываются с ее глаз, но она улыбается. Как кукла, как робот, как совершенно сошедший с ума, бездушный сосуд. Так работает ее психика, видимо, ищет пристанище, потому что слишком сильно боится столкнуться с правдой...И она ведь действительно боится. Настолько, что дрожащие руки касаются тонких бретелек, которые стягиваются и спускаются с плеч совершенно не сексуально, а больше как-то...страшно. Мне страшно, что ее тянет на такое дно, что она сама себя топит, и я хмурюсь. Отворачиваюсь. Не хочу на нее смотреть. Ха, это даже забавно. Я столько лет думал, что хочу этого, но теперь...черт, нет. Это просто ужасно.

— Лили, прекрати. Оденься.

— Давай просто попробуем снова, Макс? Все будет, как раньше...

— Нет.

— ...Все у нас будет хорошо. Мы справимся и...

— Нет.

— ...И все будет хорошо. Будем вместе, как ты хотел, я больше никогда тебя не предаю.

Я клянусь. Это была ошибка и...

— Лили, я тебя больше не люблю.

Говорю тихо, но работает это, как стоп сигнал такой громкости, которую сложно выносить и на расстоянии. Лили замирает, расширяет глаза, я ведь стойко смотрю в ее. Холодно даже, чтобы дать понять, как серьезно настроен. Ни в коем случае не опускаюсь ниже. Только в глаза.

— Между нами все давно закончено.

— Но...я же...

— И ты меня не любишь. Думаю, что ты меня никогда и не любила. Я тебе нравился, тебе нравилось мое общество и то, что оно давало...

— Я не была с тобой только из-за...

— Я знаю, — мягко перебиваю ее, а потом слегка улыбаюсь, — Но и из-за этого тоже. Прости, малыш, но я устал врать. Это правда.

— Это из-за нее?

— Лили, брось...

— Ответь! Это из-за Амелии?!

В слух произнесенное, настолько дорогое моему сердце имя, бьет. Я слегка отступаю даже, как бы подсознательно, при этом смотрю на Лили и совершенно не понимаю ее.

— Как ты можешь так? — спрашиваю наконец, на что она ершится, натягивая платье обратно.

— Как «так»?

— Только вчера...все это...произошло и...

Замолкаю. Я, как заика, будто ком в горле, если честно, и я вообще не могу как-то вдруг собраться. Словно в кисель превратился...

— Вчера?! — хмурится теперь сама, дергая головой, — Макс, ты спятил?! Уже неделя почти прошла!

Вот этого я действительно не ожидал. Для меня, как будто нет. Я опускаю взгляд в пол, медленно моргаю, пытаюсь осознать и понять, куда делось все это время? Как оно так быстро пролетело? Почему я его не помнил? Да потому что и помнить нечего. От меня ушло словно все и разом, что мне было выделять? Ни-че-го.

«Амелия умерла неделю назад...» — произношу про себя, тело пронзает жгучая, тупая боль. Острая такая, как будто кто-то снова вонзил в меня нож, но не в качестве театрального этюда, а по-настоящему.

И не в руку, а в сердце. Даже не в сердце, а в самое мое естество. Чертова память подбрасывает совершенно другие воспоминания...они сменяются, как немое кино. Ее взгляд тогда во дворе дома. Неверие в то, что происходит. Надежда. Словно она умоляла меня одним взглядом, сказать, что это все неправда. Но я то молчал. Потому что, прости меня, если сможешь, котенок, это правда. Пустота. Отрешенность. Выступление. Снова пустота, только еще более глубокая, которую я бы так хотел заполнить...

Я о стольком жалею...по факту обо всем, если уже говорить совсем на чистоту, но поменял бы я хоть что-то? Пришел бы в ее дом? Приблизился бы к ней? Заключил бы этот сраный спор, за который себя ненавижу? Да. Ответ на все вопросы — да. Я сделал бы это снова, потому что иначе я бы не узнал ее. И не узнал бы себя. Что могу так сильно кого-то любить...

Лили молчит. Я тоже. Наверно, нам больше нечего сказать друг другу, но я все равно

говоря. Тихо, не поднимая вновь влажных глаз.

— Не из-за нее, а из-за меня. **Я** тебя больше не люблю, Лили.

Тишину на этот раз разбивает звонок моего телефона. Я смаргиваю свое горе, вдыхаю побольше воздуха и достаю из кармана телефон, на экране которого горит одно лишь имя.

«Отец».

Я настолько опустошен, что нет сил даже на ненависть к нему, и вместо нее я бросаю взгляд на Лили.

— Это отец.

Она, ожидаемо, напугана. Слегка прижимает руки к груди, смотрит затравлено, но я лишь слегка улыбаюсь и дергаю головой, мол, не парься. Прорвемся.

6. Проститься

*Время смотрит спокойно
С презрением
Вы меня уже верно не вспомните
Запоздавшее ходит прозрение
По моей гладковыбритой комнате
Недосказано и недослушано
Сердце бьется другими вершинами
Значит все безнадежно разрушено
Ну зачем же, зачем поспешили мы
Проститься
Нет сил закрываю
Я глаза закрываю
Сквозь туман уплывая
По аллеям столицы
Проститься
За потерей потеря
И года полетели
За дождями метели
Перелетные птицы
УМА2РМАН — Проститься*

Выпитый алкоголь дает о себе знать в теплом салоне Лекса, куда я заваливаюсь, словно мешок с картошкой. Отец «вызвал» нас всех, включая Лилиану, потому что он знал, что она со мной. Он все знал. Как обычно. Меня это уже, право, не удивляет даже, да и разве может? Он создал «АСтрой», закрепил его на позиции «абсолютный монополист» и управляет всем этим театром «Одного кукловода», действительно один. Мой дядя, конечно, помогает, но помощь его на самом деле занимает примерно два-три процента от всей работы. Если честно, то иногда я ловлю себя на мысли, что завидую отцу. Его хватке, его навыкам, его умению найти выход из любой ситуации, которого у меня нет. Не знаю в силу опыта это или что-то природное прямиком из ДНК, но отец, как бизнесмен, великолепен, и я готов это признать, не смотря на то, что никаких теплых чувств к нему больше и не питаю.

Помню, как в детстве, когда только-только поступил в свою привилегированную школу, думал, что наконец найду себе «друзей по интересам», так сказать, а если называть вещи своими именами, кого-то с похожим набором травм. Увы и ах, не срослось. Какого же было мое удивление, когда я не увидел даже в семьях «из моего круга» и толики того дерьма, что происходило в моей. Где это видано? Отец не бьет своих детей, не истязает твою мать. Он всего лишь есть, в худшем случае стукнет пару раз за всю жизнь. Наверно тогда то до меня и дошло впервые, что что-то у нас идет не по тому сценарию, как не драпируй все это «высокими стандартами». Даже сейчас. Я не говорю, что отец «зовет нас», «приглашает» вообще не та история, ведь он нас никогда к себе не приглашает. Он вызывает. Как своих подчиненных на ковер, так и нас, собственных детей.

Черт, я не могу вспомнить, как не стараюсь, ни одного теплого момента, связанного с ним. С мамой их было миллион, и я бережно храню, грею их, никого туда не пускаю, а вот с ним...даже если бы я хотел, не срослось бы. Если только одно...оно почти выцвело, с порванными, потрепанными краями, возможно даже искаженное, я ведь и не уверен, что оно реальное. Мне тогда было лет пять, может быть шесть, но это максимум. Отец возил меня на каток, так как я очень хотел научиться кататься, как хоккеисты, которых я увидел по телеку как раз накануне, когда посмотрел один из матчей со своим дядей — он то заядлый болельщик. Там отец, возможно в единственный раз был для меня не этим холодным, бездушным словом, а «папой». Я его даже любил, кажется. Помню отчетливо, как я хотел, чтобы он мной гордился, поэтому слушал внимательно-внимательно, пока он объяснял мне, как стоять на коньках. А еще четче помню его теплую улыбку, когда у меня получилось проехать. Забавно даже, он умел так улыбаться...Да, черт возьми, это было единственное хорошее воспоминание...Смотрю на Лекса. Он сосредоточен на дороге, молчит, кусает внутреннюю часть щеки. Волнуется. И на меня в ответ старается и мимолетно не глядеть. Я этому усмехаюсь, вырисовывая круги на двери машины, а потом вдруг спрашиваю.

— Ты можешь вспомнить что-то хорошее про отца?

Наверно он этого не ожидает, потому что все таки бросает на меня короткий взгляд, но сразу же возвращает его на дорогу и дергает уголком губ.

— Сколько ты выпил?

— Все еще недостаточно. Так как? Мне просто любопытно...

— Наше знакомство. Это самый лучший момент всех наших взаимоотношений. Пока я не узнал его.

— Ты жалеешь, что он нашел вас с мамой?

— Гляжу, тебя на философию потянуло...

— И все же.

— Нет, — усмехается Лекс, слегка пожимая плечами, — Тогда Адель не родилась бы. О чем вы говорили?

Я слегка закатываю глаза, полностью игнорируя факт нахождения моей бывшей в одной машине с нами, как в принципе и Лекс, отмахиваюсь.

— Это неважно. Забей.

Важно, конечно, но я решаю, что пока все это можно опустить под сноску. Лекс слишком волнуется, и если я вывалю на него всю информацию, которую узнал от Лилианы, даже не смотря на ее прозрачность, рябость и вполне возможную квадратную степень, отец его прочитает. Зачем нам нужны лишние проблемы? К тому же я и сам не уверен в том, что услышал.

— Как ты? — тихо спрашивает брат, снова руша тишину и мою задумчивость.

Хочу сказать, что «нормально». Обычно, когда люди спрашивают, как у тебя дела, они не хотят слышать правду. Им подавай «нормально», чужие проблемы не нужны никому, но я знаю, что Лекс не такой. Ему не нужно вранье, ему правду подавай, а что мне сказать? Что я себя не чувствую? Очевидно, по-моему.

— Интересно, что ему надо? — спрашиваю сам, отвечая тем самым и на заданный мне вопрос.

Я. Не. Хочу. Об этом. Говорить. Точка.

Может быть, когда-нибудь, но сейчас я ставлю на этом точку, выделяя жирным шрифтом главное: я не хочу об этом говорить. Потому что не знаю как.

Тем временем дорога уводит нас вперед. Фары освещают ее так ярко, что можно разглядеть каждый бугорок на обочинах, но я не разглядываю то, что снаружи, я слишком погружен в себя.

Интересно, когда впервые я понял, что ненавижу своего отца? После какого удара? И даже не направленного на меня, это я точно знаю. Я стал ненавидеть его не за жестокость ко мне, а за жестокость к маме.

Как он мог делать с ней все это, если он ее действительно любил? Хан был его другом, я его только потом узнал. Видел когда-то давно-давно, еще в совсем юном возрасте, поэтому плохо его помню, но когда отец уехал в Новосибирск, у меня появилась возможность порыться в его кабинете и найти старую, армейскую фотографию. На ней отец совсем молодой и сидит у костра, а рядом точно Хан, его сложно с кем-то перепутать.

«И он говорил с такой уверенностью, что отец любил маму...»

Забавно. Хан был абсолютно уверен в своих словах, да и я, что скрывать, это знаю. Наверно. Рыться в чужих отношениях — дело гиблое, знаю, но отец всегда когда выпьет лишнего, говорит только о маме. Говорит много. С нежностью, с печалью, грустью. Тогда как ты, черт тебя возьми, мог так над ней издеваться? При этом вполне логичном вопросе, мой мозг подбрасывает сцену, за которую я себя ненавижу. Говорят, что дети всегда выбирают два пути: либо они становятся похожими на своих родителей, либо становятся полной их противоположностью. Я давно решил следовать другому от отца полюсу, потом только понял, что все это были лишь слова. Решающая точка, как ни крути, поставлена была в маминой гостиной, когда моя ладонь прилась на щеку Амелии.

Сам удар, если честно, стерся из памяти. Меня так взбесили ее слова, просто вывели, спустили с рельс, наложилось и то, что вся правда вскрылась так неожиданно. Я к этому не был готов. Абсолютно. И ее этот взгляд...я-тебя-никогда-не-прощу; большой взгляд; раненный. Слова, режущие на части плюс мой бесконечный стресс, страх за родных, страх провала, равно воплощению моего личного, самого кошмарного страха. Я повторил за отцом. Больше всего на свете я хотел, чтобы она заткнулась, и я сделал то, что видел много раз. Как нажал на кнопку «это работает точно», и сработало. Она заткнулась, но вместе с этим мне на плечи упал груз, весом в этот самый дом, в котором мы находились.

Испугавшись, я дал слабину, и теперь всю жизнь буду ненавидеть себя за эти несколько секунд, когда я не смог удержать себя на поводке. Это моя самая ужасная ошибка, которую допустил ни кто-то другой, а именно я. Не сдержался, потому что не умею сдерживаться. С ней пришлось учиться контролю и очень-очень быстро, ведь женщина, которую я выбрал, сама не умела сдерживаться. Кто-то же должен был, а в этот момент никто не смог. И я помню, как она сидела на полу в моих ногах, как держалась за щеку и смотрела на меня с таким...неверием. Удивленный, маленький, глупый котенок, которого ни разу, спорю на что угодно, не брали за шкуру и не били газеткой. Нет. Как бы она не кичилась, чтобы не говорила Лили, Амелия не привыкла к грубости и боли. Человек, которого били всю его сознательную жизнь, точно это определит, чтобы ему не вешали на уши.

Я был ее первым. Во всех смыслах, и если другие мне очень даже нравились, этот нет. Все, что я чувствовал — это дикое омерзение, ненависть и вину. Я был виноват перед ней, и я бы хотел заслужить ее прощение больше всего на свете, а отец что же? Он был на моем месте сотню раз, видел тоже, что и я, но продолжал делать с мамой то, что он делал. Разве это любовь? Я по себе знаю, что нет. Потому что я бы ни за что в жизни этого не повторил, потому что вряд ли смог бы выдержать этот взгляд еще хоть один раз, а он мог. Повторял,

как заведенная игрушка. Снова и снова.

— Эм...а что происходит?

Снова меня вырывают «из себя», и я пару раз моргаю, переведя взгляд со своих рук в лобовое, откуда открывается действительно странная картина. Все датчики движения работают, освещая территорию дома отца и Насти, как будто это спортивное поле, на котором сейчас пройдет кубок по футболу. Перед домом как раз собрались болельщики, только выглядят они странно. Все в черном, накаченные, высоченные шкафы и с жуткими рожами, на которых жирным капслоком написано: УБИВАТЬ.

Мы с Лексом переглядываемся, выгибаем брови, и тут то голос подает наш пассажир. Лили придвинулась ближе, теперь была между нами, а потом прошептала.

— Это армия...

Я клянусь чуть не прыснул, что за пафос?! Скептически смотрю на свою бывшую, но она вся побелела, пугливо сжалась, а когда коротко ответила на мой взгляд, я понял, что она не шутит и не прикалывается.

— Что за хрень?! — начинает Лекс, но я не даю ему договорить, а выхожу.

Какой смысл лить воду с одного кувшина в другой, когда все ответы находятся в доме? Это же логично. Я стараюсь сейчас следовать именно по пути логики, исключая все возможные чувства, чтобы быть хотя бы на пару десятков процентов трудоспособным или хотя бы передвигаемым. Короче отметаю все метания, засовываю руки в карманы пальто и иду к входу, как раз в тот момент, когда машина Марины останавливается неподалеку, а за ней въезжает Миша.

— Максимилиан Петрович? — хрипло спрашивает доселе мне незнакомый мужик с черной папкой в руках, на что я цинично усмехаюсь.

— Не похож? Предъявить документы?

— Нет, — все также хрипло и подчеркнуто холодно мотает головой, отступая на шаг, — Заходите в дом, пожалуйста.

Шутку не оценил. Обидно. Слегка закатываю глаза, но направляюсь к ступенькам, краем глаза замечая, как сестре задают тот же дебильный вопрос. И вот спрашивается, зачем? Только потом до меня доходит, когда я вижу, как мужик что-то пишет, что он просто сверяет списки. Очень помпезно ставит галочки напротив имен. Ха. Даже забавно.

За всем этим бредом я наблюдаю наверху лестницы, где решаю подождать своих. Маленький бунт на корабле никто не отменял все-таки, и я слегка усмехаюсь этой мысли, делаю короткую затяжку.

— Что происходит? — тихо спрашивает Мара, забирая у меня сигарету, которую сама решает пригубить, — Кто эти зэки?!

— Без понятия.

— Может потребовать ответов?!

— Думаю, что он тебе ничего не скажет, — также тихо вклинивается Лекс, тоже делая затяжку с ее руки, — У него приказ. Если хотим что-то узнать, надо спрашивать с того, кто его отдал.

Отец. Очевидно, как наступление ночи и дня, как и то, что Лекс прав. Тряси этих головорезов, не тряси, они молчать будут. Такие говорят только с теми, кто платит, а в нашей ситуации это совершенно точно отец. Так что, прикурив «трубку мира», где каждому досталось по чуть-чуть, и дождавшись последнюю из списка Лилиану, я поворачиваюсь к большим, резным дверям.

Ну здравствуй, дом, да? Нет. Это не мой дом, и как бы Настя не старалась, им он никогда не будет, хотя я ее безгранично уважаю. Эта женщина стала мне семьей. Она никогда не смогла бы заметить маму, но если бы мне и сказали назвать кого-то, кто был бы к этому максимально близок, я бы назвал только ее имя. Настя нас и встречала, как истинная хозяйка дома, вот только в этот раз что-то было не так.

— Мама, что с тобой? — взволновано спрашивает Лекс, вырвав это первенство.

Все мы заметили красные и опухшие глаза, нос и потухшее состояние. Триггернуло меня нехило, если честно. Такой я видел маму в последний раз, и сердце на этот раз зашло в диком танце. Тогда я был слишком мал, чтобы понять, что что-то не так, а сейчас я слишком хорошо знаю такой взгляд. Что-то совсем не так...

— Женечка, здравствуй, — тихо отвечает она, не реагируя на сына.

Потому что первым делом долг матери к матери.

— Девочки наверху, они спят. Полет был сложным...

Женя тут же смотрит в сторону второго этажа, и я сам чувствую, как ее сердце рвется к ее детям и какой нечеловеческой выдержки ей стоит оставаться на месте. Даже улыбку выдавливает из себя, слегка кивает, после чего Настя наконец переводит взгляд на нас, а потом вдруг начинает плакать...

— Мамочка! — пищит Адель и сразу же расталкивает всех нас, чтобы поспешить заключить ее в объятия, которые Настя принимает.

Конечно же. Я бы с удовольствием дал им время, но Лекс на такую щедрость неспособен. Он выступает вперед вновь, берет ее за локоть и открывает от дочери, повторяя вопрос.

— Мама, что происходит?!

— Амелия... умерла, да? — еле слышно спрашивает, но все равно режет меня без ножа.

Я кривлюсь от услышанного, отвожу взгляд в сторону, а она вдруг неожиданно обращается к Лилиане.

— Лили, мне так жаль... мне так...

Заходит в слезы, давая нам всем вдоволь искупаться в словленном шоке. Все мы знали, что эта женщина не способна на ненависть, пусть и была почти близка к ней в отношении любовницы мужа, но не из-за этого. Из-за меня и из-за Матвея, она ее поэтому не переваривала. Думаю, что все чувства, которые когда-то были у Насти к отцу, давно умерли. Точнее он их убил, как убивает все, к чему прикасается.

— Наконец-то вы приехали, я так за вас всех переживала, — мягко говорит она, вытирая слезы размером с кулак, силится даже улыбнуться.

Такая атмосфера давит на меня сильнее, чем до этого. Здесь я чувствую скорбь, траур, когда как там мог притворяться, что ничего не было. Психика же всегда защищается, как может, это инстинкт самосохранения, но только не рядом с этой женщиной. Она пинком возвращает меня на землю, где Амелии больше нет, и меня снова пронзает боль. Я больше ничего не слышу, кроме своего пульса, и ничего не чувствую, кроме этой тупой скорби, которая оплетает меня точно липкий туман.

— Макс, пойдём.

Они о чем-то явно говорили без моего участия, и я снова все прохлопал. Смотрю на Мишу пару мгновений, он ждет. Участливо. Спокойно. Дает мне время на перезарядку батареек, и я слегка ему киваю в благодарность, подбираюсь. Этого будто никто и не замечает, за что я тоже благодарен.

Теперь мы можем следовать по увлекательному квесту дальше туда, куда много раз ходили. Ненавистный маршрут, который каждый из нас знает наизусть. Небольшой столик с цветами, дверь в кладовку, арка в гостиную. Рядом на стене висит картина с суровым, усатым мужиком. Когда-то в детстве я называл его стражем, только вот что он охранял? Тайны этого дома? Если только их. И наконец двери. Две огромные, резные двери темно-карамельного цвета, на которых я знаю каждый завиток, ведь подолгу стоял перед ними, оттягивая момент, когда мой собственный ад передо мной откроется. Я давно уже не боюсь своего отца, если честно, но если еще честней, внутренности все равно леденеют, когда я вижу, как золотая ручка начинает идти вниз. Это делает Марина. Открывает наш общий ад, но сейчас что-то кардинально не так. Снова. Из кабинета отца мы слышим музыку...

*Только ночью
Не могу уснуть
Странный холод
В сердце прячется
Что случилось
Скажите мне
Кто-нибудь
Только осень в окно
Мне расплачется
В подоконник мой
Бьются горошины
Тишину разбивая веселием
Умирали давно
Понемножку мы
И наверное было спасением*

Это, простите, что?! Нет, отец слушал музыку, конечно, как любой другой человек, но обычно это был какой-нибудь Вивальди или Моцарт, и я никогда в жизни не думал, что услышу из этого места что-то вроде Ума Турман. Нет, серьезно. Что за хрень?!

Переглядываемся стайкой, хмурим брови, и, наверно, так это комично со стороны выглядит, только вот никто не способен оценить иронию. Все слишком странно, чтобы на это были силы, слишком волнительно. «Слишком» слишком.

— Заходите... — пьяным голосом отзывается отец, добавляя короткий смешок, — Что встали то?

Я делаю это первым. Устал бояться, прятаться, мне просто больше нет ни до чего дела, и я фактически с ноги выношу эту сраную, ненавистную мне дверь, после чего делаю шаг внутрь. Какого же мое удивление, когда за столом я вижу не Дьявола, а старого, пьяного ублюдка. Шутка века. Говорят, что в детстве тебе все кажется больше, чем оно есть, да? У меня для вас новость. Когда ты вырастаешь, даже самый высокий шкаф уменьшается и становится реальным. Вот она реальность — мой отец не око Саурана, а обычный, усталый мужик, который выпил лишнего, и который сейчас давит тупую, пьяную усмешку.

— Так и знал, что это будешь ты.

— Ты сам меня позвал, забыл?

— Нет, Макс, ты не понял. Я имел в виду, что первым зайдёшь именно ты. Я это знал.

Тихо усмехаюсь и прохожу внутрь, но больше мне на плечи не давят мои страхи детства. Как-то все по щелчку ушло, и я сажусь в кресло напротив него, как равный. Потому что мне по факту плевать. Потому что я уже вырос и шкаф, который казался мне когда-то чуть ли не Эмпайр-стэйт билдингом^[8], в действительности является всего лишь шкафом.

Проститься, Владíмир Евгéньевич^[9]? Да, я точно готов проститься со своим детством, потому что шутки кончились. Уже не смешно.

— Я тебя больше не боюсь. Вообще при том. Извини.

— Думаю, что сейчас ты хочешь воткнуть мне в шею свой охотничий нож?

Скриплю зубами от насмешки, брошенной так неряшливо, и да, черт возьми. Именно этого я и хочу. Интересно, он понимает насколько сильно мое желание? И насколько он действительно близок к тому, чтобы испустить свой последний дух? Потому что я в секунде от того, чтобы не вскочить и не разбить ему морду.

— В этом нет нужды, — блекло продолжает, отведя от меня взгляд и направив его в окно, — Я позвал вас...

— Вызвал.

— Прости?

— Ты не звал. "Звать" значит дать возможность отказать тебе. Ты не даешь таких возможностей, поэтому ты не зовешь, *отец*. Ты вызываешь.

Мы смотрим друг на друга достаточно долго, чтобы напрячь всю остальную семью настолько, чтобы Марина не выдержала. Она подходит ко мне и кладет руку на плечо, слегка его сжимая, пытаюсь так нажать на мой внутренний стоп, но отец лишь усмехается.

— Ненавидишь меня?

— Ты себе не представляешь насколько.

— Представляю, — тихо отвечает, снова отводит взгляд, а потом осушает свой стакан и хмурит брови, — Чтобы ты не задумал сделать, в этом нет нужды. Поговорим. В последний раз.

— Собираешься на тот свет?

— А ты будешь скучать?

— Нет, — холодно отвечаю, на что он снова улыбается и пару раз кивает.

— Садитесь. Все. И ты, Лили, тоже. У нас впереди долгая ночь и нам о многом нужно поговорить.

7. Спокойная ночь

*Я ждал это время, и вот это время пришло,
Те, кто молчал, перестали молчать.
Те, кому нечего ждать, садятся в седло,
Их не догнать, уже не догнать.
Тем, кто ложится спать —
Спокойного сна.
Кино — Спокойная ночь*

Пока вся семья рассаживается по местам, отец приглушает звук на своем ноутбуке, но не выключает музыку. Она горит где-то на заднем фоне, и это группа «Кино». Забавно вообще, что он ее знает. Нет, конечно не это забавно, а то, что она звучит в сердце этого дома, которое он для себя определил. Ему ведь здесь нет ничего дороже его кабинета, что сейчас наполняется голосом революционера. Стихами, его мыслями, чувствами. Для блюстителя порядка и правил, это очень неожиданный выбор аккомпанемента.

Краем глаза вижу, что Лекс сверлит меня взглядом, и хмурюсь. Чего он хочет? Ах да, понял. Я веду себя слишком расхлябанно, заставляю нервничать семью, брат мне это и пытается донести своим суровым вниманием, слегка мотает головой, даже одними губами говорит: «остановись». Я в ответ на это усмехаюсь, опуская глаза на свои руки. Слышу звон стекла — отец наполняет еще один стакан виски, смакует его пару долгих, молчаливых мгновений. Никто не смеет перебить данное лицедейство, да и зачем? Всем нам прекрасно известно, что после драматичной паузы польется дерьмо, как из рога изобилия, и оно попадет на каждого. В этих стенах чистым остаться очень и очень сложно, особенно, если каждый разговор с родителем заканчивается так, как наш: в случае меня, Миши и Лекса коробкой распечатанных свиздюлей, в случае девочек тазом слез.

— Когда я был молодым, обожал Цоя.

Неожиданное начало в квадрате. Я поднимаю взгляд вместе с бровями, но отец, сложив ноги на столе, даже не думает поворачиваться. Он держит стакан с виски у лица и странно улыбается. Для меня вообще странно видеть его улыбку, но сейчас она сама по себе необычная, даже для нормального человека. Какая-то слишком уж болезненная...

— ...Это был чудесный вечер. Восемьдесят шестой год, Киров, начало зимы...у вашей мамы молния заела на сапогах, а я старался ее починить, не смотря на то, что пальцы все аж онемели от холода...

Переглядываюсь с Мишей. Он, клянусь, как и я, был готов услышать многое и разное, но только не то, что здесь сейчас происходит. А что происходит непонятно никому, и лишь Марина не пытается найти этот сакральный смысл. Она как всегда подается вперед, чтобы жадно поймать все, что он скажет о ней...Смотреть на это было больно каждый раз, но сейчас особенно почему-то, а отец еще и добавил, повернув на нее голову.

— Ты так похожа на нее, моя девочка. Как две капли воды...и мужчин не умеешь выбирать, как она не умела.

Марина вся сжимается, а я подаюсь вперед, сцепив челюсти вместе. Чувствую сам, как буквально горят желваки, но не могу расслабиться, а ему хоть бы хны. Отец даже усом не

ведет, хотя где-то на подсознании я понимаю, что выгляжу не самым миролюбивым образом. Да и куда там? Сестра защищала меня всю жизнь, и я буду защищать ее до последнего своего вдоха. Но она не дает мне вступить, смотрит и слегка мотает головой, а потом расправляет плечи и гордо вскидывает нос. Люблю когда она такая. Смелая, «она настоящая», а не пугливая овечка, какой ее всегда хотел видеть отец.

— Мы не будем говорить на тему моего замужества, отец. Я сказала, что замуж не выйду никогда.

— Ты наказываешь меня, Марина, но по факту сама себя лишаешь миллиона прекрасных моментов.

— Разговор окончен.

— Спроси у Миши, что он почувствовал, когда взял свою первую дочь на руки? Вторую? Третью?

— Ты убил все мое желание когда-либо испытать это чувство.

— С тем парнем у тебя не было будущего, поверь мне.

Ее глаза зажигаются огнем, а лицо становится суровым, злым. Марина придвигается ближе, пару мгновений смотрит на него также яростно, а потом выплевывает.

— Это не тебе было решать.

— Знаю, но тебе было всего восемнадцать, когда судьба свела тебя с этим человеком. И я мог бы тебя отпустить, но я знал, что ты не будешь с ним счастлива. Потому что он не способен подарить тебе ничего, кроме бесконечной боли и страха. Это его суть.

— Откуда тебе известно, а?! Как ты вообще можешь такое говорить?! Он был хорошим человеком! Честным!

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, дорогая, потому что, к сожалению, ты сама не знала, с кем лежала в одной постели.

Марина замирает, хмурит брови, а отец делает небольшой плоток виски, опускает стакан на стол с тихий стуком, недолго молчит. Он словно о чем-то думает и что-то взвешивает, но потом все же добавляет.

— Твой паренек жив и здоров, Марина.

Медленно я перевожу взгляд на сестру, которая в миг побелела. Вся ее ярость и темперамент сдулся, как шарик, и, черт возьми, как же она стала похожа на маленькую девочку, которую необходимо защитить от чудовища. У меня как будто в мозгу что-то срабатывает в этот момент, и я снова собираюсь что-то сказать, Миша собирается, даже привстает со своего кресла, отпуская руку жены, но Марина резко разводит ладони в стороны. Она не дышит почти, но отчаянно цепляется за отца, как за спасательную соломинку, шепчет.

— Ты врешь.

— Я не мог его убить, Марина, — тихо отвечает, почти нежно даже, хмурит брови, — Потому что я дал слово.

— Ты дал...слово?!

— Своему лучшему другу. Никогда и ни при каких обстоятельствах не вредить детям, куда бы нас не завела наша война. Дети — это святое.

Молчим. В комнате повисает такая неприятная, липкая пауза, от которой у меня самого сворачивается все внутри. Что творится с ней в этот миг, мне даже страшно представить.

— Черт... — вдруг выдыхает смешок отец, уставившись в потолок, — Когда я его увидел, думал, что в прошлое попал. Он был так похож на него...но наглость от матери. И

характер от нее.

— Я не...

— В Бразилии, где вы познакомились, он был на своем первом задании. А тебе сказал, что приехал на учения, да? — Марина молчит, но отец и не ждет ответа, улыбается и кивает, — Конечно да. Он не мог сказать правду, но от меня ее не скрыть. У него была метка клана, значит, он в него вошел. А клан, Марина, это тропа боли и жестокости. Я не мог допустить, чтобы ты стала частью этой истории.

Наконец он переводит взгляд на дочь, на которую за много-много лет впервые смотрит так участливо, пока она роняет огромные слезы на сжатые насмерть пальцы.

— Ты была такой нежной девочкой. Он сломал бы тебе всю жизнь. Я знаю точно, потому что уже видел это. Знаешь, судьба ведь забавная штука, и ты, даже того не зная, имела честь общаться с его младшей сестричкой. Твой Антон, Марина, никакой не Антон — летчик из Подмосковья. Ни на какие учения он не прилетал. Его зовут Арнольд, и он старший брат Амелии, а в Бразилии он был по заданию. Он должен был перехватить поезд с оружием для клана, который крепко держал его отца за горло.

Первая бомба сброшена. Я буквально кожей чувствую ударную волну, которая преобразуется в поток колючих, холодных мурашек, что леденят мне все внутренности. Кажется, я наконец начинаю понимать, зачем мы здесь сегодня, почему вокруг дома собираются наемники. Мы готовимся к приему гостей, не иначе как.

— Я тебе не верю, — тихо выдыхает Марина, отец слегка кивает и прикрывает глаза.

— Знаю, что в это сложно поверить, но это, тем не менее, так.

— Я тебе не верю! — кричит в голос, подается вперед сама, но отец никак не реагирует.

— Мы с ним поговорили, когда ты ходила покупать себе платье с подружкой. Я знал гостиницу вплоть до номера, дождался, пока ты уйдешь, и пришел к нему.

— И о чем же вы говорили?!

— Я попросил его отступить от тебя, чтобы не рушить твою жизнь. С ним мы могли говорить откровенно, потому что так уж вышло, что я посвящён во многие тонкости его образа жизни. Он не хотел тебя оставлять, Марина, но потом понял, что иначе нельзя. Я попросил его поклясться, что он сможет тебя защитить, но он не мог и не поклялся. Так он ушел, а я решил сказать, что он умер. Ты бы продолжала его искать, и рано или поздно нашла бы.

— И я была бы счастлива! У меня могли бы быть дети! — Марина встает, всхлипывая, упирается в стол руками, но отец лишь слегка мотает головой.

— Ты бы умерла, солнышко, тебя бы просто убили.

— Что за бред ты несешь?!

— Это не бред, а опыт прожитых лет. Я видел эту кухню изнутри, поэтому знаю, чем бы кончилось дело. На Ирис в свое время семья раз покушались. Семь! Один пришлось на ее беременность, она чуть не потеряла своего второго сына. Арнольд не его отец, пусть внешне они и похожи, но здесь главное не внешность, а суть. Он бы тебя не защитил.

— Я тебе не верю! Он бы меня не оставил!

— Извини, но у меня нет фактических доказательств. Они слишком хорошо прячутся, их этому с детства учат. В последний раз я видел Арнольда три года назад в Праге, но может быть мои слова сможет подтвердить Лили?

Все поворачиваются на нее. Лили тем временем сидит с открытым ртом, явно намекая на то, что шокирована не меньше, даже больше остальных.

— Лили, у тебя есть фотографии с Арнольдом?

Она слегка кивает и достает свой телефон, но тут Мара взрывается праведным гневом.

— Думаешь, что я поверю твоей шлюхе?!

— Не надо верить моей шлюхе. Верь своим глазам, солнышко.

Лили недоверчиво косится на отца, пока Марина тяжело и часто дышит. Она стоит перед выбором, и я сам не знаю, как поступил бы, но, наверно, также, как она. Потому что она идет на поводу у своего сердца, когда поворачивается на Лили и буквально вырывает из ее рук телефон, а значит идет на поводу отца. Можно осуждать ее бесконечно за слабость, но я уверен точно, что не буду. Я действительно сделал бы тоже самое...а теперь с затаенным дыханием наблюдаю за сестрой. Она стоит к нам спиной, молчит, даже не дышит — вообще ни одного движения.

«Значит правда...»

— Кто это? — еле слышно спрашивает, а Лили, слегка привстав и заглянув в свой гаджет, также тихо отвечает.

— Это его дочь. Ее зовут Астра...

Финальный аккорд для Марины. В воздухе застыл колкий перезвон этого последнего гвоздя в гроб, вместе с которым сестра грузно опускается на стул.

— Не могу поверить...

— Марина, — обращается отец, — Он действительно не хотел тебя оставлять, но...его жизнь на тот момент была слишком сумбурной.

— А ее жизнь, значит, нет?! — повышает голос, резко поднимая глаза, — Той, что родила ему ребенка, а?! Значит она смогла, а я нет?!

— Эм... — тихо вклинивается Лили, — На самом деле это вышло случайно.

Марина также резко переводит взгляд на Лили, и по тому, как та сжалась, я понял, что это тот самый «убивающий» взгляд. В пору бы усмехнуться, но что-то совсем не до смеха как-то...

— Она была танцовщицей в одном клубе, случился секс, а потом и ребенок. Девчонка ее бросила и свалила, Арнольд забрал себе. Вот и вся история, но так чтобы постоянно...в общем у него нет никого. Серьезного. Жены там и...и вообще...

Марина ничего не отвечает. Не знаю насколько этот факт ее успокаивает, но она предпочитает опустить взгляд в телефон, я же свой перевожу на отца, про себя отметив, с какой печалью он смотрит на свою дочь. С каким сожалением...Мне даже на секунду кажется, что тот мужчина из моего теплого воспоминания действительно существует, но потом я бью себя по рукам. Нет. Не существует. И я хочу сказать это в слух, но не успеваю...отец переводит взгляд на Мишу.

— Знаешь, когда ты родился, Миша, я думал, что ты будешь на меня похож.

— О, старая песня о главном... — усмехается брат, откидываясь на спинку кресла, — Я тебя разочаровал? Я недостойн? Тот самый первый блин, что вышел комом?

— Отнюдь. По мне ты стал лучше меня в бесконечное число раз.

Миша поднимает брови от очередного неожиданного откровения, но, как и я, бьет себя по рукам. Усмехается.

— Вау. Бесконечное число раз — это много.

— Все равно недостаточно, чтобы выразить действительность. У тебя хватило смелости быть мягким, чего я себе позволить не мог из-за отца. Ты же, имея похожие обстоятельства, как то умудрился остаться собой. Я безумно горжусь твоей работой. Тобой. И завидую,

Миша. Тебе не нужны маски, которые мне всю жизнь были необходимы.

— К чему все это, а? Сколько себя помню, ты гнобил меня за то, что я слишком мягкий тюфяк, а сейчас вон какие дифирамбы. Или что же? Для меня припасена зажигательная история? Моя первая жена тоже часть какого-то клана?!

— Нет, она просто продажная шлюха, — брови Миши падают на глаза, а отец слегка пожимает плечами с улыбкой, — Если ждешь извинений за то, что я тебе это показал, можешь завернуть губу обратно. Их не будет. Я не жалею, о том, что оградил своего сына от потаскухи.

— Оградил? Так ты это называешь?

— Я не просил убивать вашего ребенка, Миша, я хотел его забрать. Она сама сделала аборт.

Миша замолкает, и вместе с его запалом куда-то стекает и усмешка. Да, что-то совсем не весело...

— Ты всегда был слишком доверчивым. Мария такой была. Она доверяла людям, которые плевали ей в сердце...

— Или доверяла тебе. Тому, кто ей это сердце вырывал каждый раз, когда бил ее.

Отец скрипит зубами. Ему не нравятся такие упоминания в момент «душевной близости», и обычно за такое кто-то из нас мог и отхватить, но сегодня он смиряется. Опускает голову, наблюдая, как в стакане кружит виски, а потом тихо сознается.

— Это правда. Я много раз допускал одну и ту же ошибку.

— Это называется иначе.

— Ты не понимаешь, Миша. Тебе досталась кроткая и спокойная женщина. Нежный цветок. Мне роза с шипами. Я много раз резал пальцы о ее стебель и много раз срывался из-за этого. К сожалению, мне не хватило мужества где-то уступить и прогнуться, потому что меня воспитывали не так.

— Ты изменял ей, — глухо говорит Марина, которая наконец отлипла от экрана телефона, сложила руки на груди и, стерев слезы, вступила в разговор, — Чего ты ожидал?

— Я не буду объяснять все тонкости и перипетии наших с Марией отношений. Это слишком сложно и долго, да и кому это нужно? Важно лишь то, что я любил только ее. Она единственная. Всегда была и будет.

Неловко и так неожиданно обидно за Настю. Я кидаю на нее взгляд, но сразу же отворачиваюсь, не желая смущать сильнее. Такое слышать неприятно никому, даже несмотря на то, что любви между ними нет уже давно. Сейчас же Насте пришлось услышать другую правду: ее никогда и не было.

Это бесит Лекса. Он зло усмехается и пару раз кивает, а потом цедит сквозь зубы.

— Как мило.

— Как есть, Леш. Это правда.

— А моя мама тогда кто, а?!

— Твоя мама — мой самый лучший друг.

Настя резко поднимает глаза, а Петр Геннадьевич уже в который раз нежно улыбается. Он подается даже вперед, смотрит на нее долгих пару мгновений, после которых тихо продолжает.

— Ты безумно похожа на мою маму. Она тоже была нежной и очень доброй, неспособной на ненависть. Вказарме все всегда называли ее в шутку «Белль», потому что мой отец был Чудовищем. Строгий, жестокий, холодный, а рядом с ней становился мягче

плюшевой игрушки. Ты тоже делала меня мягче. Поверь. Без тебя я был худшей версией того, кого ты знаешь. Рядом с тобой мне было хорошо, и я тебе бесконечно благодарен за все, что ты для меня сделала. Знаешь, у меня было очень много женщин... конечно ты это знаешь, но вот что забавно... Я ни о ком никогда не жалел, только о тебе.

Хмурится, быстро вытирая щеку, и я уже думаю, что вот сейчас папаша саданет ее словесно, но нет. Сегодня день каких-то странных, зыбучих метаморфоз. Покаяние. Как будто все мы находимся в будке для исповеди, и все мы — священники, здесь для отпуска грехов человека, который наконец решил обнажить свою душу.

— ...Я жалею о том, что не дал тебе развода.

Настя издает странный звук, как сдутое колесо, а отец опускает глаза, медлит, но снова их поднимает и еще тише добавляет.

— Прости меня за все. Я не должен был втягивать тебя в свою жизнь, но моим детям нужна была мать. Ты была лучшей кандидатурой, потому что я знал, что ты с этим справишься. Я мог на тебя положиться. По итогу ты сделала для меня столько хорошего, а я для тебя так мало, прости меня и за это. И спасибо за детей. Леша, Адель — они так похожи на тебя, и я рад этому. Я рад, что они не похожи на меня.

— Петя...

Но он не дает ей ничего сказать, а смотрит на Лекса.

— Ты полноправный член этой семьи, Леша. Ты здесь не лишний. Ты на своем месте. Знаю, что всю твою жизнь ты пытался именно это доказать, но тебе не нужно было так стараться, потому что ты — мой сын. Всегда им будешь. Запомни это, ты Александровский. Не позволяй никогда и никому в этом сомневаться. Один из десяти лучших дней моей жизни, тот, когда я познакомился с тобой. И, конечно же, моя маленькая жемчужинка. Мой подарок. Я так рад, что ты у меня есть, и так тобой горжусь. Когда ты танцуешь, мое сердце бьется чаще. Тебе я позволял всегда больше остальных, и даже согласен был на брак с твоим футболистом. Он хоть и недостоин тебя, но почти к этому близок. Надеюсь, что ты будешь счастлива.

— Папа?

Голос Адель дрожит, а мне стоит таких больших трудов не закатить глаза. Потому что я не хочу рушить их личный момент, ради нее, не ради него, разумеется. Пусть я и считаю, что все, что здесь происходит — бред сивой кобылы, она так явно не думает. Не смотря ни на что.

Пока льются тонны патоки, у меня в свою очередь, есть время взвесить все услышанное, и к концу этой классной беседы, я вдруг понимаю кое что очень важное. В действительности, я на него очень похож — правда, я похож на маму — нет. Как бы я не бежал от своего отражения, как бы не старался, но судя по всем ошибкам, совершенным моим родителям, все, что обо мне говорят — правда. Я похож на него больше всех остальных, поэтому мне и пророчили занять его место. Потому что я бы с этим справился. Я — это он. Просто моложе. И сейчас, сталкиваясь с тишиной и его взглядом, все еще очевидней, чем было раньше. От этого меня коробит, и я тихо цыкаю, переведя внимание на яркие фонари за окном.

— Надеюсь, что ты не собираешься лить мне в уши тонны сладкой воды. Потому что если да, мне это неинтересно.

— Не собираюсь. Тебе я хочу дать ответы.

— Какие же?

— О том, кто Амелия на самом деле. Тебя же это волнует, да?

Резко возвращаюсь к его глазам, и отец усмехается. Говорю же, окажись я на месте Марины, сделал бы тоже самое. Тоже повелся бы, и я ведусь, правда вот мне плевать. Важно не это. Ее имя, за которое я цепляюсь мертвой хваткой.

— Что за клан?

— Они называют себя Имаи. Занимаются разными вещами, начиная с поставки оружия, заканчивая рабством и наркотиками.

— Типа якудза? — усмехаюсь сам, но на лице отца нет и тени улыбки.

— Не типа, Макс.

— И как же английский лорд попал к ним?!

— Она тебе рассказала, — он делает еще один глоток виски, после чего смотрит в окно, задумчиво потирая подбородок, — Однажды, английский дипломат прилетел с одной из миссий в Японию с женой и сыном. Но с этой миссией было что-то явно не так, и он знал, что это большой риск, поэтому познакомил свою семью со своим старым другом. На всякий случай. Попытка защитить их, дипломат был человеком умным и знал, что всегда нужно иметь план Б.

— Сработал «план Б»?

— Не совсем, — он снова смотрит на меня, чеканя, — Через три дня, после приземления в токийском аэропорте, семью английского дипломата вырезали на глазах у шестилетнего сына, которому по счастливой случайности удалось сбежать. Он укрылся в доме этого самого друга, а он оказался главой клана и частью огромного, преступного синдиката. Правящей верхушкой. Элитой. В Англии у мальчика не осталось родных, и он остался в Японии, но не только поэтому. Он хотел отомстить за свою семью, поэтому учился убивать прилежно и с огромным рвением. Когда мальчик вырос и ему было двадцать три, он наконец добился своей цели. Он жестоко отомстил тем, кто пришел в гостиничный номер английского дипломата, вместе с тем занял место в самом центре клана, как пасынок. Названный сын. Этого мальчика звали Артур, и он отец твоей Амелии.

Я ожидал чего угодно, но не этого. Отец не улыбается, он абсолютно серьезен, даже, кажется, напуган, но я не уверен, таким я его ни разу не видел, поэтому и не знаю, что ответить. Хмурюсь, силюсь понять, но отец не дает мне времени. Он придвигается к столу и хмурит брови еще сильнее, чем до этого.

— Ее отец — один из самых опасных людей в мире, Макс. Это не шутки и не розыгрыши, он действительно опасен. Артур способен на вещи, которые ты себе даже после нескольких граммов кокаина не сможешь представить. Он может убить, не прикасаясь, может пытаться, может заставить тебя пожалеть, что ты вообще родился на этот свет. Когда он жил в Краснодаре, он владел всем югом этой страны, потому что его боялись. Оправдано. Он слишком умен, расчетлив и жесток, чтобы было иначе.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что Артур безумно любит свою дочь.

— Любит? Он умер.

Тут отец усмехается, слегка поджав губы, мотает головой, а потом тихо цыкает, и я вторя ему, тихо переспрашиваю.

— Он не умер, да?

— С этой семьей никогда не знаешь наверняка. Процентом на восемьдесят я уверен, что нет.

— С чего ты взял?

— С того, что Ирис жива.

Невольно я расширяю глаза, что его в ответ смешит.

— Ты не удивлен этой новостью, но удивлен тем, что мне это известно, я прав?

Молчу. Снова не даю ему ответов, и отец снова пару раз кивает.

— Не хочешь говорить, потому что ей обещал? Правильно, свое слово нужно держать, но в этом нет нужды. Я знаю, что она жива, поэтому догадываюсь, что он жив тоже, ведь единственный, кто мог бы ее спасти тогда на той дороге — это он. И Амелию из того проклятого дома мог вытащить только он.

— Она сказала, что они сбежали. Роза ее выпихнула.

— Младший Ревцов ни за что в жизни не прекратил бы пытку, Макс. Он делал это до смерти. Разом. Не любил растягивать, слишком жадным был. Думаю, что его что-то отвлекло.

— С чего вдруг?

— С того, что лес был усеян трупами. Ревцов старший поделился. Он все кичился, но в конце признался, что он не убивал Ирис, потому что испугался. Всех его людей положили, он убил их всех ради своей дочери.

— И...

— Ты пока этого не понимаешь, Макс, но дочери — они всегда особенные. Артур ждал свою, как безумный. Когда Ирис узнала, что один из близнецов — девочка, он был не просто счастлив. Он будто парил над землей. Только и говорил о том, как ее назовет, чем она будет заниматься, какие платья он ей купит. У нее было все, чего может только пожелать девочка, а она еще даже не родилась. Когда даже обычный человек теряет кого-то настолько долгожданного и любимого, он сходит с ума, но Артур не обычный человек.

— Зачем здесь эти люди? Только честно.

— Король так просто не сдается, — слегка пожимает плечами он с очередной улыбкой, — Я еще повоюю.

— Он решит, что это твоя вина.

— Скорее всего.

— И он убьет тебя.

— Да.

— Но как же твое «слово»?

— Я сомневаюсь, что он в него поверит. Чтобы выманить Ирис, я делал многое.

— Зачем она тебе была нужна? — он молчит.

Теперь отец не собирается давать мне ответы. Моя очередь усмехаться, сложа руки на груди.

— Он был твоим лучшим другом, я правильно понимаю?

— Он и сейчас мой лучший друг.

— Ты его предал.

— Это одна из многих ошибок, которые я совершил.

— Ошибка. Ты очень забавно интерпретируешь свои действия. Когда ты увел мою девушку — это тоже была ошибка?

Отец снова молчит, и я было думаю, что он не даст мне ответ, но он вдруг отгибается и мотает головой.

— Нет. Это был эгоизм.

— Эгоизм?

— Да, Макс. Лилиана очень похожа на свою тетю в юности. Внешне, конечно же. Я хотел вернуть то время, пусть это и была иллюзия. Они ведь разные, как ни крути. Внешне схожи, но по характеру Лили намного мягче. Это от Исака...

— Ты знал моего папу?! — Лили вступает сразу, как слышит ранее мне неизвестное имя, и отец переключается на нее.

— Видел его пару раз. Хороший был мужик, но очень уж спокойный. Виолетта напротив, как бессмысленный пожар. Они были просто отвратительной парой, если честно, совершенно друг другу не подходили. Как вы с Максом.

Теперь отгибаюсь я. Это даже не смешно, пусть я и смеюсь, глядя в потолок, выдыхая.

— Ты и в моем случае все решил...

— Скажи мне, Макс, по итогу то я оказался прав, а? — по щелчку пальцев все веселье схлопывается, и я зло смотрю на него в ответ.

Потому что он намекает на Амелию. Я знаю это, чувствую, и меня бесит, что он касается ее даже словом. Дико-дико бесит, а вот отца веселит.

— После нее ты понимаешь, что никогда не любил Лили.

— Я...

— Можешь не отрицать. Я видел вас летом, и знаю, что ты ее любишь. Вот ее ты точно любишь.

— Тем не менее, ты и к ней приставал.

Отец неожиданно кривится, громко цыкает и даже закатывает глаза.

— О нет, прости, но на такой подвиг я, увы, неспособен. Амелия так сильно похожа на своего папашу, что у меня зубы сводит.

— На аукционе ты говорил другое.

— Я многое говорил и делал, чтобы выманить Ирис. Повторяю.

— То есть это...

— Игра. Фальшь. Выдумка. Да. Она красивая, но меня не привлекает. Слишком сложно. В моей жизни такая женщина уже была, вторую я не потянул бы. Теперь ты понимаешь меня чуть больше, да, Макс?

Сцепляю челюсть сильнее, пальцы вонзаю в подлокотник. Но молчу. Потому что да, теперь я это понимаю. Отец же пользуется случаем, придвигается обратно и тихо, серьезно говорит.

— Ты должен молчать о том, что было между вами, Макс. Если Артур жив, и если он узнает, что вас связывали какие-то отношения... он тебя убьет. Знаю, что тебе претит все, что я делаю и говорю, но ты должен помнить: все что я когда либо делал и говорил — ради вас. Ты можешь меня ненавидеть, Макс, но что будет с нашей семьей, если тебя не станет? Сам подумай. Разве Лекс останется в стороне? Миша? Марина? Вы слишком привыкли идти дружок за дружкой, и ты должен это помнить. Все, что ты сделаешь, отразится на вас всех.

Вот в этом смысл был, потому что я слабо представляю себе, как Лекс стоит в стороне, пока на меня направляют пушку. Нет, это вряд ли. Марина? Совсем не та история. Миша? Он может быть и спокойный, но разнесет все вокруг, если того будет требовать ситуация. Даже Адель. Нет, даже она не станет просто сидеть и смотреть.

И пока я думаю, отец крадет миг, чтобы добавить...

— Ты так похож на меня...

Хочется фыркнуть, привычно съершиться, но вместо того я просто устало перевожу на

него взгляд. Он поднимает брови.

— Ну и? Где же привычный протест?

— Его не будет.

— От чего же?

— Потому что ты прав.

— Наконец-то ты перестал бежать от себя. Это значит, что ты повзрослел, Макс.

— Теперь мне можно выйти в свет? — саркастично замечаю, он тихо смеется, пожимая плечами.

— Да. Теперь ты готов. Я воспитал достойного приемника. Ты поведешь «АСтрой» вперед, заберешься туда, куда я не смог бы никогда. Лекс будет рядом с тобой, — отец переводит взгляд на Лекса, кивая и ему, — Вы оба дополните и поможете друг другу, я не сомневаюсь. Прикрывайте спины и дальше, а ты, Макс, помни, что даже не смотря на то, что мы очень похожи, ты — не я. Ты такой, каким я был в молодости, до всех моих ошибок, так не повторяй их, чтобы не превратиться в того, кого ты знаешь. И помни кое что очень-очень важное: я никогда и ничего не говорю просто так.

Отец встает со своего места, слегка пошатывается. Настя было хочет тоже встать, чтобы ему помочь, но он останавливает ее жестом руки.

— Не надо, Настасья, сиди, я справлюсь сам. Ты итак для меня многое сделала.

Вместе с этими словами он достает и кладет на стол семь толстых конвертов, а первый как раз протягивает ей.

— Это тебе от меня. Подарок.

Настя недоверчиво забирает коричневый сверток, но ждет объяснений от мужа, который это, конечно же, знает.

— Внутри ты найдешь дарственную на этот дом. Он твой по праву, как и ДТЮ гостиницы и три квартиры в центре Москвы. Вместе с тем я даю тебе доступ к счету, на котором уже лежат деньги. Их тебе хватит на всю оставшуюся жизнь, не хочу, чтобы ты в чем-то нуждалась. И последнее...документы на развод. Я все оформил задним числом, чтобы у тебя не было проблем, так что теперь ты свободна. Прости, что долго соображал.

Настя открывает рот, но отец опускает глаза и стягивает следующий конверт, который протягивает Адель.

— Милая, это тебе. Там тоже документы на твой личный счет, карточки, дарственная на твою квартиру, плюс еще одну на Чистых прудах. Ты же ее хотела? Как и домик в Мадриде. Надеюсь, что там ты будешь счастлива.

Ей он тоже не дает вставить и слова, забирая следующую партию прощальных подарков.

— Марина, это твое. Твой личный счет и дарственная на дом в Нью Йорке. Мы там были так счастливы, и ты его очень любила. Я помню. Плюс деньги на новую гостиницу. Я посмотрел твой бизнес-план, все одобрил, а также решил все твои проблемы во Франции. Прости, что влез, но мне очень хотелось в последний раз тебе помочь. Надеюсь, что ты не обидишься. И самое важное: Матвей.

— Где он?! — выдыхает тут же, на что отец мягко улыбается.

— Он в самом безопасном месте на свете. Когда все кончится, он вернется в Москву. Я с ним уже говорил.

— Если тебя не убьют, он снова будет под замком?

— Нет. Я даю тебе свое слово.

Его слово значит все, оно нестигаемо, как самая прочная сталь. Если отец давал слово

— значит это навсегда, и теперь, получив наконец это обещание, Марина опускается на стул с сияющей улыбкой на губах. Потому что знает, что все изменится вне зависимости от обстоятельств. Мы все знаем это. Все ведь уже изменилось...

— Миша, это тебе, — сразу же второй конверт, который он передает сыну с улыбкой, — Тоже самое. Счет, плюс деньги на развитие твоего бизнеса. Знаю, что ты можешь сам, но надеюсь, что ты мне это простишь. Я не предлагаю тебе "АСтрой", знаю, как тебе претит все, что с этим связано, но я верю в тебя и в то, что ты можешь создать огромную сеть лучших ресторанов. Много лет я не говорил этого, теперь надеюсь, что еще не слишком поздно. Также внутри вы найдете дарственные на три квартиры моим внучкам, а еще на мой дом под Парижем. Он ваш.

Последние взгляды направлены на нас с Лексом. Отец разглядывает наши лица, пару мгновений медлит, но потом передает конверты с тихим пояснением.

— Внутри вы найдете ваши личные счета и дарственные на мои квартиры в Майями, Сан-Франциско и Нью Йорке. Самое главное — дарственная на «АСтрой». Берегите мое детище, развивайте его, поддерживайте друг друга. Не понаслышке знаю, как тяжело делать это в одиночку, так что, пожалуйста, никогда не отворачивайтесь друг от друга. Я был плохим отцом, но и в этом есть свой плюс — вы нашли в моем лице общего врага, против которого объединились так сильно, что почти срослись. Это хорошо. Это вам поможет. Удачи.

Он опускается в кресло, устало подпирая голову, и еще тише добавляет.

— А теперь идите, я хочу еще немного послушать Цоя и вспомнить молодость. Лили, задержись ненадолго. Мне еще кое о чем нужно с тобой поговорить.

Мы выходим, не произнося ни слова. Это все выглядит, как прощание, да факту это оно и есть. Так мы попрощались, пусть каждый из нас знает, что завтра он снова оденет маску, я рад, что хотя бы ненадолго увидел, что за ней все еще есть живой человек.

Значит и для меня не все потеряно, да?

8. Cola

*Ah, he's in the sky with diamonds and he's making me crazy,
I come alive, alive.*

All he wants to do is party with his pretty baby.

Come on, baby, let's ride,

We can escape to the great sunshine,

I know your wife, that she wouldn't mind.

We made it out to the other side.

Cola — Lana Del Rey [\[10\]](#)

Как я и думал, проявление человечности было скорее чем-то мимолетным, нежели перманентным. На следующий день примерно в обед, когда отец выполз из своей спальни, он сделал вид, что ничего вчера вечером не было и снова закрылся в своем кабинете. Просто прошел мимо нас, как мимо ценных экземпляров своей коллекции, хотя я и не злился, если честно. Точнее не так, как обычно. Не смотря ни на что, морок не пал, все действительно изменилось, и даже теперь я видел то, чего никогда раньше в нем не замечал: отец был напуган.

Проследив за его массивной фигурой, я перевожу взгляд на Лили, которая тоже смотрела на него, но сразу, как столкнулась со мной, перестала. Теперь она изучала овощи на дне своей тарелки, пытаясь делать вид, что ее здесь нет. Но она была здесь, а у меня остались вопросы.

— О чем вы говорили вчера?

Лили тихо вздыхает. Наверно, она знала, что ей рано или поздно нужно будет отвечать, чего она уже и не хочет, кажется.

— Мы говорили о том, что нас связывало.

Марина издает тихий смешок, но даже он свидетельствует о крутых поворотах и какой-то странной смене позиций, что произошла незаметно, буквально за одну ночь. В смешке не было прежнего яда, агрессии и ненависти, он скорее был чем-то вроде привычки. Не более. Лили на него даже не отреагировала, а положила вилку, сжала руки на коленях и перевела взгляд в окно.

— Он не обратился ко мне при вас из уважения. К вам. Знает, что всем не особо приятно слушать о наших отношениях, но они все же есть.

— И что он сказал? — повторяет Адель, и Лили бросает на нее короткий взгляд.

— Он сказал, что я была нужна ему. Он был одинок, а я очень похожа на Ирис. Внешне.

— Как мило.

На по-прежнему едкий комментарий Лекса, она тоже не реагирует, а смотрит теперь на меня и еще тише продолжает.

— Он дал и мне конверт. Там была дарственная на мою квартиру, машину и счет. Все, как он когда-то обещал.

Раньше я бы непременно ядовито поздравил ее с выигрышем, но сейчас не чувствую ничего. Перевожу взгляд в тарелку, начинаю мерно резать мясо. По факту мне как-то абсолютно плевать, да и честно это — Лили выполнила свои обязательства. Контракт

закрыт, издержки не предусмотрены с обеих сторон. Чин по чину. На сто процентов.

— Он просил кое о чем меня...

— О чем же? — спрашиваю безучастно, спокойно, при том не притворно, а *действительно* спокойно.

Это какое-то благословение. Я могу свободно дышать от рухнувших в моей больной башке стен.

— Он просил не говорить никому, что вас связывало.

Резко перевожу внимание на нее, а Лили придвигается ближе, кладет руку на мою и хмурится сильнее, говорит тише, но при этом тверже.

— Макс, он напуган, и боится он не за себя, а за тебя. Он пытается тебя защитить. Искренне пытается. Пожалуйста, всего один раз, не делай глупостей.

Также резко, как перевел взгляд, я поднимаюсь и разворачиваюсь к лестнице. Киплю. Потому что, черт возьми, какого хрена?! Он всю жизнь мне изрезал на лоскуты, а теперь «волнуется»?! «Заботится»?! С чего вдруг, твою мать?! Почему он не мог просто быть мне нормальным отцом, который действительно был мне нужен?! Прислоняюсь к двери своей комнаты и смотрю в потолок, медленно считаю от десяти до нуля. Чувствую, как ненависть начинает расползаться по телу, разносимая кровью, как самый опасный токсин, а я пытаюсь вспомнить, как мне удалось его нейтрализовать так, чтобы бесследно...

Август

— ...Я же сказал, что приеду, твою мать! — рычу в трубку в ответ на очередную реплику отца, а сам хожу кругами вокруг одинокого дуба на границе моего участка.

Я так злюсь. Снова злюсь. Все остальное выжигается, как будто и не было ничего и никогда, оставляя за собой одну густую, липкую субстанцию — ненависть. Отбив звонок, я стою еще какое-то время, закрыв глаза и направив лицо в небо. Его ласкает теплый, летний ветерок, пахнет сырой травой, а дополняет картину стрекот кузнечиков. Здесь спокойно, но увы, я даже сейчас не могу оценить полноту картины, потому что в голове только и звучит, что голос этого ублюдка. Он раздает приказы и «наставляет» на верный курс, и мне вот интересно, будь он на моем месте, каково бы это было? Спорю на что угодно, несладко. Тогда почему все именно так?! Почему нельзя нормально?

Ох, это вечный вопрос, на который я устал за столько лет искать ответ. Даю себе еще одну минуту, чтобы успокоиться, потому что не хочу идти в дом в таком состоянии. Я снова сорвусь на Амелии, снова ее обижу, а мне этого совсем не хочется. Мне больше нравится, когда она улыбается, а не прячет от меня глаза...

В доме тихо. Перед его звонком мы лежали рядом: она была на мне, я ее обнимал, и мы разгадывали глупый кроссворд. «Занятие для старперов», так она это называет обычно, когда приходит ко мне и ложится по-хозяйски, прежде покрутившись. Она всегда крутится, устраивается поудобней, точно как кошка, и это заставляет меня улыбаться.

— Амелия?

Зову ее, уставившись вглубь темной гостиной, откуда раздается ее тихий голос.

— Закрой глаза.

— Зачем?

— Просто закрой глаза.

— Нет, — усмехаюсь, опираясь спиной на прозрачную дверь и складывая руки на

груди, — Что ты задумала?

— Боже, ты что мне не доверяешь?

Мне хочется сказать в своем привычном, саркастичном стиле, мол, хах, еще чего! Но вместо этого я улыбаюсь шире и закрываю глаза.

— Ты закрыл?

— Закрыл, но теряю терпение.

— Не нуди, — фыркает, а я прислушиваюсь к шороху.

Она выходит из кладовки? Скорее всего. Что задумала? Хмурюсь, но не успеваю ничего сказать, потому что она тихо меня опережает.

— Ты точно закрыл глаза?

— Амелия.

— И не будешь подглядывать? Пожалуйста.

— Скажи, что происходит, и я подумаю.

— Ты должен доверять мне, — мягко, глубоко говорит, делая небольшой шаг в мою сторону, — Это сюрприз. Приятный.

От ее голоса и ударений в предложении, внутри меня все начинает вибрировать. Я проглатываю густую слюну и киваю, как бы принимая все поставленные условия, а сам дожидаться не могу, чтобы узнать все-таки, что она там придумала.

Обращаюсь в слух. Клянусь, я сам будто превратился в одни огромные уши, чтобы уловить каждый ее шаг. Тихий. Маленький. Такой ожидаемый, что сердце подпрыгивает всякий раз, когда ее стопа касается пола, приближая мою девочку ко мне. Это невыносимое ожидание. Я почему-то абсолютно к нему не готов, безумно хочу ее увидеть, но вместе с тем дико-дико волнуюсь. Так я себя чувствовал лишь в детстве, когда спускался первого января к елке, чтобы найти подарок от деда мороза.

И почему мне в голову приходят такие дикие мысли и сравнения?!

Почти фыркаю сам на себя, но не успеваю съершиться — она берет меня за руку. От ощущения ее кожи на моей, проходит электрический разряд, и я вздрагиваю, ощущая себя каким-то школьником. Зачем-то (потому что больше не могу сдержаться), распаиваю глаза, и Амелия сразу же громко цыкает.

— Ты обещал!

Но у меня нет слов, чтобы парировать. И сожалений нет. Я нарушил слово, но, черт возьми, я этому даже рад. Амелия стоит передо мной, тонет в пожаре уходящего солнца, и она так прекрасна... Длинные, светлые, стальные волосы, пухлые губы, что на вкус, как спелая вишня, милые ямочки, огромные глаза. Черт, как я обожаю ее глаза... Они такие особенные, пусть она их и не признает, но они такие особенные... а их взгляд. Открытый, такой счастливый, одновременно таинственный и глубокий. Она пронзает меня им насквозь, смотрит так доверчиво, так... влюбленно. Все это прописано капслоком, она любит меня, я это знаю. И мне это нравится. Амелия нравится мне абсолютно всем. Я веду взглядом дальше, снова проглатывая вязкую слюну, и мне в голову приходит всего одна фраза, как выстрел.

«Трудно хранить злобу в сердце, когда в мире так много красоты. Иногда мне кажется, что я вижу её всю, и это становится невыносимым. Моё сердце наполняется ею, как воздушный шар, который вот-вот лопнет. И тогда я расслабляюсь и перестаю сопротивляться ей. И она просачивается сквозь меня подобно дождю. И я не чувствую ничего, кроме благодарности за каждый миг моей маленькой глупой жизни.»^[11]

Я — Лестер Бёрнэм, она — Анжела Хэйс, и я с такой легкостью могу представить ее в розовых лепестках^[12]. Мы не они, конечно, и Амелия ненавидит розы, ведь они напоминают ей о страшной потере, а я все равно ее в них представляю... Как-то я вскользь бросил, что когда-то давно мечтал оказаться на трибуне вместо Кевина Спейси, но я никак не думал, что она это запомнила. А она запомнила. На Амелии сейчас форма болельщицы: короткая, юбочка с зеленой каемкой, свитер на молнии в комплекте. Все почти по канону, и я не могу оторвать от нее глаз. Это выше моих сил...

— Ну и? Ты что-нибудь скажешь? — тихо спрашивает, волнуется.

Ее щеки слегка розовеют, придавая Амелии такой невинный вид, что я даже на секунду думаю сбежать. Не потому что мне страшно, а потому что я не хочу касаться ее, пачкать собой и своими поступками, мыслями...Благородный порыв, знаю, но я для его исполнения слишком слаб. Я слишком сильно ее хочу, чтобы держаться от нее на расстоянии. Она мне слишком нужна.

— Ты прекрасна... — еле слышно выдыхаю, и Амелия смущается еще больше, но улыбается.

Дарует мне эту чудесную улыбку, счастливую, озорную, а потом отходит чуть назад. Мне хочется схватить ее, я ведь действительно не могу отпустить, даже на шаг сложно, но она не собирается уходить. Нажав что-то на своем телефоне, она откидывает его в сторону, а через миг комната разряжается тихой песней. Я усмехаюсь. Текст ее огонь, но я не против.

Кола, так кола. Дел Рей, так Дел Рей. Я ее не особо жалею, но Амелии нравится, значит так и будет. Тем более, что за терпение я получаю больше, чем мог бы желать. В такт музыке, Амелия начинает медленно кружить бедрами, не отводя от меня глаз ни на секунду. Она цепляет, вбивает ими в стену, приклеивает к месту, и я на все это веду. Снова цепенею, потому что не могу поверить, что эта волшебная девушка здесь, со мной. Она ведь действительно волшебная...

И такая соблазнительная. Я хочу ее так сильно, что меня внутри всего крутит. Возбуждение проходит по коже рябью, сжимает поджилки, стягивает все внутренности. Чувствую, как мне становится тесно, как я всей своей сутью рвусь к ней. Я хочу ее почувствовать, чтобы удостовериться, что она — не мой личный Оазис. Мне это просто необходимо.

Быстро преодолеваю расстояние, пугаю ее, но лишь на миг. Амелия улыбается, смело вздергивая носик, а потом шепчет.

— Ты все испортил.

Да, мальщ, я это знаю. Я испортил все, что только мог. Ты пока этого не знаешь, но так и есть. Прости меня. Прости, но я не могу перестать все портить и дальше. Меня к тебе слишком сильно тянет...

Беру ее маленькую ручку в свою, бережно сжимаю ее и оставляю на внутренней стороне ладони у самого основания поцелуй — она вздыхает. Вся ее смелость схлопывается в миг, уступая место смущению. Она все еще стесняется, хотя идет за мной отважно, куда бы я ее не вел. Амелия мне верит.

Снова я себя ненавижу, но лишь на миг, потому что когда смотрю в ее глаза, это чувство больше просто не может существовать. Она его разгоняет, заменяет другим. Более объёмным. Я сам не уверен в том, что это такое, но сейчас мне не до вопросов. Аккуратно берусь за язычок молнии, а потом слежу за тем, как медленно тяну его вниз. Я уже видел ее обнаженной миллионы раз, и еще миллионы увижу, но я всегда так предвкушаю этот миг.

Все жду, когда это чувство закончится, а оно только множится и множится. Не знаю, как она это делает, но каждый раз, я как будто впервые раздеваю ее.

Мне снова нравится все. Тонкая, узкая талия, небольшая родинка над пупком. Линии плеч, ключицы. Ее грудь. Идеальный размер, идеальные полушария с розовыми ореолами и дерзкой сердцевинкой. Еще одна родинка располагается аккуратно под одной из них справа. Забавно, но я мог бы нарисовать карту этих самых родинок даже в слепую, так хорошо знаю каждый изгиб ее тела, также хорошо знаю его язык.

Нам не нужно ни о чем говорить, чтобы это понять. Она меня чувствует, мне это известно, я чувствую ее, и это известно ей. Наш секс — это не путь проба и ошибок, как бывает у многих, он как будто идет сам по себе, а главное в нужном направлении. Всегда. Словно мы были созданы друг для друга, и я не против. Впервые в жизни, если честно, мне так хорошо, что я не против быть зависимым от кого-то. Плевать на все — она в моих руках, и это самое важное.

Прижимается ко мне, скребет ногтями по спине, тихо стонет. Я готов кончить, как прыщавый подросток, в эту же секунду, но держусь. Сначала она. Вдруг для меня это стало тоже принципиально. Я целую ее страстно, прикусываю губу, от чего самого кидает в жар, а она закатывает глаза и отклоняет голову назад. Ей хорошо, и она почти готова, а значит я снова получу часть особого наркотика — наблюдать за ней один из пунктов моего собственного удовольствия. Без него я не забираю весь свой выигрыш.

Амелия стонет чаще, чаще, еще, дышит быстрее. Дрожит. Клянусь, я такого еще не видел. Как она кончает, никто и никогда не сможет. Чувственно, долго и быстро. Прекрасно быстро, от чего я тихо посмеиваюсь, но сразу же сдаюсь сам. Она слишком крепко сжимает меня, забирая себе все без остатка.

— ...С чего вдруг ты решила переодеться? — спрашиваю ее, когда мы лежим в ванной.

Амелия позади меня, она обнимает мое тело руками и ногами, вода мочалкой по груди, а второй рукой легко гладит по волосам. Мне спокойно. Так чертовски спокойно, и я даже не помню, что злился сегодня, да вообще когда-то. Будто рядом с ней открывается какой-то портал в другое измерение, и я сам становлюсь другим человеком. Он нравится мне больше того, кто есть на самом деле, если честно...

— Ты расстроился... — тихо отвечает, оставляя поцелуй на моей щеке, — Я хотела тебя немного порадовать. Правда ты не дал мне сделать все так, как я задумала!

— Не удержался. Прости.

Как сытый кот, я прикрываю глаза и с улыбкой полностью расслабляюсь, выводя круги на ее колене. Нирвана. Не иначе как Нирвана, черт бы ее побрал...

— Все в порядке? — еще тише спрашивает, заставляя меня нехотя открыть глаза.

Я мог бы исполнить. Мог бы не отвечать. Мог бы нахамить и съязвить, но сталкиваясь с ее открытым, таким взволнованным взглядом, не могу. Нет во мне яда сейчас, только тишь да гладь.

— Теперь да, — отвечаю, касаясь ее щеки, — Ты рядом и все просто великолепно, малыш. Спасибо.

Амелия закатывает глаза, щипая за руку, но на самом деле ей приятно это слышать.

— Когда я расстраивалась, — вдруг говорит с улыбкой, — Мама рассказывала мне разные легенды. Хочешь расскажу тебе?

Я хочу все, что с тобой связано. Думаю, но в слух лишь киваю, она улыбается только шире, показывая ямочки, набирает побольше пены и выкладывает мне на грудь.

— В золотом веке люди жили счастливо и спокойно, но, жаль, недолго он продолжался. Одним днем с востока, из страны великанов, в Митгард пришли три женщины. Первая была старой и дряхлой — Урд, прошедшее. Верданди — женщина средних лет, настоящее, а третья совсем молоденькая Скульд — будущее. Эти три женщины были вещице норны, волшебницы, наделенные чудесным даром определять судьбы мира, людей и даже богов.

— Какой полезный навык...

Амелия строго смотрит на меня и шикает, от чего я тихо смеюсь, но замолкаю. Мне интересно ее слушать. Редкость, но данность...

— «Очень скоро жажда золота и наживы проникнет в сердца людей. Так закончится золотой век», — сказала Урд. «Люди будут убивать и обманывать друг друга из-за золота. Много честных, славных героев оно ослепит, и погибнут они в борьбе за него», — добавила Вернанди. «Да, все это произойдет,» — не отрицала Скульд, но добавила, — «Но пройдет время, когда золото потеряет свою власть над людьми, и тогда они снова будут счастливы».

— Мне больше всех нравится Скульд. Оптимистичная натура.

Амелия заливается смехом, а потом смотрит на меня и снова щиплет, но посильнее.

— Я не закончила.

— Простите, пожалуйста.

Нравится мне, когда она проявляет характер. Перебивать нельзя. Наказуемо. Я хоть и улыбаюсь, но знаю — нельзя. Она способна наказать меня стократ сильнее отца, если захочет. Я это знаю. Чувствую на подсознательном уровне. И пока я удивляюсь в который раз, как в этом маленьком создании уместятся такие противоположные друг другу качества, как наивность и твердость, кротость и вызов, Амелия продолжает.

— «Жажда золота овладеет не только людьми, но и богами, и они тоже будут проливать кровь и нарушать свои клятвы», — вновь заговорила старшая, а средняя вновь добавила, — «Великаны начнут войну с богами. Эта война будет продолжаться много лет и закончится гибелью и богов и великанов.»

— А что сказала моя любимая оптимистка?

— Что это правда, — мягко отвечает она, — Но погибнут не все. Дети и те из них, кто не повинен в убийствах и клятвопреступлениях, останутся в живых и будут править новым миром, который возникнет после гибели старого.»

— Чем все кончилось?

— Гибелью старого мира и рождением нового, — усмехается, а потом вдруг серьезно смотрит мне в глаза и добавляет, — Так всегда же и бывает. После разрушение, следует возрождение, как за черной полосой белая. Нет ничего абсолютного...

«Так всегда говорит Настя...» — думаю, а она задумчиво говорит это в слух.

— Мама Адель часто это повторяет. Не существует людей абсолютно плохих и абсолютно хороших. Мне это в какой-то момент очень помогло.

— Правда?

— Да. Я раньше думала, что мой отец — абсолютное зло, но это не так.

— Почему ты злишься на него?

— Его решения сильно повлияли на маму. Я злюсь на него за то, что он втянул ее в свою

жизнь, а потом бросил.

— Он же умер?

— Да... — отводит глаза и вздыхает, — Я и говорю. Бросил. Но в нем тоже было много чего хорошего.

— Если ты действительно похожа на него, то я в этом не сомневаюсь.

Амелия улыбается, а потом приближается и слегка касается моих губ с шепотом.

— Я действительно на него очень похожа, Макс. Так что осторожней. На поворотах.

— Ты мне угрожаешь, малыш?

Нет, она играет, и мне это очень заходит. Я слегка сильнее сжимаю ее бедро с внутренней стороны и вижу, как чертята в глазах поднимают голову.

— Возможно.

Поцелуй наполнен страстью и огнем, я в нем растворяюсь, а она только к этому и подталкивает. Но не топит, нет, она наоборот меня вытягивает, и когда отстраняется, тяжело дыша, я шепчу еле слышно.

— Я говорил с отцом.

Амелия резко раскрывает глаза и хмурится, а я свои отвожу. Не могу смотреть на нее, мне ведь сложно даются откровения, но с ней я хотя бы хочу попытаться быть откровенным. Насколько могу по крайней мере.

— Я думала...

— Я знаю, но... вот как-то так. Каждый раз, когда я слышу его голос... меня одолевает такая... ярость. Ненависть. Я от нее порой, кажется, даже задыхаюсь.

— Зачем ты тогда снимаешь трубку?

— У меня нет выбора. Прости.

— За что ты извиняешься?

Это очередной момент, когда я могу сказать, за что я извиняюсь на самом деле, но при этом не могу. Нет, я просто не могу физически, как будто слова застряли где-то в трахеи, и вместо них я снова смотрю на нее и улыбаюсь.

— Я думал, что ты расскажешь мне историю про любовь.

Амелия пару мгновений молчит, но отступает. Она всегда отступает, не хочет на меня давить, и я за это ей благодарен. Вместо каких-то дерьмовых вопросов, на которые я не могу ответить, и объяснений, которых дать тоже не смогу, она приближается и шепчет в губы.

— Вряд ли я могу рассказать тебе историю про любовь, которую ты еще не слышал.

26; Макс

Она даже сейчас стоит перед глазами в пожаре уходящего солнца, как будто наяву. Но ее здесь нет. Я смаргиваю видение, оставаясь внутри холодной, серой комнаты один, и меня снова рвет на части.

«Ты все испортил...» — эхом отражается ее голос внутри черепа, и да. Так и есть. Я все испортил, малыш.

Прости меня.

9. Way Down We Go

*Ohh father tell me
Do we get what we deserve?
We get what we deserve
Way down we go...
You let your feet run wild
The time has come as we all go down
But before the fall
Do you dare to look them right in the eyes
Way Down We Go — Kaleo [\[13\]](#)*

Мерное постукивание приборов о тарелки наполнило столовую до краев. Я бы не сказал, что когда-нибудь ее наполняли разговоры наперебой или смех, но такой гробовой тишины даже мне сложно припомнить. Разве что в день маминых похорон так было, и то... столовая была другой, дом был другим и вообще, кажется, жизнь тоже была другой. Но это лирика. Сейчас вместо трагедии, воздух спирает напряжение. Думаю, что если достать зажигалку и чиркнуть ей, все взлетит к чертям, сгорит синим пламенем. Я вдруг так сильно этого хочу, что проверяю свою теорию — достаю зажигалку и чиркаю ей, только ничего не происходит. На меня лишь обращают внимание, пока я раскуриваю сигарету, так жестоко вырывая каждого из своих собственных мыслей.

Отцу обычно это не нравится. Наверно, я хочу спровоцировать его на каком-то подсознательном уровне, потому что наверно все таки еще не удалось мне до конца вырасти, а не работает. Он лишь туманно смотрит на меня, но словно сквозь, потом меланхолично переводит взгляд обратно к окну, сжав руки и уткнув в них нос. Снова напуган — это никуда не ушло, но скорее больше в нем сейчас нетерпения. Он устал ждать, и я, признаться, тоже.

— С чего ты вообще взял, что они придут?! — не выдерживаю и спрашиваю, в ту же секунду с паузы нажимая на быструю перемотку.

Как в крутом кино, честное слово. Вдруг свет везде гаснет, будто кто-то сидел и ждал, чтобы эффектно появиться, и отец отгибается на спинку стула с легкой усмешкой.

— Они здесь.

Это прозвучало, словно выдох освобождения, как бы помпезно не звучало, а за этим облегчением, ночь разрезали первые крики. Отчаянные, где-то вдали огромной территории дома, и на которые каждый из нас резко обернулся. Настя даже привстала.

— Петя, что же это... может быть нам позвонить в полицию?!

Он бросает на нее взгляд, явно хочет что-то ответить, но не успевает. Раздается голос доселе никому из нас незнакомый. Точнее почти никому...

— Мы глушим сигнал. Извините, но вы не сможете.

Снова резкий поворот головы на входную арку, в которой стоит внушительная фигура. Он высокий, примерно как Миша, но уже в плечах, хотя даже в темноте видно, что не уступит ему в силе. Скорее даже наоборот. Незнакомец не разменивается на приветствия, и лишь по тому, как реагирует Марина, мы всё понимаем. Она подается вперед, хватаясь за столешницу, еле дышит, смотрит на него во все глаза. По всем признакам это Арнольд,

который делает шаг в комнату, которую освещает слабый свет от свечей.

Четкие линии скул, на которых проглядывается небольшая щетина, светлые волосы, уложенные назад, острый взгляд, которым он осматривает каждого из нас, задерживаясь на Марине. Кажется я вижу, как в нем что-то проскакивает, но тут же тушится, и он лишь кивает с легкой улыбкой Лилиане, словно и нет здесь никого больше.

— Во избежании принятия глупых, непродуманных решений, продемонстрирую вам кое что, если вы не против.

Арнольд достает из кармана что-то маленькое и подкидывает в воздух, следом молниеносно доставая и пистолет. От выстрела закладывает уши, а может это от того, как вскрикивает Адель? Я точно не уверен, зато уверен в том, что вижу, как маленькая монетка падает на стол с дыркой от пули ровно посередине.

Твою. Мать. Кажется, Лили не утрировала.

— Это так необходимо, Арнольд? — тихо спрашивает отец, на что тот усмехается и быстро обходит стол, направляясь к окну.

— Если кто-то из твоих детей дернется, они займут место этой монеты. Так быстрее объяснить, что шанса сбежать нет.

Он наши скидывает вещи с подоконника и открывает настежь окно, доставая из-за спины огромную винтовку, которую четко, резво и слажено ставит на что-то вроде штатива. Я в оружии вообще мало что понимаю, если честно, и никогда к этому не стремился особо, но то, как он с ним обращается, вызывает во мне отчетливое понимание — Арнольд знает, что делает и знает лучше любого другого человека на этой территории. Даже включая отца.

— И я займу место этой монеты? — вдруг спрашивает Марина, чем заставляет его на секунду замереть.

Наконец он бросает на нее взгляд, а словно этого не хочет вовсе, как будто их встреча доставляет ему физический дискомфорт.

— Да. Здравствуй, Марина.

Это все. Арнольд поворачивает голову и придвигается ближе к снайперскому прицелу, через миг делая первый выстрел. За ним сразу следует второй, третий, четвертый. Мы сидим молча, отец дает нам знак не шевелиться, да и не знаю, собирается ли кто-то в действительности дергаться. Я лично нет. Я хочу застать каждую секунду. Мне это нужно.

— Ты меня бросил, — тихо говорит Марина, после целой очереди из еще пяти выстрелов, на что он холодно кивает головой.

— Да.

Еще выстрел. Она вздрагивает, но тут же сбрасывает морок, гневно придвигаясь к столу.

— Да?! И это все?!

— Так было лучше.

— Кто ты такой, чтобы решать, что лучше?!

— Ну...я один из главных героев нашего романа. Не только ты. Извини.

Выстрел.

Она вскакивает, чем заставляет наконец резко обернуться Арнольда, даже прищуриться. Краем глаза я вижу, как он держится за кобуру, а она усмехается.

— И? Ты в меня выстрелишь?

— Сядь на место.

— Давай. Стреляй. Ну же!

— Сядь на место, твою мать! — рычит, делая шаг вперед, — Не заставляй меня идти на

крайности.

— А может я хочу этого?

— Хочешь чтобы я прострелил ногу одному из твоих братьев?!

Марина замирает, и теперь Арнольд усмехается, тихо цыкает, снова отворачиваясь к окну.

— Сядь на место и не провоцируй. Я не шучу.

Она понимает это и опускается обратно. Арнольд тоже явно хорошо ее знает, так как отлично чувствует на какие кнопки надо надавить, и мне так ее жаль в этот миг. Марина из успешной, деловой женщины со стальными яйцами в миг превратилась в маленькую, беззащитную девочку. Как по щелчку пальцев.

Арнольд же стреляет еще раз, потом отсоединяет от пояса рацию и коротко говорит в нее что-то на незнакомом языке, после чего ставит ее рядом с оружием и выдыхает, оперевшись на него и положив голову сверху.

— Мне жаль, что так вышло, — через пару минут звенящей тишины тихо говорит, не поворачиваясь, Марина же быстро вытирает слезы и хмурится, изучая свои ногти.

— Я думала, что ты умер.

— Это не моя идея.

— Но тебя меня бросить, да?

— Так было нужно.

— Кому? — жалобно шепчет, он снова смотрит на нее коротко и снова отворачивается.

— На тот момент моя жизнь была слишком сложной, чтобы тянуть в нее еще и тебя. Я сделал это ради твоего блага, а не потому что хотел.

— Ты должен был все мне рассказать.

— Если бы я рассказал тебе хоть что-то, ты стала бы мишенью. Тогда у тебя бы не было выбора. Ты бы не стала тем, кем стала сейчас.

— Я тебя ненавижу...

— Знаю, — со смешком кивает, не отводя серьезного взгляда от того, что происходило за окном, — Но ты бы возненавидела меня сильнее, если бы я тебя не отпустил.

Его рация шипит, и он снимает ее, принимая еще одно сообщение на неизвестном языке, который я все также не могу узнать. Лишь догадки, что это норвежский, по крайней мере судя по их корням, хотя кто его знает? Да и догадываться некогда — вдруг мы слышим хлопок входной двери. Что ожидать дальше — без понятия. За окном слышатся крики, выстрелы, топот, и мы в этой комнате будто короли в усыпальнице в ожидании конца.

Как прозаично. Но мерный стук тонких каблучков не дает вволю насладиться всей иронией, а через миг в арке появляется новая фигура. На ней длинное платье, сверху соболиная шуба, на руках перчатки — и все в одной, черной гамме. Лицо прикрывает изящная шляпка с сеткой в тон траурному одеянию, но мне и не нужно видеть ее лица, я знаю, кто это.

— Ирис... — тихо выдыхает отец, подавшись вперед, но она словно не слышит.

Спокойно, плавно подходит к столу ближе, потом отодвигает стул, садится прямо напротив отца. Мы, как немые зрители, занимаем правый фланг, и я могу наконец так хорошо ее рассмотреть, как не мог раньше.

Она двигается особенно. Плавно и по-аристократичному размеренно. Приковывает взгляд. Я даже почти могу понять отца, Ирис привлекает внимание, но свое не дарит никому, кроме сына. Она смотрит на него, он хмурит брови, вглядываясь в ночной мрак.

Молчит. Такое ощущение, что они ведут какую-то немую, лишь одним им понятную беседу, пока она не превращает ее в живую, настоящую.

— Что там? — спрашивает тихо, он также тихо усмехается.

— Помнишь, ты пришивала нам варежки на резинку? — Ирис усмехается в ответ, — Придумай что-нибудь такое для Марка. Он заколебал.

Теперь она смеется вполне долго и осязаемо, потом аккуратно снимает шляпку и когда кладет ее перед собой, вдруг резко поднимает глаза на Настю.

— Моя дочь рассказывала мне, что вы относились к ней очень хорошо.

Настя не понимает ничего. Она просто хлопает глазами, пугливо трясется, и так контрастирует с этой женщиной, которая словно выкована из стали.

«Они похожи...» — думаю я, разглядывая ее лицо, — «Внешне даже. И почему все твердят обратное?!»

— Анастасия, в качестве благодарности, вы сейчас встанете, возьмете своих детей, выйдете через парадный вход и дойдете до ворот. Там стоит черный мерседес, в который вы сядете и уедете.

— Вы...ее мать... — словно по голове ударенная, еле шевеля губами, выдыхает Настя, и Ирис слегка кивает.

— Да. Меня зовут Ирис.

— Но...вы же...вы...

— Умерла? Извините, но нет.

— Но...

— Вам не понять моих мотивов...

— Не ей одной, — цедит Лиля, на что Ирис лишь слегка мажет ее взглядом, снова приковывая его к Насте.

— Вас отвезет хороший друг. Вам нечего бояться, я даю вам свое слово, что вас и пальцем никто не тронет. Уходите.

— Я не уйду.

— Извините, Анастасия, но это не вопрос выбора. Вы уходите. Сейчас.

На втором этаже что-то падает, и это обрывает уже стальной приказ. Ирис резко поворачивает голову на звук, а Арнольд тут же спрашивает у отца.

— Кто на втором этаже?

Отец слегка пожимает плечами и усмехается в ответ.

— Сквозняк, наверно.

— Ты так просто не сдаешься, да, дядя?

Я удивленно поднимаю брови, а Арнольд вынимает пистолет и тихо идет в сторону двери на кухню. Мне не составит труда отметить, что для человека, который не бывал в этом доме, он отлично в нем ориентируется, и это пугает. Как? Откуда он знает, что если выйти через кухню, можно быстрее всего попасть на второй этаж через лестницу прислуги? Я без понятия, и никто не собирается отвечать на этот вопрос. Ирис замолкает, отгибается на спинку стула и, слегка постукивая длинным ногтем по столу, вслушивается в тишину. Тогда я и замечаю его — Стасик, верный, цепной пес отца, крадется в сторону женщины, как жалкий трус. А я не могу допустить, чтобы с ней что-то случилось. Понимаю, что это был бы отличный выход из ситуации — захват такой важной фигуры, но я просто не могу. Она ее так любила, и теперь я чувствую, что обязан ее защитить. Подаюсь было вперед, она резко переводит взгляд на меня, но в следующую секунду все становится бессмысленным.

Арнольд беззвучно выходит из-за угла, хватая его за горло серьезным, удушающим, а потом бьет его запястьем о дверной косяк. Нож, с которым Стасик хотел напасть, с грохотом падает, и сам он через миг тоже оказывается с проигрышными картами на руках. Арнольд с легкостью заваливает его на стол, достает пистолет и стреляет не раздумывая.

У него даже не дрогнуло ничего. Вообще ничего. Абсолютно бесстрастная маска абсолютного спокойствия. И тишина. Спасибо глушителю, а может быть и нет — так все это выглядит более пугающе почему-то. Не знаю почему. Мы замираем, кровь Стасика начинает растекаться по белому мрамору, а Арнольд медленно поднимает взгляд на отца.

— Уходите, Настя, — тихо повторяет Ирис, и та, словно кукла, наконец поднимается на ноги.

А вот Лекс не так безропотно готов исполнять приказы...

— Откуда мне знать, что...

— Я дала слово, — цедит сквозь зубы, не отрывая взгляда от отца, а потом добавляет, — Тем более жену вашего брата, Алексей, мы выпустили. Уезжайте.

— Я остаюсь. Мама тоже.

— Вы еще не поняли? — усмехается она, медленно переведя взгляд на брата, — Вы больше не управляете ситуацией. Понимаю, привыкнуть к новому положению дел сложно, но что поделать? Мир переменчив. Теперь подчиняетесь вы.

— Я не оставлю свою семью.

— Поэтому вас отпускают вместе с ней.

— Они тоже моя семья!

— Лекс, уезжай, — тихо говорю, подняв на него глаза, — Она этого не вывезет. Уезжай.

— Настя, — тоже вступается отец, подавшись чуть вперед, — Ты должна встать и сделать то, что тебе сказали. Забери Адель, Лешу, и уезжайте.

— Но, Петя...

— Уезжайте.

Она колеблется еще пару мгновений, но все таки встает на ноги. Лексу пришлось даже подхватить ее, чтобы она не упала, помочь идти. Недолго. Настя замирает в дверях, она плачет, а когда оборачивается, ее аж трясет да так, что зуб на зуб не попадает.

— П-п-п-пожал-л-уй-ста...н-н-н-е тр-р-рог-а-йте м-м-моих де-е-т-т-ей...

Ирис слегка прикрывает глаза. Не отвечает. Не знаю, как все обернется дальше, и, признаюсь, что мне страшно. Наверно я никогда раньше не оказывался в такой заднице, как сейчас. Смотрю на Марину, на Мишу. Он правильно сделал, что отослал Женю с детьми в Париж. А может быть и нет? Они следили за нами не знаю сколько, и только благодаря их воле все из нас еще живы.

«Ее отец способен на вещи, которые ты себе даже представить не можешь...» — вдруг думаю словами отца, хмурюсь.

Так он мертв или нет? Ведь пока все складывается более-менее неплохо.

Дверь на кухню снова открывается и на пороге стоит другой парень. Он улыбается широкой-широкой улыбкой, смотрит на Арнольда и расширяет глаза со смешком.

— Я победил!

Понятное дело, что это еще один из «братьев», но интересно, кто именно? Тем временем он заходит в комнату и встает рядом с братом, восторженно поднимая руки.

— Он просто мудака! Он опять забыл свой чемоданчик, а это минус балл. И знаешь что еще?! Моя супер-смесь траванула сразу десятерых! Бам! И кто здесь папочка теперь, а?!

«Траванула. Понятно. Это, значит, Богдан...»

Он был несколько ниже своего старшего брата, хилее, но взгляд его гораздо живее и неутомонней. Я этот взгляд узнал сразу, видел его много раз...

«Она с ним похожа больше, чем с Арнольдом...»

— Мам! — все также восторженно вскрикивает и подходит к столу, останавливаясь рядом с Мариной, — Может это Марк у тебя дефектный, а?

— Богдан, — серьезно, но с улыбкой прерывает его, и тот поднимает руки, как бы в жесте «сдаюсь».

А потом смотрит на Марину. Долго так, разглядывает каждую ее черточку и улыбается еще шире, вдруг поклонившись и взяв ее руку.

— Bon, enchantée, je suis sure. [\[14\]](#)

Он оставляет поцелуй на ее ладони, но Мара тут же вырывает руку, щурится, сто процентов готовая что-то ляпнуть, правда не успевает. Ее опережает Арнольд, сурово рыкнув на младшего брата.

— Богдан.

Богдан усмехается. Что ж, он явная заноза в заднице, Лили и тут не соврала. Словно специально хочет подраконить, присаживается, подоткнув голову рукой, продолжает разглядывать Марину и через миг шепчет.

— Мне к вам, мадмуазель, запрещено подходить, но, черт возьми, понимаю, почему мой брат так вами очарован.

— Богдан...

— Чтобы вы знали, он за вами следит... — не успокаивается тот, играя бровями, и впервые я вижу, как Марина краснеет, — В смысле не по-настоящему, а за вашими успехами в...

Ему в голову прилетает что-то круглое. Богдан смешно хмурит брови, потирая место ушиба, резко переводит взгляд на Арнольда и громко недовольтвует.

— Ау! Мне больно вообще-то! По рабочему инструменту не бьют!

— Отойди от нее и закрой рот.

— Стесняешься? — снова веселится, стреляет глазами в Марину, но встает на ноги, а добавить все равно умудряется, — Видели? Арнольд смущен.

Мара бросает взгляд на Арнольда, который он поддерживает пару мгновений, но потом прерывает, усмехается и присаживается на стул у стены. В этот самый момент в комнату входят еще двое. Самый высокий из них из всех и тот, кого мы уже видели. Это Элай и Маркус. Последний ставит на стол серый кейс, потом смотрит на Богдана, который продолжает улыбаться, только шире и гаже, щурится.

— Ты придурок.

— Нашел свой чемоданчик, а, а? — Богдан начинает прыгать, махая в воздухе кулаками, что выглядит вполне забавно, если забыть, конечно, о сложившейся ситуации.

Маркус громко вздыхает, устало уставившись в потолок.

— Вот придурок... ты его спрятал!

— Какая разница? Ты сам его проспал! Я выиграл! Разом десятерых, и нет, это не считается за одного!

— Извини, но ты в пролете, — довольно парирует Маркус, садясь у стены точно за матерью, — У меня двенадцать.

Богдан резко замирает и расширяет глаза, пару мгновений стоит и молчит, а потом

фыркает и отходит в сторону.

— Я убил чувака кирпичом. Эту карту ты никак не побьешь.

— Снова ты в полете, придурок. Я сделал ловушку с кирпичами. Которая побила твой хилый рекорд. Шах и мат!

— Откуда ты узнал? — вдруг говорит Ирис, разом прекращая перебранку.

Все это время она долго смотрела на отца, он на нее, и словно больше никого и ничего вокруг не было. Только они. Он, правда, источал нежность, она ярость...

— Я видел фотографии из дома Ревцова...

— Не произноси имя этого ублюдка! — громко обрывает, резко подавшись вперед, —
Никогда не смей называть эту фамилию.

Отец на это никак не отвечает, хотя явно хочет что-то сказать, но сдерживается. Через миг и вовсе отогнувшись на спинку стула, он, потеряв пальцы друг о друга, усмехается.

— Ты так и будешь прятаться в тени, Артур?

— А кто сказал, что я прячусь?

Его голос звучит, как резкий удар хлыста, которого ты никак не ожидаешь. Я даже неумного вздрагиваю, переведя взгляд в темноту гостиной, и только теперь замечаю силуэт в кресле прямо напротив нашего стола. Как он там появился? Когда? Я этого не заметил, отец тоже. Он смотрит на старого друга, не отрываясь, а на щеках его судорожно сжимаются желваки.

Напуган. Отец боится, и это очевидно. Артур же тем временем делает глоток из стакана, который ставит на стеклянный столик с тихим стуком и встает на ноги. Только сейчас до меня доходит и то, что его сыновья сидят точно вокруг нас, словно это все какой-то план, а это он и был, скорее то всего. Они, как хорошо слаженный механизм, во время отвлекают внимание, чтобы исполнить то, чего хотят добиться. Лили снова была права — мы, при всем своем «великолепии», от них отличаемся очень сильно. Потому что мы — жертвы, а они — хищники. Я себя впервые ощущаю на этой позиции, которая мне совсем не нравится. Увы и ах. Так и есть. Меня передвинули с лидирующей роли в глобальной, пищевой цепи, а я ничего с этим сделать не могу.

Медленно Артур идет в нашу сторону, и когда наконец его лица касаются слабые всполохи света, я, если честно, чувствую разочарование. Не потому что он какой-то не такой, хотя он и абсолютно не такой, каким я себе его представлял. Потому что она на него внешне не была похожа вообще. То есть вообще. Но он слегка улыбается, опуская глаза, и меня снова пронзает, но другое чувство: я ошибаюсь. Мимика один в один. И повадки. Поведение. Все также медленно Артур обходит стол, сцепив руки за спиной, разглядывает картины. Молчит. Отец волнуется сильнее, но, кажется, Артур этого и добивался, потому что когда он оказывается у окна, отец тут же выпаливает.

— Я к этому отношения не имею.

— Знаешь...Звездочет... — тихо начинает Артур, не реагируя на попытки оправдаться, — Мне всегда было интересно услышать правду. Ты наконец готов мне ее озвучить? Столько лет прошло все таки...

— Звездочет... — усмехается в ответ, прикрывая глаза, — Столько лет прошло с тех пор, как я слышал эту кличку.

— И все же.

— Спрашивай.

— Зачем ты вцепился в мою женщину, если никогда ее не любил?

В комнате повисает тяжелая пауза. Отец молчит. Он хмурит брови и изучает свои руки, потом вздыхает снова и жмет плечами.

— У вас все так просто было...нам с Марией не удавалось и...

— Ты взял себе в жены гордую, упрямую и уважающую себя женщину. С такими никогда не бывает просто.

— Ты взял похожую, но тебе было просто.

— Ты слеп, звездочет, — тихо усмехается Артур, слегка мотая головой, а потом переводит взгляд на отца и слегка щурится, — Просто я был готов идти ей на уступки, ты же пытался подмять.

— Два разных подхода, и два таких разных исхода.

— И кто виноват в исходе, которому автор ты? Я говорил, что у тебя не получится ее сломать и подогнуть под себя. Мария не пальто, но ты меня никогда не слушал.

— В конечном счете, ты оказался прав.

— Тогда почему моя семья должна была расплачиваться за твои ошибки?

— Наверно я хотел вернуть частичку того времени. Думал, что если Ирис будет со мной, я смогу приблизиться к Марии.

Богдан громко фыркает, а потом подается вперед и выплевывает неожиданно яростно. От веселья не осталось и следа...

— То есть ты сдал моего отца клану, потому что хотел получить себе в постель иллюзию?!

Артур переводит взгляд на сына. Не могу его прочесть, но работает он, как лучшее успокоительное. Богдан отгибается обратно, негодует и кипит, но отворачивается. Слушается его. Уважает. Я вижу это, наверно первостепенно потому что сам никогда не уважал, а боялся. Чувствую разницу кожей.

— Я пытался все исправить, — тихо признается отец, глядя на Богдана, — Это была моя ошибка, и я хотел ее исправить.

— Я знаю, — отвечает за сына Артур, снова приковывая внимание отца, — Ты много заплатил, чтобы что-то изменить.

— Я не мог допустить, чтобы твои дети погибли. Прости меня.

— Я тебя прощаю. В конце концов ты подтолкнул меня к понимаю вещей.

— О чем конкретно речь?

— Звездочет...клана больше нет. Точнее не так. Я — это клан.

Отец отгибается на стуле назад, явно ошарашенный услышанным, Артур же слегка улыбается. Пожимает плечами. Пусть мы и не понимаем абсолютно ничего из того, о чем идет речь, но обращаемся в слух. Сейчас обсуждается что-то максимально важное — это очевидно.

— Ты убил их всех...ты...Безликий? Последний самурай...

— У меня не было другого выхода. Либо так, либо они бы убили мою семью.

— Но откуп...

— Ты заплатил откуп, и я тебе, конечно, благодарен, но как там было? Не обгоняй, если не уверен? Сто раз же тебе говорил, думай, прежде чем что-то сделать.

— Как ты вообще выбрался из порта?!

— Ты договаривался не с тем. Акихико — мой брат. Моя семья. Я вырос с ним.

— Вы друг друга ненавидели!

— Знаешь, как проще всего определить крысу, Звездочет? Говоришь подозреваемым

разные вещи, и чья информация покажется — тот предатель. Мы с Акихико решили, что кланом управлять гораздо проще, если они думают, что мы враждуем. Сети шире.

— Безликий отрубил ему голову. Мне это известно.

Артур опускает глаза, поглаживая длинными пальцами что-то золотое, пару раз кивает и хмурится.

— У него нашли большую опухоль в мозгу. Неоперабельную. Акихико просил меня даровать ему смерть по всем законам, а не жалкую гибель под капельницами. Он так хотел, и я сделал это для него. Меньшее, что я мог, в ответ на все, что он для меня сделал. За то, что спас мое сердце...

С нежностью он смотрит на Ирис, которая слегка улыбается. Этот взгляд пробирает, если честно, до мурашек. Потому что она его любит. Предано, сильно, вечно. Он взамен любит ее еще больше. Так необычно видеть что-то подобное. Мне всегда казалось, что такой любви уже не бывает. А вон оно как, да? Под градами пуль теплится что-то настолько волшебное. Странная штука — жизнь...

— Я этого не делал, Артур, — тихо шепчет отец, и Артур смотрит уже на него, но холодно. Безучастно.

— Тогда объясни мне еще кое что.

Повернувшись к столу, Артур подходит ближе и останавливается рядом с Мариной, как Богдан ранее. Только если от сына она не отгибалась, от него произвольно и тут же сделала это. Артур имел странную, давящую своей силой энергетику, и он пугал. Не только Марину, к слову, но и нас с Мишей. Тем не менее притягивал... Я жадно разглядывал каждую черту его лица, ловил каждое слово. Тихое, мерное, спокойное. И чем дальше все закручивалось, тем больше схожестей я находил по крайней мере в злости. Она злилась, по-настоящему злилась, также. Тихо, но тем более ярко это ощущалось нутром.

Тем временем на стол ложится телефон, Артур медлит пару мгновений, а потом нажимает на круглую, большую кнопку, и разрушает меня на миллион частей. Я ведь слышу ее голос...

— Привет! — наспех говорит Амелия, — Я знаю, что не звоню тебе обычно, и вообще... эээ...

— Амелия, что случилось?

— Короче...эм...тут такое...эээ...

— Амелия!

— Пап, у меня проблемы, — она тяжело дышит, словно сейчас расплачется, а в голосе Артура тут же появляется страх.

— Что случилось?! Где ты?!

— Я пока в Москве, но я сейчас уезжаю в Рязань. К тебе. Можно?

— Что за вопросы глупые?! Что происходит?!

— Я...давай я приеду, и мы...мы обо всем поговорим, хорошо? Ты можешь меня встретить? Это очень важно. На половине пути. Вообще, можешь лучше сейчас выехать?

— А ты на чем едешь? — тихо интересуется, она вздыхает и словно хмурится.

— На машине. Эм...поймала...типа попутка.

— Амелия, я...

— Пап, пожалуйста, не сейчас! Это бордовая копейка. Просто встретить меня. Пожалуйста.

— Амелия, мне все это очень не нравится. Я приеду за тобой сам и...

— Нет! — вскрикивает, — Я должна уехать сейчас!

— Что за спешка?!

Молчит. Снова тяжело дышит, а я чувствую, как Марина вдруг крепко сжимает мою руку в тиски. Сам я плыву. У меня в голове стучит пульс, я словно слышу, как разгоняется кровь, пока все мое существо немеет от боли.

Потому что это ад. Это сраный ад. Слышать ее последний, возможно, разговор — сраный ад.

— Амелия!

— Папочка... — всхлипывает, а меня передергивает, и я сильно зажмуриваю глаза, — Это касается Александровских. Ты убьешь меня...это...я...Я расскажу тебе все дома, хорошо? Но...я должна уехать. Срочно. Встреть меня, прошу...этот человек, который меня везет...он вроде нормальный, но...я не могу рисковать. Просто...пожалуйста, встреть меня.

Артур выключает запись, а потом медленно поднимает глаза на отца. Воздух в столовой настолько тяжелый, каким не бывает даже на вершине Эвереста. Нет, здесь он гораздо больше весит. И сказанное дальше тоже...

— Я прощаю тебя за то, что ты сдал меня клану, за то, что предал меня, даже за то, что пытался увести мою женщину... Но я никогда не прощу тебя за то, что ты отнял мою дочь.

— Артур...

— Теперь я отниму всех твоих детей от любимой женщины, Звездочет. Разом.

10. Control

And all the kids cried out, "Please stop, you're scaring me"

I can't help this awful energy

God damn right, you should be scared of me

Who is in control?

Control — **Halsey** [\[15\]](#)

— Артур, я этого не делал.

Отец берет себя в руки не сразу, а я замечаю, что эти самые руки вдруг потеряли все привычную им твердость. Они дрожат, а сам я не знаю, что чувствую. Это как будто какой-то бесконечный кошмар, но самое главное — я его автор. Моя вина здесь во всем, она пронизывает каждое слово, сказанное Артуром, каждое слово Амелии. Все. Это я заварил эту кашу, об которую вдруг внезапно ложку сломали все. Не думал, что такое в принципе возможно, если честно. Я так привык к тому, что нет вокруг равных моей семье, что забыл — равные есть всегда. Сильнее есть всегда. Нет ничего абсолютного.

— У тебя очень красивая дочь... — тихо продолжает Артур, игнорируя очередные оправдания отца.

Он поворачивается к Марине. В свете огня лицо его становится каким-то совсем уж дьявольским. Пугающим. Опасным. Марина тоже это чувствует, но утрировано стократно. Она и вовсе словно под гипнозом, сидит, не шевелится, а только смотрит в бездонные, голубые глаза этого человека, от которого за версту несет угрозой. Он спокойный, как удав, и я знаю, что он может сделать то, чего я и представить себе не могу, а самое смешное, я знаю это не потому что отец предупредил, а потому что это написано у него на лице. Это просто есть, это данность.

Тем временем Артур легко касается волос Марины, от чего ее начинает изрядно так потряхивать. Она сжимается, но не может отстраниться, Артур же слегка щурится. Знаете, что забавно? На подсознательном уровне я не вижу в нем льда, но подсознательный уровень сейчас мне недоступен. Вступает какое-то больное, острое желание, даже необходимость, защитить сестру, и я резко подаюсь вперед, отталкивая от нее руку этого человека. Тут же меня хватают за шею, а через миг я чувствую, как к виску прижимается холодное дуло пистолета.

— Еще раз дернешься... — шипит один из братьев, кто именно, не знаю, — Ты очень сильно об этом пожалеешь.

— Нет! Элай! Отпусти его! — также резко подается вперед Лили, а потом поворачивается к Ирис и орет пуще прежнего, — Скажи ему, остановиться!

— Маркус, уведи ее.

— Что?! Нет! НЕТ! Отпусти!

Но вопли и попытки вырваться отбиты сразу. Маркус спокойно закидывает сестру на плечо и уносит ее в сторону библиотеки, а я слышу, как Элай, тяжело дыша, добавляет.

— Руки на стол, Максимилиан Петрович. Не заставляй меня настаивать.

— Я не позволю трогать и угрожать моей сестре...

— Забавно это слышать от тебя.

— Элай, успокойся, — строго велит Ирис, но тот саркастично ухмыляется.

— А что? Он — Александровский. «Угрожать» и «трогать» — их история.

— Не надо, — тихо шепчет Марина, сжимая руки на коленях, потом переводит взгляд на Мишу.

Его, оказывается, точно также держат, как и меня. Богдан подоспел. Мы в любом случае в меньшинстве.

— Пожалуйста. Не надо...

— Она так напугана... — тихо протягивает Артур, и Мара смотрит ему в глаза, хмуря брови.

— Пожалуйста... мои братья... отпустите их, пожалуйста...

Артур слегка улыбается и кивает.

— Их отпустят, если они перестанут делать глупости. Как думаешь, у них получится?

— Они пытаются защитить меня, но...

— Но в этом нет никакого смысла, девочка.

Марина застывает, а он вдруг добавляет то, чего не ожидал услышать никто из нас.

— Потому что я не собираюсь вас убивать. Отпустите их.

В ту же секунду захват с моей шеи пропадает, как и брата отпускают, а когда я смотрю за спину, от нас и вовсе отошли на шаг. С усмешкой.

— Если вы не собираетесь нас убивать... — начинаю я, вернув внимание на главу семейства, но он тут же перебивает.

Обращается к отцу.

— Я отниму у тебя всех детей, Петр, но я не трону их и пальцем. Мы когда-то давно договорились, а я верен своей клятве.

— Что ты задумал?

— Думаю, что ты уже понял. У меня в руках твое сердце.

Очередное «что, твою мать?!» лезет наружу, но снова остается без ответа, даже тонет под впечатлением того, что происходит дальше. Точно раненный зверь, отец вскакивает и хватая Артура за грудки, вбивая в стену, а после орет:

— ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ?!

В ответ он лишь усмехается. Я холодею изнутри, чувствую, что сейчас что-то грянет, и не промахиваюсь. Через миг раздается оглушающий звук выстрела, и когда я поворачиваю голову, мой мир сносит с ног. В арке стоит...мама.

Отец медленно оборачивается, застывает. Мы тоже. Я, кажется, увидел призрака...Она ничуть не изменилась с того последнего дня, когда я ее видел. Такая же красивая, такая же гордая, и все также плачет. В ее руках пистолет, он трясется, а мама всхлипывает и еле слышно шепчет.

— Отойди от него.

— Мария...

Не знаю, что работает, как спусковой крючок, но мама снова нажимает на курок, попадая в бра на стене. Отец слегка вздрагивает, правда в основном и не замечает этого, делает шаг в ее сторону. Он как безумный, если честно, и словно нет никого больше, кроме нее. Даже если бы вокруг взрывались бомбы, он бы продолжал смотреть только ей в глаза. Но маме это не нравится. Я вижу в ней дикую боль и обиду, но, как бы это не звучало, также я вижу любовь. Она все еще любит его, не смотря ни на что, хотя это и причиняет ей еще большие страдания. Поэтому ей и требуется несколько долгих секунд, чтобы собраться и

выстрелить снова. На этот раз никаких холостых — точно в цель. Она попадает ему в бедро, и отец, взыв от боли, падает на одно колено.

Словно срывает. Она будто обретает отвагу после первой, маленькой победы, чувствует себя сильнее, делает на него шаг и снова стреляет. На этот раз в плечо. Отец хватается за него, упираясь одной рукой в пол — мама подходит еще ближе. Я теперь могу разглядеть каждую черточку на ее лице, каждую деталь, и все равно не могу поверить.

Она жива. Жива! А он...он это знал. Он это сделал с ней, со всеми нами! И она это понимает лучше нас. Гораздо лучше нас. Остановившись рядом, мама целится точно в голову, но не стреляет. Она смотрит, как он медленно поднимает на нее глаза и вдруг шепчет.

— Давай. Стреляй, любовь моя.

— Не называй меня так!

— Но это правда. Ты — любовь всей моей жизни, и я всегда знал, что умру от твоей руки. Стреляй, — мягко добавляет и слегка улыбается, — Все нормально. Сделай это.

Мама всхлипывает и делает еще один маленький шаг, а дуло в ее руке начинает ходить ходуном еще больше, чем до этого. Мы все замираем, словно кто-то нажал на кнопку «пауза», боимся пошевелиться, пока между ними идет какой-то немой разговор. Только глазами. Я же понимаю еще кое что очень важное вдруг, так неожиданно: она не выстрелит. Не сможет. Любит.

Артур, который все это время не вмешивался, а стоял в стороне, кажется, тоже это понимает и подходит к маме, бережно беря ее руку в свою.

— Все нормально, Мария. Ничего страшного.

Мама сначала не хочет отпускать оружие, но, пару раз моргнув, поднимает глаза на него и слегка, почти незаметно, мотает головой. Я не знаю, что это значит, и могу лишь догадываться, по крайней мере исходя из происходящего дальше.

— Богдан, Маркус. Проводите Петра до машины.

— Куда ты его увезешь?

— Это уже не твоя забота, Мария. Ты теперь свободна.

Только сейчас она переводит внимание на нас, словно наконец пало какое-то странное, тягучее проклятие. Отца уводят, и так она может дышать свободно, а еще улыбаться... Она свободна. Счастлива. И эта еще большая трагедия: как любовь таких масштабов могла стать такой же ненависть? Подумаю об этом обязательно, знаю, но сейчас не это главное.

— Мои маленькие... — так тихо шепчет, и так это сильно пробивает, что я дышать не могу, говорить не могу, шевелиться!

Миша, кажется, тоже, так что самой сильной из нас снова оказывается Марина...

— Мамочка...

Она сразу же делает шаг в нашу сторону, но Артур неожиданно встает на ее пути и медленно мотает головой.

— Артур, пожалуйста...

— Извини, Мария, но я должен думать о своей семье, а она очень устала. Мы хотим побыстрее все закончить.

— Закончить что? — спрашивает Миша, и он с улыбкой смотрит на него и просто пожимает плечами.

— Мы должны заключить договор.

Хмуримся все разом, но он уже не видит нас, смотрит лишь на маму, которая цепляется

за стол, пару мгновений жалобно пожирает его глазами, но быстро сдается. Кивает и отходит к месту с левого фланга, присаживаясь на стул рядом с Ирис.

— Итак, начнем.

— Какой договор вы хотите заключить? — тут же спрашиваю, он на миг останавливается, пару мгновений молчит, стоя ко мне спиной, но потом разворачивается и улыбается.

— Обычный, Макс. О том, как нам сосуществовать.

— Сосуществовать? Эм...

— Моя семья долго пряталась по разным причинам. Мы вынуждены были жить в тени, но это время закончилось. Мои сыновья способны на многое, и я устал их ограничивать. Теперь все будет иначе, но...

Артур присаживается на стул, где раньше сидел только отец, кладет руки на стол и, пару раз стукнув пальцем по столешнице, кивает.

— Вот в чем дело. Мы не можем сосуществовать. Это исключено.

— Куда вы дели нашего отца?

— А что, Макс, ты будешь по нему скучать? — усмехается неожиданно зло и ядовито, на что я слегка шурюсь, наклоняю голову немного на бок.

Силюсь его понять, только все мимо. Он точно стена, за которую не пробиться. Абсолютный чемпион в сокрытии эмоций. Ну или почти?

— Ваш отец будет служить гарантом того, к чему мы придем сейчас.

— Если вы собираетесь шантажировать нас его жизнью...

— Нет, Марина, не собираюсь. Мне известно, что вы будете только рады, когда он умрет, особенно в свете последних открытий, но он в любой момент может подписать нужные мне бумаги, если вы не будете соблюдать простые правила. Мы хотим создать свой дом, но вы в этом доме нежеланные гости, поэтому вы никогда не пересечете границу, которая сейчас будет проведена.

Арнольд оказывается за нашими спинами так незаметно, что я даже вздрагиваю, когда перед нами ложится карта, на которой очерчена четкая, красная линия. Она начинается у Пскова, дальше Тверь, Ярославль, Вологда, Петрозаводск. Некий круг, центром которого является Петербург.

— Все просто, — продолжает Артур, — Внутри красной линии — мой дом. Туда вам путь заказан.

— Но у меня в Питере гостиница...

— Больше нет, Марина. Ты ее продаешь. У тебя будет неделя на оформление всех бумаг.

— И кому же я ее продам? — зло усмехается она, а он просто жмет плечами.

— Арнольду.

Мара гневно расширяет глаза и резко переводит их на своего бывшего, который усмехается, сидя на кресле. Зря. Очень зря. Марина тут же забывает о страхе, обо всем, что видела вообще сегодня, выдыхает «фырк» и тихо цедит сквозь зубы.

— Ну ты ублюдок...

— Думаю все честно. Мы вернули вам мать и забрали отца, которого вы все ненавидите. И не спорь, я помню, что ты говорила мне когда...

— Закрой рот!

Верещит так, что у меня у самого закладывает уши, и мы не сговариваясь с Мишей, берем ее за руки. Пытаемся оттормозить, но уже нет в этом никакой нужды. Артур холодно

кивает.

— На самом деле ты продашь ее мне, а эта сцена прямое доказательство того, что наши семьи должны быть разделены высоким забором. Мы не уживемся вместе, а я повторю: мы все очень устали. Мы хотим спокойствия.

— Что будет, если мы не согласимся? — спрашиваю, получая очередной колкий взгляд и ледяной смешок.

— Ты, видимо, думаешь, что у тебя еще есть выбор? Только из уважения к вашей матери, я всех вас не убил. Хорошо это осознаешь, Максимилиан?

— Я...

— Я не хочу больше видеть никого из вас, — твердо добавляет, выделяя каждое слово стальной интонацией и приближаясь к столу ближе.

Он смотрит точно мне в глаза, и я вижу в них злость. Дикую, жгучую злость, которую тут же узнаю. Да — она от нее. Точнее у нее она была от него. Мне помогает тот факт, что я так хорошо изучил Амелию. Очень помогает.

— Ваша мать здесь исключительно по моей доброй воле. Я заберу ее, а потом «АСтрой» и вообще все, что у вас есть. Или начну войну. Я устал, но если того будет требовать ситуация, все может измениться в миг.

— Тогда это не договор, а шантаж, — высказывается Миша, на что Артур *спокойно* пожимает плечами и отклоняется на спинку стула.

— Называйте, как хотите. Мы подписываем бумаги, или пойдем сложным путем? Решайте.

Нет здесь выбора. У нас его отняли. У меня впервые в жизни отнял выбор кто-то с стороны, без моего набора ДНК, и это бесило. Скрипя зубами, я опускаю глаза на свои руки и киваю. Что мне остается? Ничего другого.

Лили

Маркус закрыл меня в библиотеке и ушел час и десять минут назад. Я уже скурила все сигареты, выпила, посидела на всех стульях, потому что не нахожу себе места. Волнуюсь. Сердце стучит. Они убили его? Вдруг? Но нет, я не слышала выстрелов. Значит, все нормально. Дыши. Все нормально.

Резко вскакиваю, стоит услышать, как ключ поворачивается в скважине, подбегаю к двери, но тут же застываю. На пороге стоит Ирис, а она, черт возьми, последняя, кого я хочу видеть!

— Ты?!

— Сядь, нужно поговорить.

Холодная скотина. Она проходит вглубь комнаты и опускается в кожаное кресло, доставая сигарету, а я так и стою в центре, даже поворачиваться к ней не хочу. Я злюсь. Нет, не так, я в ярости! Она мне солгала — это первое, но второе куда важнее. Роза. Они могли ее спасти, но кто думал о моей сестре, когда речь зашла за их сокровище?! Конечно! Кому есть дело до подкидыша?!

— Лилиана, сядь.

— Нет! — повышаю голос и резко на нее поворачиваюсь, — Ты солгала мне! Ты...

— Я не могла тебе доверять, — холодно чеканит и хмурит брови, — Ты спала с Александровским, хотя я просила тебя держаться от него на расстоянии.

— С кем из них? — усмехаюсь, а у самой слезы бегут по щекам.

Ирис недовольно кривится, выпуская дым из ноздрей, отворачивается. Вижу эту неприязнь. Я ей противна, и это очевидно, а то, что скрыто: меня это дико ранит. Так, что сердце колет...

— Сейчас они подписывают договор, Лилиана, — продолжает Ирис, слегка покручивая сигаретой на стеклянном дне пепельницы, — Его суть очень простая: мы забираем себе Питер и ближайшую область. Никто из Александровских не имеет никакого права переступить границу. И никто, кто с ними связан.

— И что это значит?!

— Это значит, что ты должна наконец решить, на чьей ты стороне, — грубо цедит, смотря мне в глаза, — Ты либо с ними, либо с нами. Другого выхода нет.

— То есть...ты хочешь, чтобы я поехала с вами?!

— Да, я этого хочу, — вдруг смягчает и кивает, придвинувшись ближе к краю и забыв о сигарете, — Лили, прекрати разрушать свою жизнь, я тебя прошу. Прекрати отталкивать свою семью. Здесь ты — чужая. Вернемся домой вместе...

— Зачем? — также тихо спрашиваю, на что она хмурится.

— В смысле зачем?

— В прямом. Мне там нет места.

— Глупости.

— Разве?

— Лили...конечно, да! Твое место всегда было и, надеюсь, будет за нашим столом. Ты мне, как дочь и...

— Хватит! — грубо прерываю ее и отступаю назад, — Я не поеду. Я остаюсь тут. С ними.

— Ты им не нужна, я...

— А вам разве нужна?!

«И быть всю жизнь виновной в смерти вашей Амелии?! Увольте...» — думаю про себя, а потом опускаю глаза в пол и сжимаю себя руками.

— Я дома.

Ирис смотрит на меня долго, я чувствую это, но потом встает и холодно, отстраненно спрашивает.

— Ты хорошо подумала? Назад дороги не будет.

— Ты соврала мне. И я не о твоей смерти сейчас говорю... — всхлипываю, а потом все таки смотрю на нее и хмурюсь, — Вы могли спасти Розу, но...вам не было дела.

— Поверь мне, это не так. Если бы Артур мог ее вытащить, он бы это сделал.

— Он думал только о ней! — повышаю голос и делаю шаг на свою тетку, — Ваша драгоценная Амелия...и кому какое дело, кто останется за бортом, ради нее, да?!

Больше она со мной не говорит. При упоминании имени дочери, Ирис словно ударяют — она вздрагивает, отводит взгляд и...просто уходит. Даже не посмотрев на меня.

— ...Мам, позволь мне попробовать? — слышу тихий голос Арнольда за дверью, но ее больше нет.

Она молчит. Им и не нужно особо общаться, они так тесно связаны, что словно понимают друг друга итак, но мне бы сейчас хотелось услышать что-то реальное. Не знаю почему...

— ...Она просто перенервничала. Я поговорю.

Слышу тонкий стук шпилек, а через миг дверь открывается и на пороге стоит Арнольд. Он тихо усмехается и, слегка закатив глаза, заходит внутрь комнаты, а я сажусь на место тети и беру ее сигарету. Затачиваюсь.

— Можешь даже не пытаться, Арн. Я остаюсь.

— Лили, не будь ребенком. Давай без истерик, сейчас не та ситуация. Совсем не та, — серьезно говорит, а потом проходит вглубь комнаты, садится на кресло рядом и откидывается на спинку кресла.

Вижу, что он устал. Очень устал. Конечно, вряд ли последние новости способствовали здоровому сну, сама я почти и не спала. Я тоже устала да так, что все тело ноет. Хочется просто забыть обо всем, но я не могу — он тихо продолжает.

— Ты не сможешь передумать, Ли. Если ты решишь остаться, обратной дороги не будет.

— Я понимаю.

— А так ли это? — смотрит на меня, но я не выдерживаю и опускаю глаза к сигарете, — Ли, мы твоя семья, а не они.

— Моей семьей была Роза.

— Ли...

— Нет, Арн, не надо. Вы бросили ее, — всхлипываю, мотая головой, — Ради Амелии вы пожертвовали моей сестрой.

— Это неправда.

— Да ну?! А как тогда это называется?!

— Нам просто не повезло.

Смотрю на него, как на придурка, пока по щекам текут огромные слезы. Первые слезы, если честно, которые я проливаю. До этого не плакала, а сейчас, как прорвало...

— Не смотри на меня так.

— Я просто поражаюсь формулировке. Как ты смеешь...

— Послушай, — снова серьезно перебивает меня, приближаясь, — Там в лесу не было времени думать. Мы нашли следы, но они разделились. Отец пошел за Амелией, все остальные за Розой. Или ты что, серьезно собираешься судить его за то, что он выбрал свою дочь? Я тоже отец, и я бы поступил также. Когда-нибудь ты это поймешь, но Розу никто не бросал. Ее искали мы со Костей, Богданом, Маркусом, Гришей... И тебя никто не хочет бросать, но по-другому уже не будет. Если ты сейчас останешься с ними, отец не пустит тебя на порог своего дома, пойми ты наконец! У нас слишком много тайн!

Молчу. Тогда Арн берет меня за руку и слегка ее сжимает.

— Да брось, не дури. Поехали с нами. У нас будет нормальный дом... Астра по тебе скучает и... черт, я скучаю. Ирис. Она тебя очень любит.

— Неправда...

— Правда. Что ты будешь делать здесь?! Снова хочешь стать предметом для насмешек?! Зачем?! Ради чего?!

— Я люблю его... — вдруг говорю, и Арн резко выпрямляется, а я, пару раз моргнув, поднимаю на него глаза, — Прости, но я его люблю.

— Если ты про Петра...

— Я про Макса.

Теперь молчит он, оценивает, а я держусь со всех сил, чтобы не спалиться. Потому что вру. Вру напропалую, прикрываюсь. Вернуться с ними обратно для меня равно смерти. При одной только мысли паника нарастает...

— Думаешь, что он простит тебя? Примет после своего отца? Лили...

— Мы занимались любовью, — выпаливаю, краснея, — Так что да. Простит. Макс меня любит, а я люблю его. Простите.

Еще пару мгновений Арн молчит, но потом поднимается и коротко мне кивает, поворачивая в сторону двери, где замирает лишь на миг, чтобы тихо попрощаться.

— Прощай, Ли. Будь счастлива.

Очень вряд ли, но спасибо, Арнольд...

11. Романс

*И лампа не горит и врут календари
И если ты давно хотела, что-то мне сказать, то говори
Любой обманчив звук, страшнее тишина
Когда в самый разгар веселья падает из рук, бокал вина
И чёрный кабинет, и ждёт в стволе патрон
Так тихо, что я слышу, как идёт на глубине вагон метро
На площади полки, темно в конце строки
И в телефонной трубке эти много лет спустя, одни гудки*
Сплин — Романс

Все кончилось также быстро, как началось. Они ушли тихо, спокойно, и самое главное так, будто их никогда и не было. Мы с Мишей обошли всю территорию, где не осталось ни только следов, но и "армии"(до сих пор отказываюсь называть это глупое слово серьезно). Ни тени, ни намёка — ничего. От отца ничего не осталось. Будто его никогда здесь и не было.

Я могу дышать спокойно. Сейчас здесь в глубине темной ночи, я стою на террасе и дышу спокойно, свободно, абсолютно свободно. Похожего состояния со мной не было за всю мою жизнь, и я пока не совсем понимаю, как сильно она изменилась на самом деле. Я не осознаю в полной степени, что больше не будет «наказаний», упреков, приказов. Мне больше никто не позвонит и не потребует объяснений, не прикажет — ничего этого не будет. Я волен делать, что хочу, и строить жизнь, как я хочу. Она теперь моя.

Дверь на террасу тихо открывается, и когда я оборачиваюсь, вижу маму. Она кутается в пушистый плед, сама рассматривает меня во все глаза с любопытством и...нежностью, от которой внутри все теплеет. Черт, я так рад ее видеть...

— Думал, что ты спишь, — тихо говорю первым, она слегка пожимает плечами и улыбается.

— Не спится. Так много всего произошло...не верю, что я наконец-то не в том доме. Будто на самом деле все это сон.

Мама рассказала нам, что произошло. Она хотела уйти от отца, подала на развод, а он, очевидно, допустить этого не смог. Тогда, много лет назад, он сказал, что беременность проходит сложно, поэтому он отправил ее в Швейцарию к лучшим врачам. Это был четвертый месяц, еще четыре месяца мы разговаривали с ней по телефону, а он, как оказалось, пытался убедить ее отступить. Разными способами, но что-то в ней, давно надломленное, вдруг покрылось сталью и не позволило дать заднюю. Мама стояла на своем, и тогда отец решил, что раз она так хочет уйти — он даст ей это, но на своих условиях. Так она оказалась в доме, запертая там, как в клетке, на долгие годы и без возможности сбежать.

Я помню тот день, когда он сказал нам, что она умерла. Светило солнце. Я играл в футбол, когда приехал начальник охраны отца. Темный костюм, черные очки — я чувствовал себя сыном президента рядом с ним. Меня это радовало, и Николай воодушевлял. Он был неплохим мужиком, но умер еще через два года, когда на отца было совершено покушение — прикрыл его от пули. Наверно и мне нужен будет начальник охраны теперь, да?

Мотаю головой, опуская взгляд на сигарету. Черт, я при ней курю, и этот как-то коробит. При отце — нет. При ней — да. Совершенно точно да. Поджимаю губы, бросаю на нее взгляд и как-то глупо прячу руку за спину, от чего мама улыбается только шире и присаживается в кресло.

— Я знаю, что ты куришь. Расслабься.

— Прости.

— Ничего. Ты взрослый мужчина, и хотя мне это не нравится...

Больше мне ничего не нужно. Я отбрасываю только наполовину истлевшую сигарету в сторону и неловко потираю руки друг о друга, вызывая у мамы смех.

— Твой отец рассказывал, что ты куришь специально при нем, хотя его это бесит.

Улыбаюсь, но тяжесть все равно присутствует, и этого не уберешь обычной шуткой. Медленно подхожу к ней и сажусь рядом в соседнее кресло, слегка хмурю брови, разглядывая свои ладони.

— Мне жаль, что все так произошло. Если бы я знал...

— Макс, прекрати, — мама нежно берет одну руку в свою и сжимает, чтобы я посмотрел ей в глаза, — В том, что со мной случилось, твоей вины нет. Ты не мог знать, что я жива. Петя для этого приложил все возможные и невозможные ресурсы. Все нормально.

— Это Стокгольмский синдром? — мама приподнимает брови, — Ты так о нем говоришь...спокойно.

— Всю свою злость я уже выпустила.

— И тебе этого достаточно?

Мама слегка пожимает плечами, кутается в плед сильнее, а потом переводит взгляд в небо с легкой, грустной улыбкой.

— Его сильно испортила власть и деньги, но когда-то он был другим человеком. Я его, наверно, никогда другим и не смогу воспринимать. Ты его совсем не знаешь, Макс.

— И не хочу. Надеюсь, что его убьют.

— О, Артур его не убьет. Если бы он этого действительно хотел, твой отец был бы мертв.

— Ты могла его убить.

— Не одобряешь мою слабость? — тихо спрашивает, снова глядя мне в глаза, но не дает ответить, продолжает, — Я знаю, почему ты так на него злился. Она красивая.

На секунду мое сердце замирает, а потом начинает чаще биться. Я сразу думаю об Амелии, что она ее видела, что она о ней знает, а значит — она жива. Но потом все рушится...я догадываюсь, что говорит мама не об Амелии, а о Лиле, поэтому отклоняюсь на спинку кресла и перевожу взгляд в сторону.

— Я уберу ее отсюда завтра. Прости, что сегодня...

— Ничего страшного, — перебивает мама, и когда я снова на нее смотрю, слегка кивает, — Я не против Лили. Ирис просила меня за ней присмотреть. Знаешь, они и правде очень похожи внешне, но характер разный. Лили намного мягче. Она очень сильно запугалась, Макс...

— Ты ее не знаешь.

— Ты прав, но Ирис знает. Смерть ее отца, уход матери, то, что произошло с Розой...все это на нее сильно повлияло, не смотря на то, что девочка пытается показать обратное. Она ребенок совсем, и у нее очень много внутренних конфликтов. Ей правда нужна помощь...

— Меня это больше не интересует. И когда тебе Ирис успела все это сказать?!

Но через миг до меня и самого доходит. Я подаюсь вперед и, слегка прищурившись, тихо протягиваю.

— Она знала, что Лили останется...

— Догадывалась. Она очень хорошо знает свою племянницу.

— А откуда ты так хорошо знаешь Ирис?

— Ирис — моя лучшая подруга. Мы знакомы давно, и она обо мне никогда не забывала.

Приезжала ко мне в тот дом, мы часами с ней разговаривали...

— Стоп, она приезжала?!

— Да. Привозила мне новости...о вас и ваших успехах, показывала фотографии...Она мне рассказала, что Лили встречается с тобой.

— Но там же была охрана и...

— Ее бы она не засекла. Ирис смелая и отважная, а Артур научил ее всему, что знает сам.

— Ты хорошо их знаешь...

— Они оба мои близкие друзья. Ты злишься на Лили?

— Нет.

— Макс, я все понимаю...

— Почему ты так ко всему этому относишься?! — вдруг взрываюсь и резко смотрю ей в глаза, — Мам, тебя держали под замком...столько лет! И пока ты там сидела, мы выросли, а он...

— Забрал у тебя очень многое.

Замолкаю и тушу в себе огонь, которым не хочу ее задевать. Нет, только не ее. Мама это оценивает, придвигается и снова берет мою руку, но я не поднимаю глаз. Не хочу. Не могу.

— Макс, я просто счастлива, понимаешь? Столько лет...я не хочу больше тратить себя на злость и ненависть. С меня этого хватит. Поверь, жить ненавистью и прошлым — не выход. Лили...

— Мам, прошу, хватит уже говорить о ней.

— Она глупая совсем, — не перестает она, даже наклоняется, чтобы поймать мой взгляд, — То, что она сделала — ужасно, но она совсем еще ребенок. Дай ей поблажку и шанс все исправить.

— Он взял мою вину на себя, — вдруг говорю ей тихо, но твердо, и она хмурится.

— Что? О чем ты?

— Запись разговора. То дело, которое касается Александровских...Она говорила не о нем. Амелия говорила обо мне.

Мама медленно отклоняется, но ладонь мою не разжимает, а я слежу за каждым ее вдохом, как коршун. Наверно, я хочу увидеть хоть каплю осуждения. Одновременно страшусь, но жажду, потому что заслуживаю этого. Какая-то психологическая игра разума, но я будто подсознательно ищу для себя наказания, потому что привык получать его за каждый проступок. В его отсутствии мой мир не работает.

— Я похитил ее, мама. Держал рядом. Не отпускал. Трахал. Прости.

— Я не понимаю...

— В тот вечер она сбежала от меня, поэтому оказалась в той машине. Это моя вина.

— Макс...

Но я ничего не хочу слышать. Вдруг все становится очевидным, и на меня валится то количество подавленных эмоций, которое есть на самом деле, и это тяжело. Я встаю и

отхожу к чугунному, резному балкону террасы, на который кладу руки и который сильно сжимаю, чтобы удержаться в этой реальности. Это тоже тяжело, я ведь будто тону, жмурюсь и стараюсь уравнивать дыхание и поэтому не слышу, как мама подходит и аккуратно кладет руку мне на спину.

— Макс...успокойся, все закончилось. Артур сдержит свое слово. Оно, как слово твоего отца, нерушимо.

Ты не понимаешь, мама. Мне на это насрать. Вот правда. Если честно, то мне абсолютно плевать, и единственное, что сдержало меня от признания своей вины — моя семья и мои перед ней обязательства.

— Макс, — снова зовет меня, а когда я не отвечаю, поворачивает насильно и кладет руки на щеки.

Долго смотрит мне в глаза. Разглядывает. Изучает. Узнает. И ей не требуется много времени, чтобы все понять.

— Макс, ты ее...любишь?

— Мам, скажи мне, пожалуйста, — тихо прошу, сжимая ее ладони, — Ты ее видела? Там, где вы с Матвеем были, она...ты ее видела?

— Нет, мы не выходили из комнаты.

— Он вас не выпускал?

— Ирис просила...она объяснила всю сложность ситуации, и... — мама замолкает и хмурит брови, отступает.

Я нервничаю. Мое сердце выбивает какой-то совершенно бешенный танец, который и названия то не имеет, зато имеет крутые побочки — у меня немеют пальцы. Клянусь, сколько себя помню, такого ни разу не было.

— Ты что-то вспомнила? — еле слышно спрашиваю, но мама отрицательное мотает головой.

— Нет, я сказала правду — мы были в комнате и не выходили из нее. Ты говорил с отцом накануне?

— Да, откуда ты знаешь?

— Петя не был удивлен моим появлением.

— Разве? — тускло усмехаюсь и снова тянусь за сигаретой, которую зажигаю только после ее «дающего добро» кивка.

— Поверь, да. Он бы себя не так вел, если бы он не знал, что меня забрали.

— К чему ты клонишь?

— О чем вы говорили с отцом?

— Он извинялся и рассказывал об Артуре.

— Что он говорил?

— Что он — самый опасный человек чуть ли не во всем мире.

— «Один из» — это точно, — задумчиво протягивает, а потом вдруг забирает у меня сигарету и делает затяжку, — Артур...особенный человек. Очень умный, отлично себя контролирует, но я видела, что бывает, когда посягают на его семью.

— Дай угадаю, все слишком просто кончилось?

— Да. Слишком просто...

— Я заметил, как он реагирует на меня, — скорее шепчу, делая к маме шаг, как к спасательному кругу, брошенному так внезапно, — Он смотрел на меня с ненавистью. Миша, Марина, даже отец — не удостоились таким взглядом, а я...

— Я тоже это заметила, но списала все на твое паразитическое сходство с Петром.

Мама смотрит на меня долгих пару мгновений, а потом, ничего не отвечая, вдруг достает свой телефон.

— Что ты делаешь?

— Хочу узнать правду.

— Кому ты собираешься звонить?!

— Артуру.

— И что ты спросишь?! — беру ее руку в свою, хмурю брови, — Жива ли его дочь? Ты серьезно?!

— О нет, Макс, конечно нет. Если Амелия жива, и Артур почувствует, что мы догадались — мы трупы.

— Тогда как ты это узнаешь?!

— Поговорю с твоим отцом.

— Он будет слушать.

— Пусть слушает. Я умею быть хитрой, Макс, и нас с твоим отцом тоже многое связано. Думаю, что он сможет передать мне сообщение, если он что-то узнал.

— Мам...

— Макс, твой отец может быть каким угодно, но он никому не позволит навредить своим детям. В этом они с Артуром похожи. И я тоже не позволю. Друзья друзьями, но ты мой сын, и ради тебя я пожертвую всем, — мама нежно гладит меня по щеке, а потом указывает подбородком в дом, — Иди. Я должна сделать это сама.

Восемь месяцев спустя

На часах уже девять. Я устало смотрю на ровные линии римских цифр и отгибаюсь в кресле, делая глоток виски. Он помогает мне не сойти с ума. Переговоры, встречи, перестановка кадров, смена ориентиров «АСтроя» — дорогого стоит. Не знаю, как бы я справился один. Хотя нет, знаю. Никак. Работы слишком много, и я почти живу в своем кабинете, но зато мы стали двигаться туда, куда отец в силу отсутствия ресурсов, соваться не рисковал — в сторону Азии. Теперь у «АСтроя» две головы, что всегда лучше, правда все равно не способствует здоровому сну. На этой неделе я спал всего пятнадцать часов от силы и выгляжу, как ходячий труп. От меня, наверно, все поэтому и шарахаются, когда я иду по офису, а может это из-за меня самого? Говорят, что энергетика у меня тяжелая, и взгляд резкий, острый, может так и есть. Я без понятия, и мне плевать.

Как же хочется спать. Просто упасть лицом в подушку и не подниматься, и я почти готов вырубиться прямо в своем кресле, что непременно сделал бы, но слышу тихий стук в дверь. Отлично. Пришла.

Лили заходит ко мне, и она очень взволнована. На ней синяя блузка и брюки — ничего «слишком». Строгие, изящные лодочки, пиджак, никакого декольте, а волосы убраны в хвост. Она вообще очень изменилась, если честно, пытается обелить свою репутацию, поменять отношение к себе, хотя мы оба знаем — ничего у нее не выйдет. Я даже усмехаюсь этим жалким попыткам, делаю еще один глоток и указываю в кресло рукой.

— Присаживайся, я тебя уже заждался.

Ничего не отвечает, никаких колкостей. Лили слегка кивает и неровной походкой направляется к креслу. Здесь все поменялось с времен отца, никакого «старого Лондона», а

один сплошной минимализм, разве что на стене, где когда-то висели подсолнухи, теперь висит огненная фотография заката. Забавно, но мне сейчас легче переносить нашу схожесть с отцом: подсолнухи напоминали ему о маме, мне закат тоже кое что напоминает, но об этом сейчас думать я не хочу. Вместо этого цепко разглядываю Лили. Она волнуется еще больше, сжимает ладони на коленях, неловко поправляет волосы. Такое ощущение, что ей сложно усидеть на одном месте, и я ее понимаю. Однажды ее тоже пригласили в этот кабинет, чтобы предложить судьбоносный контракт. Я тоже предложу, позволю себе и в этом последовать отцовскому примеру.

— Помнишь, восемь месяцев назад мы тоже сидели в похожем кабинете. Давно это было, да?

Лили на миг замирает, приоткрывая пухлые губы, потом резко опускает глаза на свои колени и пару раз кивает.

— Помню.

— Зачем ты тогда пришла? Правду скажешь?

— Хотела тебя обезопасить.

— Ты все еще этого хочешь?

Снова смотрит на меня, теперь испугано. Спорю на что угодно, что она боится того, что я хочу ей сказать, и не могу отказать себе в удовольствии утолить свое любопытство.

— Ты боишься?

— Макс...зачем ты позвал меня?

— Тебе известно, что через четыре месяца я женюсь...

— Конечно, — тише шепота соглашается, нервно проглатывая ком в горле, и я расплываюсь в еще более широкой улыбке.

— Нет, серьезно, ты боишься?

— Макс, я...я не понимаю к чему ты клонишь.

— Помнишь, тогда в доме моей матери, я просил тебя сказать мне правду, — цепко смотрю на нее, ожидая кивка, и когда она это делает, я отставляю стакан и приближаюсь ближе к столу, — Ты готова это сделать?

— Что сделать?

— Сказать мне правду? О том, что ты действительно чувствуешь?

Кажется у нее пропали все краски не только с лица, но и из глаз. Лили онемела, а мне только это и нужно было — не всю же жизнь ей подкладывать мне свинью. Поэтому я смотрю на нее, нервирую, заставляю пульс отдаваться в горле, в висках, да во всем ее теле. Нет. Лили этого не хочет, и я не про «правду», а про причину «почему она здесь».

Дверь резко распахивается, а я даже не вздрагиваю — знал, что так будет, и усмехаюсь, отклоняясь на спинке стула. Перевожу взгляд на гостя — это Матвей. Он весь на взводе. Он недоволен. Зол. Готов меня убить, читаю по глазам. Забавно, когда-то давно, оказавшись на его месте, я не рискнул пойти к отцу так яростно, как он. Лили же сама все подписала, как ни крути, зато потом, много лет спустя, на одном дебильном аукционе, я был и на месте Матвея...

— Что. Здесь. Происходит?!

— Беседуем с Лили о ее будущем в нашей семье, а ты что здесь делаешь?

Мой снисходительно-саркастичный ответ приходится ему, как кость в горле. То есть совершенно не туда. Картина, как Матвей медленно багровеет — лучшее, что со мной происходило за последние несколько дней, и это умиляет. Прибежал защищать «свое» —

трогательно. Интересно, я также глупо выглядел?

— Что ты сейчас сказал?! — вместо меня Лили вдруг тихо-тихо шепчет, чуть ли не всхлипывая.

— Матвей, пожалуйста...не надо.

— Что ты ей предложил?! — орет, будто и не слыша ничего вокруг, я спокойно пожимаю плечами.

— Пока ничего. Тебя ждали. Присаживайся.

«В смысле?!» — читаю в выражении его лица, а потом и в ее, когда перевожу свой взгляд на Лили. Слегка закатываю глаза.

— Знаю я все «о вас». Садись уже, я дико устал, чтобы играть с вами в гляделки полночи.

Матвей недоверчиво косится на СВОЮ девушку, и да, она именно его. Забавно вообще, как все так получилось. Пока он проходит в кабинет, прежде прикрыв за собой дверь, я вспоминаю, как стал замечать за Лили перемены. Постепенные, но верные. Она еще раз пыталась меня соблазнить, а потом все прекратилось. Думаю, что эта попытка то была, скажем так, просто для галочки, для самоуспокоения. Она ушла с работы, поладила с мамой — та помогла ей, как обещала своей подруге, но, думаю, больше потому что ей ее было действительно жаль. Лили — ребенок, который потерял слишком многое, включая себя саму. Ей нужно было разобраться в себе, и помощь пришла, откуда не ждали — Матвей. Он всегда был в нее влюблен, поэтому простил за то, что она лягнула сдуру, а это было именно сдуру. Лили тогда отца совсем не знала, поэтому думала, что так поможет им поладить — святая простота. Честно? Я за них рад. Тем, что делал отец, не занимаюсь, поэтому деталей их отношений не знаю, но я на самом деле вижу, как она поменялась. Что она, наконец, успокоилась.

— Ты...знаешь? — тихо спрашивает Матвей, но тут же подбирается и смело смотрит мне в глаза, а после берет ее за руку, — И хорошо. Если ты задумал дичь какую-то, я тебе не позволю. Она не станет твоей любовницей.

Начинаю смеяться. 1:1. Макс против Макса, или, короче, прав я был. Вот чего Лили боялась — похожего контракта, только теперь со мной. Жаль ее огорчать, но она не похожа ни капли на ту, кто мне на самом деле нужен. Увы и ах.

— Что смешного?! Думаешь, что я не смогу...

— Матвей, завязывай истерику, прошу, — тихо останавливаю его, а потом кидаю ему конверт, — Это вам.

Внутри подарок. Здание в Италии и квартира рядом.

— Что это?

— Вам придется уехать, — продолжаю, разглядывая в окно ночное, густое небо, — Сами понимаете, что ситуация у нас — дерьмо. Ты спала со мной, потом с моим отцом, и вся Москва в курсе. Ты никогда не отмоешься, Лили, извини. Чтобы ты не делала.

Лили опускает глаза, а Матвей, что я вижу боковым зрением, сильнее сжимает ее руку, после гневно смотрит на меня. Я отвечаю ему все также блекло и устало.

— Прости, братишка, но такова действительность. Зато в Италии вы будете свободны.

— Что? — теперь тихо спрашивает она, и я жму плечами.

— Я купил вам здание, рядом квартиру — откройте галерею, если не получится, всегда можно поменять вектор. Захочешь, можем поговорить о филиале нашей компании, которой ты будешь управлять. Посмотрим по ситуации.

— Ты купил нам здание?!

— Ну...мы купили. Это семейный подарок, плюс стартовый капитал.

— У меня есть деньги.

— Знаю, Мат, но мы правда хотим вам помочь. Это от всей души.

— Все...вы? — еще тише переспрашивает Ли, только тогда я смягчаюсь.

— Лили, ты очень изменилась. Даже Марине пришлось это признать, но это правда.

Самое главное — ты горишь рядом с Матвеем, как со мной никогда не горела, и я за тебя очень рад. За вас обоих.

— Это что...благословение? — усмехается брат, хотя в глазах горит благодарность, на которую я тоже отвечаю мягкой улыбкой.

— Типа того. Попробуете построить что-то, но не здесь. Вам просто не дадут житья, поверьте моему опыту. Даже если я куплю все статьи о вас, это ничего не поменяет. Если только Лили готова отказаться от Москвы...?

— Да! — выдыхает, после роняя слезы на грудь, но не печальные — напротив счастливые.

Черт, я ее такой действительно никогда не видел...Еще одно подтверждение: ради меня она ни за что не отказалась бы от Москвы. Даже грустно немного, но когда она обнимает Матвея за шею, становится теплее.

— Ли, наладь отношения с тетей, — говорю напоследок, расцепляя парочку, — Тебе это нужно. Прекрати вести себя, как ребенок.

— Боюсь, что уже поздно.

— Не попробуешь, не узнаешь. А теперь идите уже, мне от ваших визгов хочется выпить еще больше, чем я осилю.

Они улыбаются еще глупее и счастливее, встают, но у двери она тормозит и оборачивается.

— Макс, ты просил правду? — я бросаю на нее взгляд, а она, помявшись, кивает, но словно самой себе, — Я тебя разлюбила, но не признавала самой себе. Прикрывалась.

— Зачем был нужен тот разговор в кабинете?

— Ты все еще дорог мне, не смотря на мои чувства. Ты всегда будешь мне дорог. Я тебя люблю, но я больше в тебя не влюблена.

— Спасибо за правду.

— Удачной свадьбы.

Да... — усмехаясь, кивая закрывающейся двери, и снова перевозжу взгляд в сторону неба, — Удачной мне свадьбы...

Три месяца назад

Приземление выходит спокойным, хотя я его почти и не помню. Сицилия тоже встречает приветливо, а я не обращаю внимания ни на что — вообще ни на что! — мне плевать. Сердце так сильно бьется, и я постоянно погружен в свои мысли, а единственное, что в них есть — конечная точка маршрута. Со мной Миша. Он выступает фактором контроля, но я сейчас не против. У меня нет желания сопротивляться, лишь бы побыстрее прибыть, и наконец это происходит.

Ачи-Кастелло. Пляж. День. Сегодня достаточно жарко, так что людей много, но это нам на руку. Спасибо отцу, он — наши уши в стане врага, и я ему за это благодарен искренне и от

всей души. Никогда бы не думал, что он станет моим спасением, но я здесь только благодаря его информации.

— Пойду, поспрашиваю аккуратно, — тихо говорит Миша, отодвигая свой сок и хмуря брови, — Только не делай глупостей, понял? Без. Глу...

— Без глупостей, я все понял! — огрызаюсь, а сам блуждаю глазами по народу, — Иди уже, даю слово скаута.

Бред. Даже если бы я им и был когда-нибудь, все равно бы нарушил. Я здесь не для того, чтобы держать глупые обещания, я здесь для того, чтобы вернуть свое сердце обратно.

А оно живо. Она жива. Теперь я знаю точно. Снова спасибо отцу за хлебные крошки. Наверно, он не мог сказать наверняка, пока не увидел Артура, а потом было слишком опасно, но он оставил мне подсказки, которые я долго сопоставлял. Артур смотрел с ненавистью лишь на меня — первое. Второе — мы живы, что, очевидно, не могло бы произойти, случись то, во что нас пытались заставить поверить. Третье — Элай спалился. Я тогда не придавал значения, как и тому, как Ирис его оборвала, но он сказал: «Забавно это слышать от тебя». И это важно. Он — самый нестабильный и эмоциональный, к тому же брат, который ближе всех, как бы они к друг другу не относились. Он — самое важное звено. И он не сдержался. Амелия не могла ему рассказать до того, как сбежала, только после смогла бы его во все посвятить. А он знал обо мне, о нас, он все знал. Они все всё знали.

Она — жива.

Я знаю, чувствую это. И знаю, что она где-то здесь.

Снова прохожусь взглядом по набережной с диким волнением, пока вдруг не вижу светлую макушку.словно планета сошла с орбиты — в этот момент, весь мой мир померк и сжался до размеров одной девушки. Она сидит под деревом на скамейке, пока мимо несутся дети. Я не вижу ее лица, но точно знаю — это она. И меня несет. Нет, серьезно. Ноги сами уводят меня из бара, мимо толпы людей, дальше — к ней.

Я почти рядом, но вдруг меня толкают за небольшое здание и прижимают к стене. Это Миша, и сила его никуда не делась. Мощной рукой, предплечьем, он упирается мне в грудь, а сам зол, как черт.

— Что я сказал о глупостях?!

— Отпусти!

— Макс, закрой рот и не ори! — шипит, приближаясь ближе, — Успокойся!

— Отпусти меня, твою мать! Это она!

— Да! — орет в ответ, но потом понижает голос и шепчет, — Но она не одна...

Тут же, как по команде, слышим наглый голос ее брата. Богдана.

— ...Я за этой водой простоял просто огромную очередь. Надеюсь, что ты еще ее хочешь...

— Спасибо.

От ее голоса по телу проходят мурашки, и я больше не пытаюсь вырваться. Застываю. Смотрю во все глаза на нее. Амелия повернула голову в профиль и улыбается, забирая из рук Богдана бутылку. Черт, меня как током дернуло. Хотя нет, не так. словно по телу прошли тысячи тысяч вольт — вот она правда.

— Поможешь мне встать? — спрашивает, вытягивая руки, а Богдан усмехается.

— Ах теперь ты милая, да?

— Пожалуйста.

— Еще и пожалуйста? Черт, ты не перегрелась здесь?

— Богдан!

— Ну хорошо, хорошо, только не пищи.

Бережно, очень нежно, он берет ее за руки и тянет на себя. На секунду я думаю, что может быть с ней что-то случилось? И я оказываюсь прав. Случилось. Только если секунду назад я думал, что через мое тело прошло столько тока, то как мне описать это чувство сейчас, когда я вижу, что она...беременна?

В голове будто разорвался снаряд. Амелия тем временем гладит живот и усмехается.

— Этот ребенок просто огромный. Нет, серьезно. Он огромный!

— Что же на выходе будет, да?

Рвусь. Резко, но Миша с силой, правда запоздало, прижимает меня к стене обратно. Мотает головой, мол, нет, но как это нет?! Это мой ребенок! Я знаю точно, что мой!

— У меня так болит спина... — стонет она, выгибаясь, потом хмурит брови, а мы с Мишей резко прячемся за стену — они идут в нашу сторону.

И как хорошо, что мы так близко — я могу слышать каждое слово.

— ...Не понимаю, почему это так важно.

— Амелия...

— Нет, я серьезно. Он так психует, можешь даже не отрицать, я вижу, когда папа обижается. Но это мое решение! Он должен его уважать!

— Он уважает твое решение, мелочь, но и ты должна понять — семья для него святое.

Она что хочет отдать моего ребенка?! — остро проносится мысль, и я хмурюсь сильнее, слыша, как Амелия тяжело вздыхает.

— Это просто место. Что за драма?

— Для тебя это просто место, но Япония для него — это важно. Это дом. Дети должны рождаться дома.

— Для меня Япония — это боль. И опасность. И боль, — усмехается, даже, кажется слегка закатывает глаза, но потом становится серьезной и останавливается.

Да так близко, что я, кажется, чувствую запах ее духов.

— Я не хочу, чтобы мой ребенок касался той жизни, понимаешь?

— Мел, клан — это дерьмо, — в кои то веки серьезно отвечает Богдан, тормозя напротив сестры, — Я даже врать не буду. Все, что я знаю об этой черни — дичь, но то место — это не клан. Когда отец был маленьким, а Имаи управлял Тадаши, он растил своих последователей не так, как принято теперь. Честь, достоинство, вера, сила духа — он воспитывал своих воинов, как истинных самураев, как его воспитывал его отец, а до него его отец. Это традиции. Япония может быть и мертва, но там живы традиции. Монахи. История и культура. К тому же, он верит, что там дают обереги, которые защищают и будут защищать нас всю жизнь.

— Что-то со мной этот оберег маху дал. Посмотри на меня. Я беременна от... — осекается, и вместо моего имени вздыхает, а Богдан вдруг спрашивает.

— Ты не жалеешь?

— О чем конкретно?

— Ну не знаю... Хотя я понимаю. Он ничего такой. Наверно. По крайней мере Дарина так говорит.

— Я знаю, что она говорит. Она мне весь мозг склевала своими сравнениями. Говорит, что ребенок у нас будет огонь...

— Ты красивая. Тут без вариантов.

— Я не жалею, — тихо отвечает она, потом, помедлив, добавляет, — Макс...я ему благодарна. За него...

— Он? Не выдержала и узнала пол?

— Нет, — смеется, — Я просто знаю, что у меня будет сын.

— Это...пугает. Мракобесие?

— Мне приснилось, так что можно и так сказать. Спасибо, что не трогал его.

— Элая благодари. Я то помягче все-таки.

— Это да...Что будет дальше?

— А что будет дальше? Питер теперь наш дом. Классно, да? Теперь у нас есть дом.

— Я не вернусь в Россию.

— Мел...

— Нет, серьезно. Я не вернусь, пока не буду уверена, что он меня не ищет.

— Думаешь, что он не поверил?

— Я не знаю, но...теперь я не одна, должна думать и о нем тоже. Это мой ребенок, и я буду его защищать.

Сука.

— Не ты одна. Отец никогда не допустит, чтобы с вами что-то случилось.

— Знаю.

— И...раз уж мы снова о нем. Знаешь, это для тебя не так важно, но для него все иначе. Постарайся понять его: он очень хочет, чтобы его внук родился в месте, которому он доверяет, Мел, — тихо продолжает Богдан, а потом слегка улыбается, судя по интонации, — Безопасное место и все дела. Как в домике, а?

— Очень смешно. Ты...

Вдруг она затихает, и я тут же отбрасываю всю злость, потому что слышу, как Богдан обеспокоено повышает голос.

— Что? Что такое? Что-то с ребенком?

— Он...толкнулся...

Она так счастлива, а я готов сдохнуть. Забавно. Слышу, как Амелия глупо смеется, и все, что хочу — убить ее. Не шучу. Серьезно. Аж руки сводит.

— Господи, малая... — вздыхает Богдан, а потом добавляет, — Мама была права, а? И зачем мы только тащились к врачу...

— А вдруг нет? — обижено цыкает, но потом уже мягко добавляет, — Но да, все в порядке. Значит, он правда просто спал...

— А вон и папа.

Богдан в очередной раз издает глупый смешок, правда через пару мгновений добавляет, но уже тихо:

— Он согласится на что угодно, ради тебя. Хочешь рожать здесь? Пожалуйста. Хоть в Тибете, но ему правда важно это. Он верит в то, что та земля благословляет и помогает. Не скажет, совет ради тебя, спрячет гордость...Он же прямо сейчас ее прячет. Пришел. Знаешь же, как ему было сложно, а он пришел. Ради вас обоих. Волнуется...Подумай об этом, хорошо?

Сейчас

От злости, которая так и не утихла, швыряю стакан точно в чертову картину напротив, а

потом встаю. Подхожу ближе к пропасти, на которой по сути и балансирую. Мои окна — восемьдесят шестой этаж, — и отсюда все кажется крошечным. Черт, да я на вершине мира. Как бы. Это самое важное, потому что из-за этого «как бы», я не могу забрать своего ребенка. Я его даже не видел. Я даже не знаю, кто это: мальчик или девочка? Часто об этом думаю, гадаю права она была? Как назвала? Как он выглядит? Какой он?...пока не сплю долгими ночами и пялюсь в потолок.

Я ее ненавижу. Сейчас, за это, ненавижу. Ну ничего. С возможностями всегда такая забавная штука — они появляются, если этого очень захотеть и много работать. Я много работаю. И когда-нибудь, клянусь, у меня будет достаточно возможностей, чтобы ты мне за все ответила, А-ме-лия.

Эпилог. Ain't No Mountain High Enough

'Cause babe,
There ain't no mountain high enough
Ain't no valley low enough
Ain't no river wide enough
To keep me from getting to you
J2 — Ain't No Mountain High Enough [\[16\]](#)

Пять лет спустя
Макс

Она пронесется мимо меня, как яркий всполох огня. Рыжие, длинные волосы, укладка, красивое, откровенное платье. Я ждал ее здесь, и теперь когда вижу, с большим трудом узнаю в этой молодой женщине ту, кого когда-то встретил на балконе многоэтажки. О той малышке, сошедшей с трапа самолета, речи вообще не идет. Нет, Амелия совершенно другая, но я не спешу подходить — наблюдаю. Тихо, спокойно, как вор.

Все, кто проходят мимо нее — оборачиваются. Еще бы. Она действительно потрясающе выглядит. Высокие шпильки добавляют роста и делают ее задницу выразительнее. Сама она подтянутая, сексуальная. Обычно, я не воспринимаю рыжих — это не мое. Слишком хорошо отложилась в памяти одна из жен отца, закрепив на подкорке абсолютное отторжение к женщинам, выбравшим этот цвет волос, но я не могу отрицать. Она действительно шикарна.

Темные очки скрывают ее необычные глаза, но улыбка — широка и счастливая, так и притягивает всех, а насыщенное, изумрудное платье, только добавляет внимания. Нет, на нее пялится просто каждый, даже Арай. Он давно женат на Кристине, у них есть дочь, и обычно я не замечаю за ним такого откровенного интереса, но даже он с открытым ртом наблюдает за удаляющейся фигурой.

— Что? — ершится он в ответ на мои поднятые брови, — Такого я уж точно не ожидал.

— Пошли, мы здесь не для того. И слюни подбери, твою мать.

Идем следом. Она спешит, смотрит на часы, оглядывается, а потом останавливается по середине торгового комплекса. Улыбка пропадает, пока она придирчиво осматривает верхние этажи, но через миг будто и не было этого — снова улыбается и поворачивает в сторону второго. Мы идем следом. Держимся на расстоянии, но не теряем из виду ни ее, ни каждое ее движение, а потом занимаем место в первом ряду, откуда можем наблюдать без проблем.

Амелия поворачивает в коридор, ведущий к пожарной лестнице. Люди идут мимо, даже не подозревая о том, что сейчас происходит — такова жизнь. Мы слишком погружены в свои проблемы, чтобы заметить трагедию, которая вот-вот развернется прямо у нас под носом.

Маленькая девочка и какой-то мужик маячат прямо перед ней. Она их окликает. Я не слышу, что вполне логично — мы слишком далеко, не так как было в Италии когда-то много лет назад. Тогда то просто свезло, совпадение такое забавное, сейчас и прятаться негде. Все, что остается — действительно смотреть из-за угла. Амелия о чем-то говорит с малышкой, а потом указывает ей в сторону выхода. Та поворачивается, перебирая в руках ухо плюшевого

кролика, во все глаза пытается что-то увидеть, в то время как за ее спиной Амелия одним резким движением бьет в шею мужика чем-то маленьким. Мы с Араем переглядываемся, но лишь на миг, не желая пропустить продолжения, а оно тоже есть. Незнакомец начинает оседать, но не успевает. Дверь запасного выхода открывается, откуда выходит здоровый мужик в форме работника каких-то служб, подхватывает его и утаскивает за собой.

Малышка поворачивается. Спасение заняло всего несколько секунд, и выглядело оно весьма эффектно. Амелия берет ребенка за руку, а потом ведет обратно. По громкой связи передают: внимание! Потерялся ребенок. Ее зовут Алиса, ей пять с половиной лет. Она одета в розовую кофту, красную, джинсовую юбку и белые колготки. У нее в руках кролик. Пожалуйста, если вы ее увидите, приведите к стойке регистрации на первом этаже или сообщите, если ее заметите.

— Неплохо... — протягивает Арай, заказывая кофе, тем временем я продолжаю следить за Амелией.

Она подводит девочку к стойке регистрации, о чем-то говорит с девушкой, скорее всего мамой девочки, потом к ним подходит мужик в черном костюме. Начальник охраны — догадываюсь без особого труда, и также догадываюсь, что скорее всего он просит ее дожидаться полицию. Даже не просит, настаивает, и ничего странного в этом тоже нет — в Питере уже полгода похищают детей.

Амелии удастся от него отделаться под предлогом «посетить дамскую комнату», ведь направляется именно туда. Слежу дальше. Внимательно слежу. Не пропускаю ни секунды. Через минуты три по прикидкам, в арке появляется девушка с ярко-розовыми волосами, в кепке и объемной, черной джинсовке. Она идет рядом с «подружками», громко возмущается о парнях, но как только проходит мимо охранника, тут же от них отделяется. Я усмехаюсь — она.

Конечно же она. Я бы узнал ее из тысячи, пусть бы она хоть кем притворилась.

— Пошли.

Командую остро, встаю и, не дожидаясь Арая, направляюсь в сторону эскалатора. Признаюсь честно, волнуюсь. Мандражирую. Немного теряюсь. Пять лет прошло, и я слишком долго ждал этого момента, чтобы ничего не чувствовать.

Амелия

— Где ты?

— Третий уровень.

Звук удара, но я сразу же сбрасываю. Не могу не обернуться и не посмотреть вниз на девочку, которая обнимает свою маму за ноги, так как та рыдает белугой. Вот честно? Очень хотелось бы подойти и треснуть ее, хотя я и понимаю — никто от этого не застрахован. С детьми нужно смело и сразу отращивать сто пар глаз на каждом миллиметре своего тела, и того мало будет. По опыту говорю, потому что я за своим ребенком слежу, как коршун, а он все равно умудрился проглотить шарик! От воспоминаний меня встряхивает, и я веду плечами. Мама говорит, что я слишком переживаю, слишком волнуюсь по каждому поводу, и она, наверно, права. Все дело в том, что мне постоянно кажется, что я недостаточно хорошо справляюсь. Может это и нормально? Жить с вечным чувством «я отстойная мать», ведь ответственность слишком давит. Она слишком большая.

Ладно, буду корить себя дальше, но чуть позже. Сейчас я на работе. Иду быстро, чеканю

шаг в этих жутко неудобных ботинках, которые, клянусь, выброшу, как только доберусь до машины. Выхожу на парковку. На улице тепло — май, и по пути к неприметной, серой газели, я снимаю кожаную куртку, а вместе с ней и парик, который тут же выбрасываю. Сто раз повторяла себе — прячь «свою работу» под замок, твою мать. Ну не дура? Нет, сто пар глаз — маловато.

Открываю боковую дверь и кривлюсь от скрипа плохо промазанных колесиков.

— Мог бы уже и исправить, — бурчу под нос на что в ответ слышу приглушенный смешок Эрика.

Это мой друг. Вообще, если уж на чистоту — это мой лучший друг, правда когда-то был другом Маркуса. Они учились вместе, и, как Маркус, Эрик чувствовал себя мягко говоря «не в своей тарелке». Еще бы! Хорошо представляете себе жизнь сына нигерийского солдата под Самарой? И правильно. Лучше не стоит это представлять. Люди могут быть жестокими, особенно в замкнутом пространстве.

Но он не унывал. Никогда. До сих пор не унывает, не смотря на то, что женат на просто ужасной, капризной и несносной девчонке — одной из моих лучших подруг, Оливии. Она вообще тоже была сначала и не моей подругой, девчонка увязалась за Богданом. Тоже учились вместе, потом ее родителей убили. Он был тем, кто ее тогда и спас. Помог.

— Простите, мадам, я был слишком занят.

Еще один разряд тока приходится в шею скрученного по рукам и ногам ублюдка, на которого я смотрю с призрением. Он не орет — кляп, но мы на всякий случай стоим в отдалении. Третий уровень парковки — считай пустыня, тут только «перекати поля» не хватает. Основной поток людей всегда паркуется на первых и последних уровнях, на вторых, если нет мест, а на третьих в последнюю очередь. Нам это хорошо известно.

— Сказал?

— Молчит.

— Бей еще.

Говорю тихо, бесцветно и отгибаюсь на спинку мягкого кресла. Вокруг нас мигают лампочки всей той техники, которая «просто необходима» Эрику. На самом деле он просто барахольщик чертов, видели бы вы его квартиру. Они с Оливией частенько устраивают ссоры по поводу того, что он тащит в дом всякий хлам. Вообще, они по многим поводам ссорятся, чтобы потом страстно помириться, но этот пункт частенько повторяется, а значит все таки является проблемой. Это даже забавно, и я слегка улыбаюсь.

— Когда ты научишься держать рабочее место в порядке?

— Не начинай.

Стрекочущий удар тока и жалобный стон боли, но я не испытываю сожалений. Сейчас, ага. Этот мудака полгода воровал детей из торгового центра, чтобы отвести своего извращуге-боссу. Нам это известно, но также нам известно, что это не полная картина всей схемы. Мне нужна полная. Чего-то не хватает.

— Видела их?

— Я не отвлекалась на этот бред.

Ах да, насчет бреда, от которого даже сейчас я закатываю глаза, потому что чувствую дикий дискомфорт, как будто я актриса на сцене, твою мать. А это, черт возьми, далеко не так, но наш босс — Степан Степанович, — слишком загорелся яркими перспективами на горизонте.

Нет, если рассуждать с точки логики, то все правильно. Крупный бизнесмен связался с

нашей конторой, ему нужна помощь в каком-то деле, но детали разглашать он не станет, пока не убедится в нашей профпригодности. Вообще, это против правил, но Степан Степанович позволил ему увидеть одну из наших операций на практике. Жребий пал на меня. Конечно же. Твою мать. Меня это злит, бесит, потому что я знаю, что за мной наблюдали в торговом центре, но если действительно отбросить (попытаться хотя бы) все эмоции в сторону — гонорары просто шоколад, а перспектива работать с таким крупным клиентом вмиг вознесет нас до небес. Это единственное, что меня радует, потому что я стараюсь не брать денег у родителей. Знаю-знаю, наверно такой заскок есть у всех «наследников», но мне хочется доказать, что я сама могу содержать своего ребенка. Не просто же так я столько лет получала юридическое образование, пусть и заочно, тренировалась и вообще решилась на все это. Это какой-то большой заскок — мне просто необходимо доказать всем-всем на этом свете, что я справлюсь и без *него*. Я смогу. Ни мама, папа или братья, а я. Сама сделаю так, чтобы у моего ребенка было все, чего он только захочет. Теперь нам нужна квартира побольше. Я уже даже присмотрела парочку вариантов, осталось только заработать на них.

— Давай ты увеличишь напряжение.

— А что? Ты куда-то спешишь?

Эрик смотрит мне в глаза своими прекрасными, зелеными, которые так сильно контрастируют на фоне его кожи, что становятся еще ярче. Я стараюсь на это не отвлекаться, пусть черт и знает, что все равно отвлекусь. Вон как ухмыляется, козел, так что нет. Нет у меня шанса сдержать ответную улыбку...

— Прекрати.

— Что такое, любовь моя?

— Я встречаюсь с Астрой через полчаса. Хотелось бы закончить до этого момента. Ты же знаешь, что иначе начнется...

— О да. Этот дьявол на колесиках всего его истыкает. Допрашивать будет сложновато...

Закатываю глаза. Моя племянница — это ад в квадрате. Она настолько неугомонная в свои семнадцать, что стала головной болью буквально всех, кто ее знает. Особенно достает семью и вообще не фильтрует свой базар. Арнольд с ней совершенно не справляется, и это печально, если честно. Как бы он не старался, но девчонке нужна мать, а он ни в какую. Теперь мой самый старший брат занимается гостиницами. Наверно хотел все-таки на подсознании подковырнуть свою бывшую, а может ему действительно нравится? Он только загадочно улыбается, когда Богдан в очередной раз до него докапывается, я же не лезу с этой темой никогда. Вообще никогда не произношу в слух эту чертову фамилию.

— Если я увеличу напряжение, то поджарю ему мозг. Хочешь? Мне то не жалко.

— Давай. Может тогда начнет говорить, а не хныкать себе под нос.

Человек, а его зовут... пусть будет Ярик, потому что на самом деле я не знаю, как его зовут — мне плевать. Нет, я знала, конечно, просто не запомнила — для меня он не человек. Уж простите. Наверно, каждая мать так и думает, потому что слыша такие истории, сразу представляет на месте истерзанных детей, своего. Я вообще не очень люблю прямую жестокость, и за это дело бы не взялась. Мои услуги другие, более деликатные, и в нашей конторе есть те, кто на таких вот ублюдках и специализируются, негласно помогая доблестной полиции, просто на этот раз я мимо не смогла пройти. Случайно увидела фото с места преступления, и как отключило. До сих пор стоит эта ужасающая картина перед глазами, поэтому я совершенно не испытываю сожалений, глядя, как Ярик извивается ужом

на полу, плачет, и, очень надеюсь, на этом все. Только химчистку же делали...

— Что-то хочешь сказать? — елеино протягиваю, сцепив руки в замок и глядя ему прямо в глаза, — Малыш, если я вытащу кляп и не услышу ничего дельного — я тебе яйца отрежу и заставлю их сожрать. Заорешь — сначала это будет твой язык. Понятно изъясняюсь?

Судорожно кивает. Ему страшно. Он привык бояться, конечно, но сейчас ему еще страшнее, потому что он не знает, чего ожидать. Неизвестность всегда пугает больше.

— Он убьет меня. И вы. Не прячете лица, значит убьете. Какой мне смысл говорить? — тяжело дыша изрекает, на что я усмехаюсь и достаю свой красивый, расписанный узорами пистолет с длинным глушителем.

— Тебе не его сейчас нужно бояться. Его здесь нет. А я вот она сижу. Ты себе даже не представляешь, что я могу с тобой сделать, уважаемый. Он покажется тебе манной небесной, гарантирую...

— Если я заговорю, он...он...

— Брось, ты же должен понимать, что все кончено. Открой мне все секреты, и мы договоримся.

Думает. Его зрачок, кажется, судорожно сжимается в такт пульсу, а может это просто игра воображения? Я же буквально слышу, как его сердце отбивает острый, скорый ритм, будто он в колонках, а не в этом крошечном, воняющем трусостью тельце.

— Ты меня...меня не убьешь? Обещай!

Как жалко. Я кривлюсь и отклоняюсь на спинку кресла, доставая сигарету из кармана.

— Не убью. Начинай рассказывать.

Через двадцать минут я знаю все. Это просто, если знать, как надо пугать. Я вылезаю из машины и усмехаюсь, глядя на Эрика.

— Реально. Приберись в тачке, это уже даже не смешно.

— Что вы заладили, кобры? Приберись, да приберись. У мужчины может остаться хотя бы один уголок его личной свободы? Считаю, что это моя индивидуальность.

Такая пылкая тирада не может не насмешить, и я тихо прыскаю, потом снимаю футболку и беру с сидения другую. Так трогательно — он сразу же отворачивается. Дело не в том, что на его пальце поблескивает кольцо от словленного лучика солнца — Лив никогда не ревнует его ко мне, слишком доверяет, — Эрик просто соблюдает мои личные границы. И я его за это люблю еще больше.

— Ты забавный.

— А ты заноза в заднице, но полчаса назад была очень милой в своем розовом паричке.

— Заткнись, — усмехаюсь, а потом бросаю на него взгляд и громко цыкаю, — Я забыла закрыть свои вещи, так что остальные постигла страшная участь.

— Акварель?

— Акриловые краски.

Он издает выдох со звуком «у-у-у» и комично хмурит лицо, вытягивая губки в трубочку, но сразу же переводит тему. Мы не касаемся моего ребенка в присутствии посторонних — железобетонное правило.

— С заказчиками будешь говорить?

— Степаныч написал, что они уже уехали. Мол, видели достаточно.

— И?

— Пока не знаю. Вроде остались под впечатлением, но завтра с утра собрание — там

все станет ясно. Они хотят познакомиться со всеми кандидатами.

— Дай угадаю...

— Да, их не устраивает, что я — женщина, — устало вздыхаю, выправляя волосы из под атласного бомбера цвета хаки, — Все, как обычно. Мужики генетически неспособны признать, что я могу быть сильнее, чем они.

— Как мило.

— Ты меня понял, — улыбаюсь, глядя ему в глаза, а потом добавляю наглую шпильку, — Я же говорю о тех, кто миллионами ворочает, а не монетами зарабатывает.

— Вали отсюда. Хамка.

— И тебе всего хорошего. Доставишь его?

— Ага.

— Стоп, что?! — Ярик взвивается и резко смотрит на меня, — Ты обещала, что меня отпустишь!

— Я обещала, что ты не сдохнешь. Но кто-то же должен сесть, как думаешь?

— Но...

— Ярик, ты же взрослый мужик. Родители должны получить сатисфакцию. Надеюсь, ты хорошо осведомлен, что в тюрьме делают с такими, как ты? Если нет, не волнуйся, ты очень быстро во всем разберешься. Счастливо оставаться.

Захлопываю дверь, чтобы не слышать его оров, которые тут же становятся лишь сдавленным шепотом. Да, звукоизоляция просто превосходная....

Вдруг меня разряжает током, и я на секунду застываю. Мысль, составленная так каверзно, бьет меня наотмашь, а перед глазами снова длинный, темный коридор в мою клетку на пятьдесят втором этаже. Я так явно ее вижу, словно чувствую даже запах его парфюма, заставляющий тело покрыться давно забытым ощущением от маленьких «лапок» моих собственных мурашек.

Его голос. Руки. Ощущение его энергетики и взгляда — поздравляю, твою мать, ты снова словила очередные зрительные галлюцинации. Они у меня частенько бывают. Случается так, что что-то, казалось бы, незначительное, напоминает о нем, и все — я вижу его везде. «Лицо в толпе» — так это на романтическом, но в моем случае нет ничего романтического: мир словно становится одним, большим клоном этого ублюдка.

Как же я его ненавижу...

Прикрыв глаза, мотаю головой и достаю сигарету. Не хочу курить, но это лучше, чем чувствовать призраки прошлого, витающие в воздухе.

«Все. Теперь весь день насмарку...» — закрываю глаза, выбрасывая сигарету в урну по пути. Я снова в торговом комплексе, и снова чувствую непонятную тревогу на сердце, которое она уже прожрала насквозь, как мерзкий червь яблоко. Ничего не попишешь — это побочные действия моих решений, теперь я вынуждена жить в вечной паранойе.

Он меня не ищет, я знаю, этот мудака не дает забыть о том, как чудесно складывается его жизнь. Фоток миллион и еще парочка. Конечно, такой жгучий красавчик — мечта миллионов, не смотря на то, что он женат. Как и было предписано, Ксения Малиновская теперь Ксения Александровская. Ничего удивительного, и все равно, когда я увидела фотографии с их свадьбы, рыдала сутки. Это было больно. Я думала, что была готова, но нет, не была. Хорошо хоть, что он женился после того, как я родила — боюсь, что в свете моего состояния, это кончилось бы осложнениями. Они же все равно наступили: молоко пропало. Это большее, на что я могла рассчитывать или «спасибо, что хоть так, любимый».

Теперь его рожа украшает обложки журналов, рекламных банеров, он даже на ютубе есть. Везде. Его чертова морда просто везде!

Да и плевать. В конечно счете я выиграла гораздо больше. Слегка улыбаюсь, касаясь небольшого кулона на шее. Подарок. Самый ценный подарок, а внутри самое ценное, что у меня есть — маленькая фотография. Пусть, по факту, это еще одна фотография Александровского, зато с моими глазами.

— Ну наконец-то!

Астра верещит так, что люди на нас оборачиваются, и я сразу же ощущаю это огромное желание ее стукнуть. Держусь. Устало на нее смотрю, пока паршивка давит лыбу, подхожу ближе.

— Еще громче можно было? На нас не обернулась парочка, которая как раз смотрит мстителей в кино.

— Фу, как это пошло. Погнали лучше поедим? Хочу салатика...

— С каких пор ты ешь салатика? — усмехаюсь, но племяшка уже тянет меня в сторону эскалатора, а что я? Иду на поводу с легкой улыбкой.

Да, она заноза в заднице, но черт, из нее бьет просто дикий источник чистой, необузданной энергии, и это просто прекрасно.

Я люблю ее. Проводить с ней время тоже. Астра все говорит, говорит, говорит. Она не затыкается ни на секунду, рассказывает в подробностях их вчерашний поход в Эрмитаж с классом, потом стычку с отцом. Арн мне звонил, и я, конечно, в курсе, но с ее подачи — это все забавней. Интересно, она расскажет, что он наказал ее на неделю за то, что та посоветовала ему «потрахаться»? Нет, опускает этот момент, но хитро на меня смотрит — знает, что я в курсе.

— Папа тебе рассказал, — выдыхает, откидываясь на спинку кожаных диванов, в ответ на что я киваю и прячу улыбку в стакане, — Он достал меня уже. Вечно цепляется!

— Учительница позвонила ему и сказала...как она выразилась? Ты крутишь...

— ...Белкам хвосты. Знаю. Слышала миллион раз.

— Твой отец пытается тебе помочь.

— Он меня не понимает.

— Ты не даешь себя понять. Сразу ершишься, как ежик.

— Я всего лишь отметила очевидное! Он уже сто лет не ходил на свидание, и это ненормально!

Вижу в ее глазах отблеск беспокойства и улыбаюсь, но сразу же застываю — знаю, что последует. Теперь же в них горит чертята, как никак.

— Вот ты. Когда у тебя в последний раз был секс?

Хлопаю глазами. Даже, кажется, немного краснею, потому что его не было так давно, что мне и вспомнить сложно. Вру. Черт, я даже себе вру, поэтому опускаю глаза на свои пальцы и поджимаю губы. Я прекрасно помню свой «последний раз». Он был с ним. Пять лет назад.

— Злишься, что спросила?

— Нет, стараюсь вспомнить, — тихо усмехаюсь, а потом увожу тему из опасной, а если проще, то снова кидаю брата на амбразуру.

Его же дочь — ему и отдуваться, черт возьми.

— Твой отец не хочет отношений. Ему с женщинами не везло, Астра, и теперь ему страшно, а ты тыкаешь в больное место.

— Я знаю, что ему не везло, просто...я волнуюсь за него, — неожиданно тихо отвечает, а потом придвигается ближе и добавляет, — Знаю, что я не очень нормально это показываю, но мне неловко говорить на такие темы.

— Поэтому ты вываливаешь все разом?

— Именно. Это как с восковой полоской. Сама же говорила.

— Черт меня за язык дернул...видишь, не умею я давать советы.

— Неправда, ты классная, Мел.

— Не называй меня так.

— Прости...Елена.

— Спасибо. Но если ты так просишь, вот тебе хороший совет: будь потактичнее с ним.

Если волнуешься, объясни это, а не сыпь соль на раны. Он же не я, мужики они вообще ранимее. Их беречь нужно.

— Ладно, запомню. А раз ты не мужик, могу сказать?

— У меня есть выбор?

— Не-а. Видела обложку GQ?

— Нет, но догадываюсь к чему ты клонишь. Снова?

— Ага. Знаешь все мои одноклассницы на слюну исходят. И на брата его. Думаю, что их фотки бы слиплись...

— К чему ты клонишь? — перебиваю ее, и Астра слегка пожимает плечами.

— К тому, что...ты думала о том, как будешь вести себя дальше?

Все еще не понимаю, и тогда она придвигается так близко, что волосами полощет свой салатик, правда этого не замечает. Серьезна, как никогда.

— Он становится похож на него. Очень сильно, Мел. В смысле Елена, и...короче. Ты же понимаешь, что когда-нибудь Август догадается, кто его отец? Что ты будешь говорить ему тогда?

— Ему всего четыре, Астра.

— Он очень умный. Тебе осталось меньше времени, чем ты думаешь, а потом он начнет спрашивать. Я по опыту говорю. Ему станет интересно, и лучше бы тебе рассказать самой...

Он уже спрашивает. Перевожу взгляд в окно, потому что такие разговоры ненавижу. Мама их со мной часто заводит, папа тоже, и я всегда психую, потому что мне страшно. Август уже начал спрашивать, и скоро моих слов ему будет недостаточно. Я это тоже понимаю, и мне правда страшно. Их схожесть слишком очевидна, а с любовью моего бывшего к своей обретенной публичности, вопрос времени, когда Август догадается.

— Ты доела?

— Слушай...

— Либо ешь молча, либо я уйду, и сама будешь покупать себе свое дебильное платье!

Ерщусь сама, даже голос повышаю, поэтому Астре ничего не останется, как заткнуться и начать орудовать вилкой. Правда, это была бы не она, если бы не выдала напоследок:

— И кто еще из нас ежик...

Она права. а мне стыдно, но где-то в глубине души. На поверхности лишь злость, как защитный механизм.

После того разговора, все у меня пошло «не так». С Астрой мы расстались на «колючей» ноте, платье ей выбрали так себе. Она обиделась и хотела побыстрее от меня отделаться, а я не пыталась протянуть оливковую ветвь. Кажется, мысленно, я отхлестала ей ее по заднице — на этом функции были обрублены, поэтому чувствовала я себя паршиво. Пустая квартира только утрировала ощущения. Август был у родителей, папа забрал его смотреть новых кроликов, и я была не против, просто очень сильно соскучилась. Мы увидимся только завтра, когда я буду забирать его из садика, и теперь мне одиноко.

Черт, как же мне бывает одиноко. Лежа в постели, я долго не могла заснуть, наблюдая за отсветами фар на потолке. Хотелось рыдать. Когда сын был здесь, квартира оживала, а сейчас казалась серой и холодной, даже не смотря на красивые, яркие обои. Плевать на все это — лишь мишура, по факту мне очень одиноко. Вот и все.

Из-за своих душевных терзаний, я долго не могла заснуть, поэтому с утра, очевидно, проспала. Сбиралась наспех, бегала по квартире в поисках сначала колготок, потом юбки, а потом и второй туфли. Два раза возвращалась. Сначала забыла телефон, потом ключи от машины. Какая-то дикая тревога так и ворочалась внутри меня, а волнение достигло каких-то катастрофических размеров. Я даже машину нормально не могла вести, пару раз чуть не врезалась, от чего злилась, тревожилась и волновалась только больше.

— Тебя убьют, — пропела Алла-секретарша с рецепа, удостоившись моим средним пальцем.

Отвечать то мне было некогда, я понеслась к залу переговоров. Здание у нас было небольшое, штат сотрудников тоже, но все вполне прилично. Бежевые тона, никаких излишек, даже картины на стенах нейтральные. Все, что нужно для успеха компании «по устранению рисков». Вообще, мы занимались скорее имиджем. Проблем бывает много, а у богатых людей еще больше. Им нужно заботиться о «лице», то есть о репутации, и как же это забавно — раньше я насмеялась над Петром Геннадьевичем, который просто болел этим словом, теперь занимаюсь исправлением ЧП разного рода. Например: в прошлом месяце надо было отмазать сына депутата, которого спалили на горячем с проститутками. Ничего такого, казалось бы, шлюхи были и будут всегда, но по репутации это бьет очень сильно, и в таких случаях приезжаем мы. «Люди способные решить все проблемы».

— Простите, — запыхавшись, врываюсь в кабинет и вру напропалую, глядя начальнику в глаза, — У меня у дома столкнулись две машины. Водители орались, потом пробки и...

— Сядь. На. Место.

Говорит тихо, разделяя каждое слово короткой паузой, сверкает глазами. Вообще, он мужик неплохой, мне он всегда нравился. Папин хороший знакомый, не на уровне Петра Геннадьевича или Гриши с Ханом, но тоже довольно близкий друг. Он — бывший военный, работник прокуратуры, теперь вот руководитель «юридической фирмы». Все чин по чину, и я не спорю. Вместо этого оббегаю глазами своих коллег.

Здесь все руководители отделов. Кроме меня, твою мать. Мое место занимает Эрик, который сейчас еле сдерживается, чтобы не заржать в голос. Если бы он мог краснеть — рак бы ему позавидовал точно. Сука, делает вид, что читает что-то в папке, а самого аж скрючило. Кирилла тоже. Он сын Степаныча, и мы с ним близко общаемся, что бесит Катю. Она сидит рядом с ним, ближе чем того допускают приличия, и рожа ее просто максимально ядовитая. Она смакует этот момент, пока я борюсь с желанием запустить в нее свою сумку. Обхожу стол и присаживаюсь рядом с Эриком, который тут же стреляет в меня глазами.

— У тебя на щеке помада.

Твою. Мать. Резко отворачиваюсь и начинаю тереть ее ладонью, вызывая в старом друге уже не безмолвный смехок. Круто. Просто круто. Нет. Потрясающе! Считай, что ты прошлапила жирный заказ. Точка. Нет. Восклицательный знак.

— И последний руководитель... Елена Анатольевна, — с нажимом продолжает начальник, и я жалобно на него смотрю, собираюсь было повернуться, но цепляюсь бусами за кресло.

Нет, серьезно, это происходит со мной?! Эрик уже не сдерживается и ржет, как черт, да и другие не отстают. Кирилл весь жмурится, красный. Да, именно таким был бы Эрик, если бы не цвет его кожи. Я вот например такая. Смотрю на Степаныча с диким извинением, потом опускаю глаза и пытаюсь освободиться, а он устало вздыхает и продолжает.

— Она обычно не занимается такими делами, это не ее профиль, но у нее острый ум и просто потрясающая проницательность. Вчера вы были свидетелями слаженной работы ее группы, и если она наконец повернется, сможет рассказать детально. И. Сама.

Последнее слово он буквально рычит, как будто ставя на паузу все мои злоключения — я рву свои бусы легким (неловким) движением руки. Все. Фиаско. Застываю, а через миг комнату разрывает от смеха двух придурков, на которых я кидаю взгляд, обещающий скорейшую расправу.

— Извините, сегодня явно не мой де...

В ту минуту, когда я поворачиваюсь — все уже неважно. Все настолько неважно, что я забываю себя. Переживания. Метания. Все на свете. Потому что вижу глаза, которые думала, больше никогда не увижу. Точнее надеялась не увидеть.

Он. Он сидит, подоткнув голову рукой, смотрит на меня с поднятыми бровями, слегка щурится. Рядом Арай. Он вторит другу. Но я не касаюсь его почти, я смотрю только на Макса, забывая как дышать.

Черт...черт...черт... — это все, что крутится в моем мозгу красной, бегущей строкой. Твою мать, — иногда добавляется, и как сквозь слой толстой ваты до меня доносится.

— Наш клиент — Максимилиан Александровский. Он приехал из Москвы по совету товарища, и его дело весьма деликатное...

Макс слегка усмехается, продолжая пробивать во мне дыры глазами. Клянусь, сколько бы раз я не представляла себе нашу встречу, но так — никогда.

Черт возьми твою мать...

Лили

— ...Мальш, я в магазин сбегаю, — тихо шепчет мне на ухо муж, и я потягиваюсь, потом пару раз киваю.

— Хорошо...

Я так счастлива. Никогда не думала, что буду так бесконечно счастлива. Когда мы улетали из Москвы, мы с Матвеем улетали в неизвестность. По факту так и было. Подушка безопасности — это, конечно, хорошо, но когда у тебя есть столько денег, чтобы никогда о них не думать, ты начинаешь понимать — это не самое важное то по итогу. Раньше я думала, что самое. Мне было так страшно снова остаться ни с чем, но после подарка Петра, стало спокойней. Я вспоминаю его иногда, но с теплотой, не смотря на все плохое, что было между нами. Плохого было много. Нет, оно не стерлось, и благодаря этому плохому, теперь я могу сравнить.

Наверно так до конца и не поймешь, что тебе на самом деле нужно, если не побываешь на дне. Я вряд ли угомонила бы, но рядом с Матвеем, после всего, через что мы оба прошли, я чувствую себя по-настоящему особенной. Он дарит мне цветы. Каждые три дня новый букет, и это так просто — цветы. Ни шмотки, тачки, дома и квартиры, а цветы. Я их не получала лет сто, а сейчас понимаю, как это на самом деле важно. Просто пойти и купить своей женщине чертовы цветы. Глупость такая...

Нет, это, конечно, не секрет наших отношений. Мы просто друг друга понимаем, много говорим, не скрываем и не таимся. Мы не играем. Друг перед другом мы абсолютно обнажены, и это со мной впервые. Раздеваясь перед ним, я снимаю не только одежду, но и все свои защитные маски. Он знает меня настоящую. Мне много времени понадобилось, чтобы понять: мне не нужно кем-то притворяться, чтобы меня любили. Я этого достойна просто за то, кто я есть. За мои мысли, даже страхи и переживания. Все это я, и все это ему нравится. Он не пытается меня переделать или прогнуть, Матвей единственный мужчина в моей жизни, который принял все и не отвернулся. Раньше я этого больше всего боялась, так как моя собственная мать от меня отвернулась. Больше на меня это не давит, я отпустила и простила ее. Мы даже созванивались пару раз, но все сошло на нет. Мама «утонула» в поисках «сокровищ», а я осталась на суши со своей семьей.

Да, теперь у меня есть своя семья. Муж. Мы поженились в небольшой часовни через два года после переезда, и на свадьбе были все братья и сестры Матвея, даже Макс. Мне больше не было странно находиться с ним рядом, потому что я окончательно и давно признала — «мы» давно в прошлом. Любовь к Матвею меня излечила полностью, и, как сказала Ирис, я стала совершенно другой. Точнее собой, просто более счастливой. Она тоже прилетала на мою свадьбу, и с ней мы поддерживаем отношения, правда она не вдается в подробности их жизни. Я по началу обижалась, но потом она сказала одну вещь, и все прошло: если ты узнаешь, Лили, тебе придется врать мужу до конца своих дней. Тебе оно надо? Нет, тетя, не надо. Ты права была, и за такой совет я всегда буду тебе благодарна. Может, не получи я его, не получила бы и свои главные сокровища? Двух маленьких девочек-близняшек. Они черненькие, как Матвей, но напоминают мне давно ушедшие годы и Розу. Я назвала их ее честь: Роза и Изабелла. Теперь она всегда будет со мной, и иногда я даже вижу ее в них.

Телефон нарушает мои утренние «лежебочества», и я тихо цыкаю, тянусь за трубкой, на экране которой высвечивается незнакомый номер. Честно? Думала, что Матвей. Он с девочками ушел, и я подумала было, что он что-то забыл, но нет.

— Да? Кто это?

— Он знает? — тихо спрашивает давно забытый, но так хорошо знакомый голос.

Я резко сажусь, сердце начинает колотиться, а сама я прижимаю к груди руку. Выдыхаю имя, которое жжет...

— Аме...лия? — слезы тут же скатываются с глаз, а на том конце трубки слышу такое же тяжелое дыхание.

— Ответь всего на один вопрос, Лили. Ты что-то слышала обо мне от него?

— Амелия...это правда ты?

— Ответь, твою мать, это очень важно! Он что-то обо мне говорил?! С Матвеем обсуждал?!

— Кто?

— Макс! Он что-то говорил?!

— Не...нет. Насколько я знаю, нет...а...

— Ничего не говори маме. Слышишь? Мама не должна знать, что я звонила. Ни при каких обстоятельствах.

— Амелия...

— Мне надо идти.

— Стой, но...

— Знаешь? — тихо усмехается, а потом добавляет, — Я по тебе скучала.

Звонок прерывается, а я так и сижу на постели в лучах солнца. Не знаю, сколько это длится, и прихожу в себя лишь от тихого голоса мужа.

— Лили? Ты плачешь?

— Что тебе известно об Амелии? — также тихо спрашиваю, поднимая на него глаза, — Точнее о планах Макса. Что тебе известно, Матвей?

Эпилог II. Through the Valley

*I walk through the valley of the shadow of death
And I fear no evil because I'm blind to it all
And my mind and my gun they comfort me
Because I know I'll kill my enemies when they come*
Shawn James — Through the Valley [\[17\]](#)

В большой гостиной стояла тишина. Двое сидели в креслах, напротив камина. Не настоящий, электрический, модный. Он давал лишь видимость огня, хотя отблески на стенах были почти, как от настоящего. «Почти» здесь главное слово, его бы выделить красным — механические, искусственные языки создавали не плавный, красивый танец, а какие-то циклические, рваные движения, от чего всполохи казались куда как более устрашающими.

Пахло пластмассой. Нет, конечно в таком шикарном доме не может пахнуть пластмассой, скорее дорогими духами и пионами, стоящими в вазе. Огромный букет нежно-розовых, ярко-розовых, белых — красиво, но даже они не могли обмануть мозг. На каком-то интуитивном уровне, здесь пахло пластмассой, потому что настоящего ничего не было.

— ...Так он ее все-таки нашел? — раздается первый голос, а второй на это тихо усмехается.

— Нашел.

— И? Привезет в Москву, насколько я понимаю?

— Скорее всего.

— Долго же он.

— Он не его отец.

— Его отец лишь хорошо распиаренная утка. Обман. Фикция.

— У всех есть слабые места.

— Петр сам был одним сплошным больным местом. Куда не ударь — сразу посыпется.

Второму участнику разговора не хотелось спорить. Усталость навалилась, голова раскалывалась и что-то внутри не давало продохнуть. Да и зачем спорить? Второму человеку нужна не агрессия, которую он вызовет колкими шпильками, ему нужно содействие.

— На этот раз, я очень надеюсь, что все пройдет нормально?

— Ты у меня спрашиваешь? Напомнить, кто облажался? — грубо рычит первый, и второй досадливо тупит взгляд.

Да, второй знает, кто облажался, и это бесит. Так бесит. Так сильно! Как будто победу у него буквально вырвали за миллиметр от ее получения, хотя так, наверно, и было.

— Все пройдет ровно.

— На этот раз я за этим прослежу.

— Я хочу...

— Мне плевать, что ты хочешь. Все это твоя вина, но ничего...Я восстановлю равновесие, и у меня не дрогнет рука. Максимилиан еще не понял, но скоро я отниму у него все.

Двое замолкают. Эмоции утихают. За окном льет дождь, разбиваясь о холодные стекла тысячами маленьких капель, и первый ухмыляется. Он знает, как получить, что он хочет, а

он хочет отомстить. Для его мести все готово, как будто звезды сложились сами собой. Время пришло.

Он делает небольшой глоток холодного чая, потом отставляет его на столик и поднимается, кидая взгляд на своего собеседника.

— Тебе бы тоже напомнить себе об этом. Я не даю вторых шансов, а для тебя сделаю исключение всего раз. Не разочаруй меня больше, или ты жестоко об этом пожалеешь.

Второй смотрит в спину первому. Тот отдаляется медленно, но даже в шаркающих шагах чувствуется твердость.

За окном все также идет дождь, который обещает большие перемены, очищение, возобновление и возрождение. Надеюсь, так и будет. Он же действительно не дает вторых шансов...

Конец третьей части

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

*Так или иначе, я найду тебя
Я поймаю тебя
Так или иначе, я собираюсь выиграть
Я поймаю тебя
Так или иначе, я увижу тебя
Я встречу тебя
Одним днём, может, на следующей неделе
Я встречу тебя, я встречу тебя.
Я проеду мимо твоего дома
И если все огни погашены
Я посмотрю, кто вокруг*

*Хотелось бы мне замечать манипуляции,
Осознавать изнурительность ожиданий в твоей голове.
Обними меня так, словно ты никогда не терял терпения.
Скажи мне, что любишь меня больше, чем постоянно ненавидишь.
И ты всё ещё мой.
Так дыми, если тебе есть чем, ведь всё идёт под откос.
Всё, что мне когда-либо было нужно, — это ты.*

Мария Склодовская-Кюри — польская и французская учёная-экспериментатор, педагог, общественная деятельница. Первая женщина — преподавательница Сорбонны. Удостоена Нобелевских премий по физике и по химии, является первой женщиной — нобелевским лауреатом в истории и первым дважды нобелевским лауреатом в истории. Умерла в результате долговременной работы с радием.

Ива́н Ива́нович Ши́шкин — русский художник-пейзажист, живописец, рисовальщик и гравёр-аквафортист. Академик, профессор, руководитель пейзажной мастерской Императорской Академии художеств.

Иса́ак Ильи́ч Левита́н — русский художник, мастер «пейзажа настроения».

*Играла музыка, и пели люди,
Но только для меня звонили церковные колокола.
Теперь ее нет, и я не понимаю почему,
И до сегодняшнего дня я плакал иногда.
Она даже не попрощалась
И не стала врать.
Пиф паф, она выстрелила меня,
Пиф паф, я повалился на землю.
Пиф паф, какой ужасный звук!
Пиф паф, моя детка пристрелила меня...*

*В моём сердце начинается жар,
Переходящий в лихорадку, и я выбираюсь из мрака...
Наконец-то я вижу тебя кристально чётко.
Давай, продай меня с потрохами, а я выведу тебя на чистую воду.
Смотри, я ухожу, унося с собой частицы тебя,
Не недооценивай то, что я могу сделать.
Шрамы, оставленные твоей любовью, напоминают мне о нас,
Они заставляют меня думать, что всё у нас почти было.
Шрамы, оставленные твоей любовью, мешают мне дышать,
Меня не покидает чувство...
...что у нас могло быть всё.*

Эмпайр-стейт-билдинг (англ. Empire State Building) — 102-этажный небоскрёб, расположенный в Нью-Йорке на острове Манхэттен

Владимир Евгеньевич Кривовский (род. 19 декабря 1975, Горький) — российский музыкант, актёр, вокалист и лидер группы Ута2ртаН.

*Ах, он в небесах с алмазами, и он выводит меня из себя,
Я возвращаюсь к жизни, к жизни.
Ему охота только тусовать со своей красоточкой.
Давай, малыш, поехали,
Мы можем уйти к великому сиянию,
Я знаю твою жену: она не будет против.
Мы уже достигли другого мира.*

Цитата из «Красота по-американски»

Речь идет о знаменитой сцене фильма «Красота по-американски».

*О-о, отец, скажи мне,
Правда ли, что мы получаем по заслугам?
Мы получаем то, что заслужили.
Мы идём ко дну...
Ты прожигал жизнь.
Твой час пробил, ведь мы все отправляемся вниз.
Но перед падением,
Хватит ли тебе смелости посмотреть им прямо в глаза?*

(пер. с французского) Что ж, очарован, это точно.

И все дети кричат: "Пожалуйста, хватит, вы меня пугаете!"

Я во власти этой ужасной энергии.

Все правильно, черт возьми, ты должен бояться меня,

У кого сейчас власть?

*Потому что, малыш,
Нет гор настолько высоких,
Нет долин настолько низких,
Нет реки широкой настолько,
Чтобы помешать мне добраться до тебя, малыш.*

Я иду долиною смертной тени.

Не страшусь я зла, ибо уже слеп к нему.

Здравый смысл и пистолет успокаивают меня,

Ведь я знаю, что убью врагов, пришедших за мной.